

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

СВЕРДЛОВ

ПУТЕШЕСТВИЯ „УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА“ ПО СССР

Две жизни корабля

Глубокой осенью 1933 года на отмель небольшого островка Богомол в Кандалакшской бухте эпроновцы привели ржавую корабку только что поднятого корабля. „Садко“.

Маленький островок за несколько дней превратился в шумный поселок. Палуба „Садко“ очищалась от мощного слоя ракушек, морских звезд, ила, обрывков водорослей. В каютах с потолков свисали гирлянды морских пиявок, красных, как кровь, червей, актиний. В трюмах плавала мертвая рыба. Все это одуряюще, нестерпимо пропахло каким-то своеобразным запахом морского дна.

По бокам „Садко“, крепко связанные с ним, выглядели огромные железные бочки понтонов. Каждая из пар поднимала корабль с силой в 400 тонн. 400 в каждой из шести пар — итого 2400 тонн воздуха, запрятанного в понтоны и рвущегося вверх. В своей борьбе против одной из стихий природы — воды — человек сумел приручить другую, не менее грозную и капризную силу — воздух.

Вечером сменялись вахты. Менялись водолазы, ставящие бетонную заплату, механики, смазывавшие машину, матросы, очищающие палубу. Эпроновцы переходили на свою пловучую базу. Дряхлый и смешной пароходик „Декрет“ доживал в Кандалакшской бухте какой-то очень древний, едва ли не восьмидесятилетний год своего плавания. Его раскопали эпроновцы где-то на рудметаллсвалке, подновили и сделали своей базой. Здесь жили. Отсюда к „Садко“ шли шланги и электрические провода.

В новом кубрике освободившиеся водолазы регулярно заводили патефон. Пластинки были подняты вместе с кораблем. Они отлично сохранились и после просушки звучали, как новые. В кают-кампании лежал альбом с многоцветными открытками. Вода почти не тронула его. На одной открытке был изображен Москвин в роли Луки из пьесы „На дне“ А. М. Горького. Кудрявая подпись была как нельзя своевременна: — Умей на каждом дне найти свою сладость.

Эпроновцы нашли свою „сладость“ на дне моря, она оказалась не плохим кораблем.

В 1933 году „Садко“ исполнилось 20 лет. Купленный в 1913 году у англичан за миллион с лишним золотых рублей, корабль проплавал всего лишь года три. Последним в его старой жизни был рейс 16 июля 1916 года...

Сиятельная комиссия во главе с губернатором ехала на обследование строящейся Мурманской железной дороги. Стояли ясные и тихие дни. Капитан Бурков вел корабль по родным местам. Курс он выбрал необычный и непроверенный, мимо угрюмых островков, заросших темнозеленой щетиной елок.

По натуре капитан был лихач. Ему хотелось блеснуть перед высокими пассажирами. На полном 15-мильном ходу „Садко“ наскокил на „Сахарную голову“ — острый шпиль подводного камня. Корабль не остановился.

Бурков погнался дальше, когда каменный нож вспорол бок корабля. Через огромную пробойную воду хлынула в кочегарку. Потом она ворвалась в иллюминаторы. „Садко“ быстро тонул. И когда палуба закрылась водой, непонятно и неожиданно ледокол загудел. Жалобный гудок пронесся над спокойной гладью воды, и трудно было бы поверить, что лишь 10 минут назад здесь плыл корабль, если бы не переполненные пассажирами лодки, быстро гребущие к острову Богомолиха, да торчащие из воды мачты, кончик трубы и часть шлюпки, зацепившейся, повидимому, за шлюпбалку.

Пассажиры и команда спаслись.

Зимой льды срезали у „Садко“ мачты, снесли трубу. Но место его гибели не было забыто. Первыми явились водолазы, пригашенные Бурковым. Пришли они, и, не мечтая о том, чтобы поднять корабль, обшарив каюги, вытащили капитанские чемоданы, пишущую машинку, бочку масла и 30 бутылок коньяку.

Позднее, в годы северной интервенции на „Садко“ забрались подводные пираты. Они сняли судовые компасы, выта-

щили радиостанцию и до конца ограбили верхние каюты.

Судно никто не беспокоил. Его заселяли подводные жители. Борты и палуба зарастали ракушками, и морской капустой.

В 1931 году подъем „Садко“ был поручен краснознаменной экспедиции подъемных работ — Эпрону.

Так началась вторая жизнь корабля, который совершает сейчас под советским флагом высокоширотное полярное плавание с научно-исследовательскими целями под начальством Г. А. Ушакова.

Фрегат „Паллада“

Летом 1935 г. во Владивосток из Татарского пролива прошел пароход „Тобольск“, в трюмах которого находятся части знаменитого, воспетого Гончаровым фрегата „Паллады“.

Неизвестно еще, что везет „Тобольск“, тем не менее любая частица с потопленного фрегата имеет исключительный исторический интерес.

Подъем „Паллады“ начался весной. С начала мая в Советской бухте группа дальневосточных водолазов и главное управление краснознаменного Эпрона уже получили подробный материал обследования.

Фрегат, пролежавший на дне моря семьдесят один год, сохранил свою форму, хотя все же обветшал, оброс ракушками и морскими растениями.

Поднять корабль целиком оказалось невозможным. Между тем, убрать фрегат со дна Советской бухты было необходимо как можно скорее. Кроме исторического значения, какое имеет подъем старинного корабля, эпроновцы руководствуются интересами судоходства. Лежащая на дне бухты „Паллада“ мешала плавающим пароходам.

Дальневосточный отряд Эпрона решил поднять фрегат по частям, и водолазы, опускаясь на дно, разбирают палубу и остов „Паллады“.

Наиболее сохранившиеся части будут отправляться со дна

(Продолжение см. на 3 стр. обложки)

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
ЗАНИМАТЕЛЬНОЙ ИСТОРИИ, ГЕОГРАФИИ И КРАЕВЕДЕНИЯ

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СВЕРДЛОВСКОГО
СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

СОДЕРЖАНИЕ

Степные огоньки. *Рассказ о челябинских степях и ЧТЗ.* В. СТАРЦЕВА.—Алмазоискатель Кунда *Рассказ* С. БУДИНОВА.—Говорящий чугуун. *Очерк о каслинском художественном литье* М. ЗУЕВА-ОРДЫНЦА.—Золотые истории. *Очерк* ВЯЧ. ЯРКОВА.—Озера Зауралья. *Очерк* Т. РАУХВЕРГЕР.—Ласковое озеро Сарыкуль. *Рассказ* В. БИАНКИ.—Чудесное озеро. *Очерк* К. РОЖДЕСТВЕНСКОЙ.—Вниз по Каме. *Путевой очерк* Б. РЯБИНИНА.—Рождение Камы. *Очерк* М. МБЗОРД.—Камень говорливый. *Рассказ* А. КОЖЕВНИКОВА.—Мой первый прыжок. Т. САМАРИНОЙ. Арктический велоследопыт. В. ИТИНА.

19 35

СВЕРДЛОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
С В Е Р Д Л О В С К

Обложка художника А. Давыдова

*

Технический редактор **В. Д. Коркин**
Корректор **О. Д. Березина**

*

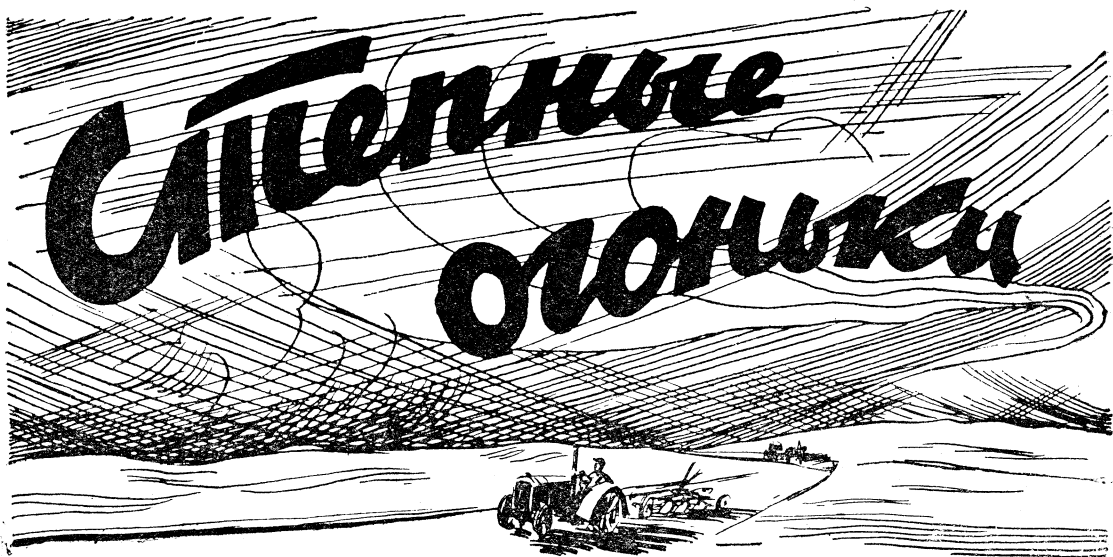
Свердлгиз

*

Сдано в производство 7/VIII 1935 г.
Подписано к печати 23/IX 1935 г.
Уполномочен. Свердлобллита В—2089.
Огиз № 1259. Индекс V — П. Бум. Оку-
ловской ф-ки. Форм. бум. 72×105¹/₁₆.
Бум. л. 2¹/₂. Печатных л. 5. Печатн.
знаков в бум. л. 150 000. Учетно-автор.
л. 9,01. Тираж 10 000 экз. Заказ № 712.

*

Отпечатано в типогр. Огиза РСФСР
треста „Полиграфкнига“, г. Сверд-
ловск, Банковский пер., № 3.

Рассказ В. СТАРЦЕВА

Рис. худ. Б. Маркичева

Охота на озере Сугояк

Весна в полном разгаре. Снег давно сбежал мутными ручьями. Приглаженная, поникшая под тяжестью снега, пожелтевшая трава на открытых болотцах поднималась. Солнце сушило ее, ветер вздыбливал безжизненные стебли.

День клонился к вечеру. Уходящая в даль степь золотилась скользящими лучами. Дышалось легко. Автомобиль летел со скоростью 40 километров в час. Машина вздрагивала. Шофер Петя, ловко поворачивая руль, объезжал ямки и выбоины степной дороги. Сидевший рядом Иван Андреевич то и дело ругался и нервно покрикивал:

— Петя сдержи!

— Нельзя, Иван Андреевич, запоздаем к вечерней зорьке на озеро. До Сугояка еще километров двадцать, а солнце уж прячется.

Иван Андреевич задумался. Ему было над чем задуматься. Он не любил степь. Его стихией была сибирская тайга. Он родился и вырос там, среди дремучих, непроходимых, нетронутых лесов. Где-то за тысячи километров к северу от Иркутска затерялась его деревушка.

Вот и сейчас, глядя на него сбоку, я чувствовал, что его мысли там, на Ангаре, в Илюе, Илеме, на Тунгуске-реке. Какая ему охота на уток! Его охота — дикий зверь. Он — соболятник, медвежатник.

Перед нами раскинулась лесостепь

Какие просторы! Пашня, пашня — насколько хватит глаз. Одни участки вспаханы, они чернеют, как смоль, среди безбрежного пожелтевшего моря травы. Желтеющие пространства прерываются чернолесьем, мелким березняком.

Хороша лесостепь, особенно в вечерний час! Жаворонки, трепеща крыльями в воздухе, разбрасывают серебряные переливы своих песен. Слева и справа дымят тракторы. Они тоже поют свои песни — песни труда и победы.

Где-то в стороне громко крикнул перепел. Ему отозвался другой, третий... Вон по небосклону медленно тянется длинная вереница журавлей. Кричит в траве невидимая пичужка, словно в рожок гудит.

Вправо промелькнуло зеркало озера, отливая гладью серебра.

Вот и озеро Сугояк.

Петя разом остановил машину.

— Вылезай, приехали!

Давно забытый шум озерной жизни резал слух. Кряканье уток, многоголосый говор диких гусей, гоготание в поле, примыкающем к озеру, куропадок, — все эти голоса — один сплошной гомон.

Перелет был в полном разгаре.

Вдруг воздух прорезал оглушительный выстрел и одновременно с ним невероятный гвалт поднялся на озере.

Утки, гуси поднимались стаями.

Иван Андреевич беспрерывно стрелял. Огненная змейка то и дело прыгала из его ружья. Он притаился в камышах. Петя не отставал от него.

Мой патронташ тоже пустел. Подстреленная в воздухе птица шлепалась в воду, в камыши.

Вечерело...

— Гей! Будет стрелять, темно. Давайте уток собирать, а то поздно будет,— закричал я.

Стрельба прекратилась. Напуганные птицы продолжали в смятении резать воздух над самой головой. Где-то далеко в степи стрекотал трактор.

— Петя, ты куда машину поставил?— спросил я.

— А там, у „дома на колесах“. Около него и оставил. Может, в нем и переночуем.

Путешествующий дом

Наскоро подобрав уток, мы пошли к машине.

— Верно, целый дом на колесах,— удивился Иван Андреевич. — Вот чудеса!

— Это кочующий стан колхозников,— разъяснил я. — Здесь ведь степь. Расстояния большие. Поля на десятки километров тянутся. Выедут в поле колхозники, везут и избушку на колесах. В ней они хранят продукты, инструменты всякие, а холодно, так и спят в ней. Закончат обработку ближайшего поля—везут избушку дальше. Так и путешествует колхозный стан.

— Чудеса, право!— ворчал Иван Андреевич. — Досчатая изба на колесах! Ишь как сделана! Прямо на осях поставлена. Чудеса!

— Ты, Иван Андреевич, в избушку-то зайди, посмотри.

Я осветил избушку свечей.

Иван Андреевич кряхтя поднялся по ступенькам скрипучей лесенки.

— Вот это дом! Что тебе автобус или вагон!— восхитился он.

У дальней стены избушки стоял столик на подставке. Одна сторона его крепко приделана на петлях к стене. Я поднял одну за другой две откидных доски, висевшие вдоль стен.

— Вот тебе и скамейка, а вот тебе и другая. Столовая готова!— продолжал я показывать сибиряку устройство домика. — Теперь сделаем спальню.— Я с шумом подвернул ножку стола. Столешница опустилась и повисла по стене. Взял доску с пола, положил ее со скамейки на скамейку, другую, третью. Получились нары.

— А вот тебе и спальня, Иван Андреевич!

— Чудеса, право! И пол двойной. Один, значит, мертвый, другой разбирается—и постель...— удивлялся Иван Андреевич.

— Ну, как тебе нравится? Ты думаешь, наши колхозники живут хуже твоих лесовиков? Погляди, как ловко и чисто все сделано.

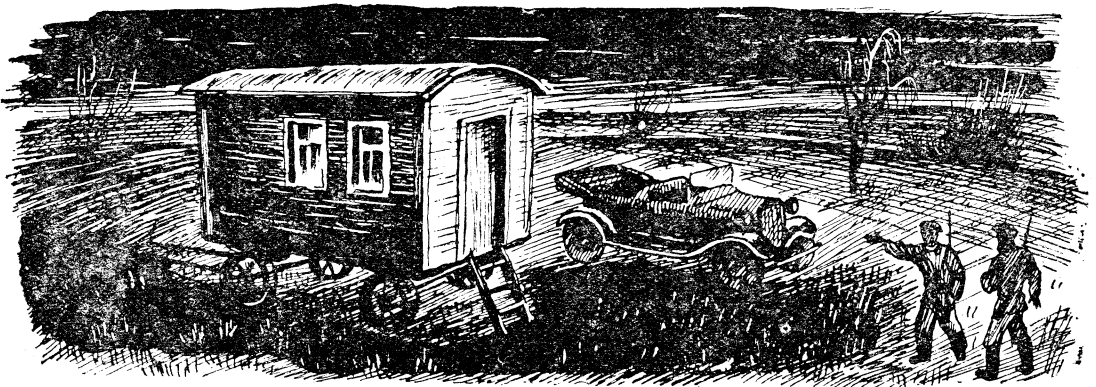
— Приспособились славно, что и говорить. Позавидовать можно.

Пока я показывал Ивану Андреевичу колхозный стан, Петя уже вскипятил чайничек. Мы быстро „сделали“ столовую и занялись чайком. Тем временем доварилась и утка в котелке.

— Славно попалили,— восхищался Петя, подавая котелок с варевом.— Я выпустил двадцать два патрона.

— А убил сколько?

— Убил? Шесть уток! Это небывалое для меня. Сроду такого множества уток не видал. Палил, не целясь, в ту сторону, где летят — и все тут.

— Досчатая изба на колесах! Ишь как сделана! — удивлялся Иван Андреевич.

Крылатые расхитительницы хлеба

— Да, уток страсть сколько,— согласился Иван Андреевич.— Ох и жрут же они колхозного хлеба много, небось...

— Прошлую осень председателю Челябинского городского совета какой-то охотник зоб утиный принес,— рассказывает Петя,— так вы не поверите. В этом зобу 200 граммов пшеницы оказалось. Настоящей пшеницы, зерна. Вот и считай, сколько утки хлеба пожирают. Председатель показал это в Облисполкоме, а Облисполком тогда же постановление вынес, в котором разрешалось бить уток всеми способами, даже хищническими.

— Да, было такое постановление,— подтвердил я.— А ну, посчитаем. Одна утка в день съедает 200 граммов пшеницы. В месяц она съест 6 килограммов. В два месяца, август-сентябрь, 12— килограммов. А сколько их, Петя, сколько уток на одном озере Сугояке! Ты подсчитал?

— Как же, сочтешь их! Десятки тысяч!

— Вот тебе и десятки тысяч! Допустим, их в Челябинской области—ну хоть 500 тысяч штук. 500 тысяч на 12 килограммов—шесть миллионов килограммов или 60 тысяч центнеров! Вот сколько съедают хлеба дикие утки за лето!

Иван Андреевич даже жевать перестал. Так и застыл в ожидании еще более удивительных цифр.

— Миллион уток съест 120 тысяч центнеров!— продолжает Петя.

— Ну, может быть, утки и не съедят 120 тысяч центнеров по области. Они ведь не только сбивают зерно с колосьев, а собирают и упавшие зерна. А эти зерна для нас все равно пропадают. В Америке, например, фермы после снятия урожая выгоняют домашних птиц в поля на откорм. Так что в расчетах, сколько утки съедят хлеба, нужна поправка в 40-50 процентов.

— Да, но ведь и при этой поправке 500 тысяч уток, а их вряд ли будет меньше, съедят 30—40 тысяч центнеров хлеба! Отъедятся на наших хлебах и улетают в Средиземное море, на Черное море, к берегам Турции, в Персидский залив, Аравийское море. Там их бьют и кушают да похваляют.

— Не пускать, бить их здесь надо и есть самим!— негодует Иван Андреевич, раздвигаясь со второй утиной лапкой.

Долго еще разговаривали мы про уток, про охоту. Потом „сделали“ спальню,

растянулись на голых нарах и положили в головах рюкзаки.

С озера доносилось утиное кряканье. Шелестел прибрежный камыш под дуновением ветерка. Издалека доносился шум трактора. Под эту своеобразную шумовую музыку степной ночи, усталые от суеты дня, мы погрузились в сладкий сон.

Еще немножко охоты

Восток чуть-чуть алел, когда я выпрыгнул из стана. Дул холодный ветерок. По телу пробежала короткая дрожь. Над головой со свистом летели утки. Их еще не было видно. С озера доносились вечерние звуки.

Я разбудил товарищей и скоро мы были вновь на озере, и пошла канонада.

Было семь часов утра. Выстрелов стало меньше. Я пошел к стану. Там я застал двух колхозников и пару лошадей в сбруе. Домик на колесах готовился к новому путешествию.

— Куда это вы, товарищи?— спросил я.

— Возьмите свои котомки из избы. Мы ее перевозить приехали. Там, на новом месте, мыши продукты едят. Подвезем поближе к трактору. Здесь все уже вспахали.

— А что, у вас там „сталинец“ работает?

— А то как же. В нашем колхозе три „сталинца“. Два-то пока не работают—горючего не подвезли во-время. Сегодня ждем.

Подошедший в это время Петя, услышав про „сталинца“, весело продекламировал:

Уж завела деревня дружбу

С тяжелым „сталинцем“ у нас...

„Дом на колесах“ задергался. Лошади натянули постромки, и дом поехал.

— У нас в Сибири так не повезешь,— говорит Иван Андреевич, пришедший вслед за Петей.— У нас с горы на гору, да лес кругом. Не поедешь. А тут что, везде где хочешь поезжай.

— Ну, теперь куда? Поедем в степь, что ли? Тут, говорят, много озерко, болотца есть. Постреляем еще, а к вечеру и домой,— предлагаю я.

Все согласились.

Машина загудела, и мы поехали без дороги. На пути то и дело попадались перелески. Они чередовались с пашнями. Пашни, покрытые чертополохом, перекати-поле и разными сорными травами,

желтели. В березовых перелесках сохранилась весенняя вода. Она блестяла разбросанными зеркалами. Из желтой травы выпархивали куропатки, из ям поднимались тяжелые кряквы и стремительные чирки. Изредка, прижав уши, уносился прочь напуганный заяц. Суслик, свистнув, спрятался в нору. Машина пела заунывную песню, пробираясь по пашням, заросшим травой.

Мы направлялись к чернеющей на фоне беспредельного желтого ковра березовой поросли. Вот и роща. Из березника с шумом, тяжелым полетом вырвался тетерев. Слева с руганью поднялся куrop.

Четыре заряда полетели вслед тетереву. Он продолжал лететь.

— Помирать полетел... — смеется Петя.

А тетерев, словно смеясь, описал огромный полукруг, сел на вершину одиноко стоящей березы и закеркал.

Иван Андреевич повеселел, встретив в степи родную птицу.

Здесь мы и остановились. Поставив машину в леске и закусив, мы разбрелись в разные стороны.

Только к вечеру собрались мы к машине.

— Ну, как тебе, Иван Андреевич, нравится наша лесостепь? Что, она беднее дичью вашей тайги?

— Дичи много, — сказал он, показывая на свой ягдташ, набитый доверху белыми куропатками. — Земля уж больно хороша, чернозем все! У нас такой земли нет. Житуха это, а не земля. Я к трактору ходил.

— К трактору! — удивился я. — Да ведь до него, поди, пять-шесть километров будет!

— А что мне такое пять километров? Подумаешь! А хоть бы и двадцать пять! — обиделся Иван Андреевич. — Хорошо работает! Сколько он плугов прет! Земля уж больно хороша. „Сталинец“, поди, двадцать наших плугов заменит, — задумчиво продолжал он...

— То-то оно и есть, Иван Андреевич. Вот и гляди, что такое наша степь: дичи много, избушка на колесах, земля хорошая, „сталинец“ двадцать плугов прет, озерки кругом, а ширь-то, ширь-то какая! А тебе все бы лес, да лес...

— Без такой степи мы бы пропали, а без „сталинца“ и зажиточной жизни никогда не видать бы, — вставил Петя.

Иван Андреевич ничего не сказал. Молча взял рюкзак и лег за ветерок в ямке отдохнуть.

„Старик-то верно опять мыслями в лесу, не может никак привыкнуть к степи. Все тоскует“, — подумал я, и глянул на горизонт.

Степь горит!

Что это? Не пожар ли? Потемневшее небо над краем степи занялось заревом. А вон еще и еще... „Это, наверное, палы пускают колхозники. Сорные травы жгут на распаханых землях, — думал я. — Зачем же они в такой сильный ветер палы пускают? Вон бегут огоньки, языками разбегаются, то замирая, то вспыхивая заревом пожара... А дыму-то, дыму-то сколько!“

Я вышел на опушку березового колка. Желтая трава шелестела сухостью. Прошлогодний ковыль низко склонялся под силой рванувшего ветра. Огоньки все ближе и ближе... Вот слышен уже треск горящих сучьев кустарника... „Весной трава сухая, как порох“, — думал я.

Огоньки быстро приближались... Ветер гнал их в нашу сторону. Какая величественная картина — пожар в прериях! Хочется кинуться и остановить эти быстро бегущие огоньки. Но что же это я? А как же машина? Сгорим ведь? Распаханных полей близко нет. Порох везде...

Я бросился к машине. Петя сладко спал, растянувшись на подножке машины и положив ноги на крыло.

— Петя, сгорим, пожар в степи!..

Огонь, пока я был с правой стороны березника, близко подходил с другой стороны. Через минуту нас начало обдавать дымом и жаром. Опасность была велика. Тушить невозможно, надо было спасаться.

Иван Андреевич выскочил из ямки и бросился бежать к открытому месту...

„Что это он, испугался? Даже рюкзак забыл“, — подумал я.

Машина загудела... Мы двинулись за Иваном Андреевичем по ветру. Огоньки наступали сзади. Впереди показался дым. Мы оказались среди бушующего огня. Это Иван Андреевич поджигал траву впереди нас...

Петя остановил машину. Иван Андреевич бежал и все поджигал, поджигал.

— Эх, Иван Андреевич, что ты надеялся? Ведь мы бы успели уехать!

Старик позаботился о нас раньше, чем мы сами — он хотел спасти нас и пустил вторичные палы...

Вскоре я убедился, что он был прав. Мы все равно не успели бы выехать на распаханые поля. Они были далеко.

Ветер еще усилился. Теперь он рвал клубы надвигающегося на нас дыма, уносил его от нас...

Я бросился затаптывать золу сгоревшей травы от пущенных Иваном Андреевичем палов. Петя тоже был готов выпрыгнуть на обгоревшее место.

— Держись, Петя, до последней минуты. Нельзя, шины лопнут. Взрыв будет!

Сзади нажимал огонь... В горле становилось горько. Глаза слезились.

„Пожар в прериях“, — думался, продолжая затаптывать теплую золу ногами.

— Петя, сюда! Можно сюда, еще дальше, еще дальше!.. Ну, теперь не страшно, — крикнул я.

Так же быстро, как налетел, так и пропал огонь. Огненные язычки-огоньки добежали до кромки встречного пала,

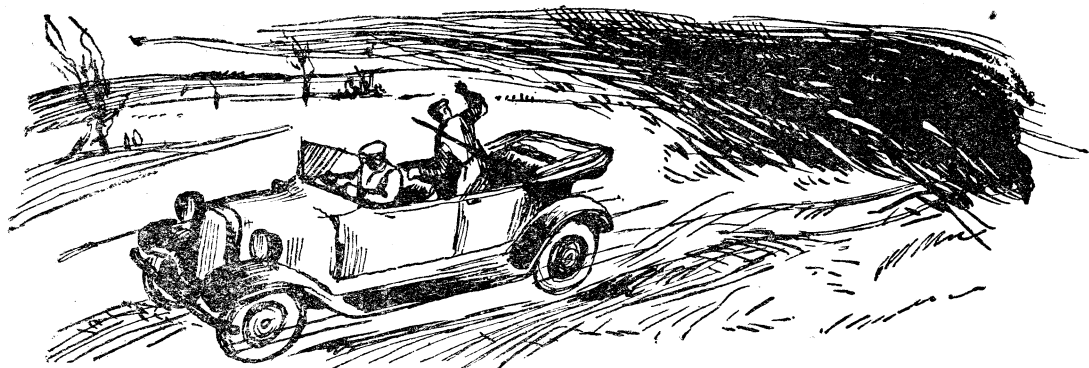
и погасли. Огонь теперь бушевал справа, слева и впереди. Сзади, против ветра, чернела опаленная степь. Словно какой-то громадный плуг прошел по только что желтевшему полю.

— У нас бы так не спастись. Пожар в лесу страшнее. В лесу огонь по вершине, в середине, по земле бежит. Везде огонь. А здесь что? Лизнул, да и все тут! — заметил Иван Андреевич.

— Вот тебе и удобрение готово, — сказал я, успокоившись. — Зола — это прекрасное удобрение. А посмотри-ка, сколько земли у нас! Разве у вас там в Илимском есть такое поле?

— Да, у вас тут ее много. А далеко тянутся степи?

— Далеко, до самого Каспийского моря. Только дальше пойдут солончаки, потом пески. В Челябинской области везде паши, везде сей. Около семи миллионов га поднять можно. И пней

Нас стало обдавать дымом и жаром. Мы двинулись за Иваном Андреевичем.

корчевать не надо. Сорок процентов всей площади — пахотная земля, — рассказываю я Ивану Андреевичу.

— Как же и куда мы теперь выезжать будем? — задает вопрос Петя. — Туда, откуда пожар шел — негодится, далеко будет. Бензина нехватит. Да и меж озерков не проедешь. Туда я далеко ходил. Вправс — невозможно, влево — тоже невозможно. Остается ехать за огнем. Он к деревне идет...

— Как бы деревня не сгорела! — обеспокоился Иван Андреевич.

Деревня была где-то за бугром, почти на горизонте. Степные огоньки широкой полосой направлялись к ней.

— Нет, деревня не сгорит. Поля там уже распаханы кругом, — высказываю я свое соображение. — А вот тракторную дорогу огонь, пожалуй, охватит. По ней нам надо в город. Мостики еще сгорят, если колхозники не выйдут или запоздают.

— Ничего, проедем, только бы на дороге выбраться, — подбадривает Петя.

Тихо и осторожно мы трогаемся за огнем по выжженной равнине. Черная земля кое-где еще курится. Это корни кустарников, просохшие за весну, догорают. Низкорослые березки с обожженными ветками почернели. Ветер гонит вслед пепел и кружит его между колесами.

Ночная пахота в степи

Только поздно вечером мы выбрались на дорогу. Огненная лава перебросилась через тракт. Впереди огни бушевали по ту и другую его сторону. Теперь огоньки сливались в единую, непрерывную огненную линию.

Машина шла тихо. Петя сдерживал ее, боясь налететь на сгоревший мостик.

Дорога круто поворачивала к западу и теперь направлялась прямо на огонь. Ветер стихал. Расстояние до огня сокращалось. Мы вновь въехали в полосу гари.

Степные колки берез и кустарников дымились по сторонам дороги.

— Стой!— кричал какой-то человек, подняв руки перед машиной.

Машина встала. Это сугоякский колхоз выставил сторожевой пост у мостика.

— Не проехать вам дальше сегодня, там наши на дороге с пожаром воюют. Бросается огонь прямо на тракт. Поезжайте лучше вправо. Прямо по пашням. Тут пахота, а дальше пожара не было. Там на другую дорожку выедете и прямехонько будете в городе.

Мы поблагодарили колхозника, съехали с тракта и двинулись вперед в указанном направлении. Мы поднимались на увал. Фары прорезывали мглу. Машина выла, выла. Степные огоньки уходили влево. На небе блистали уже звезды.

Поднялись на увал. Перед нами открылась новая громадная площадь степи. Где-то далеко-далеко на горизонте виднелись одиночные огни. Постепенно они увеличивались в числе.

— Это не пожар... Это тракторы! Ночная пахота в степи,— высказывает свое соображение Петя.

— Да, это не пожар в степи. Это обязательно тракторы,— соглашаюсь я.

— А ну, послушаем, останови машину.

Машина замолкла. Разом водворилась мертвящая тишина. Далеко-далеко отрывисто гудят моторы. Их то слышно, то нет.

— Ну, конечно, работают тракторы. Едем, Петя, направляйся прямо на огоньки.

Машина попрежнему выла. Скорость ее 10 километров в час. Мы напряженно смотрим все вперед. Я чувствую усталость. „Выехать хоть бы к трактору поскорее“,— думаю я.

Петя то и дело останавливает машину и вглядывается по сторонам: нет ли дороги?

Сталинские огоньки

Ночь в степи... Какое прекрасное зрелище! Влево огненная полоска горячей степи. Впереди на огромном расстоянии разбросаны огоньки, огоньки...

— А вот, кажется, и дорога! Так и есть, дорога! Она пошла влево посредине этого березняка.

Узкая дорога, освещенная фарами, поросшая прошлогодней травой, была чудесным сказочным коридором. Голые еще ветки берез хлестали по машине. Ветер давно утих. Гул машины звенел в ушах.

Петя усилил ход.

Вдруг впереди, освещенные фарами, мелькнули белые снежные хлопья.

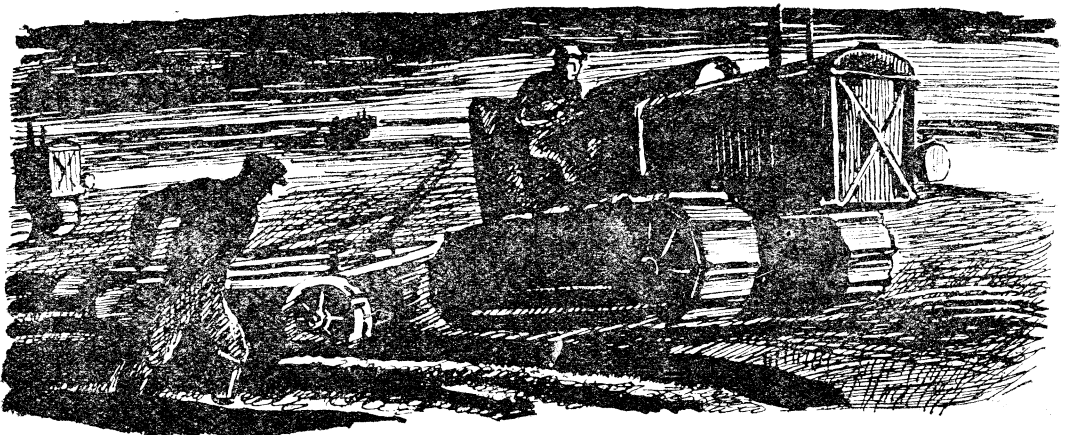
— Куропатки... Стреляй, Петя!— крикнул я.

Но они уже пропали, вынырнув из полоски света.

Вдруг впереди неожиданно резко застрекотал мотор и через минуту, выскочив из березника, мы оказались почти около самого трактора.

„Сталинец“!

Черная громадина, словно какой-то ископаемый бронтозавр или гигантских

Черная громадина скрежетала железом... Это был трактор „Сталинец“.

размеров черепаха, скрежетала железом. Пржектор освещал ему путь впереди, сзади бросал свет на прицепные плуги другой. За плугами, идя рядом с трактором, наблюдал колхозник.

Видно, как тяжелые плуги, освещенные ярким снопом света, переваливаясь с боку на бок, могуче режут землю.

— Вот это прет — и ночь нипочем! — восклицает Иван Андреевич.

Мы залюбовались трактором. Он ушел от нас. Петя направил фары на него и двинулся сторонкой за ним.

Тракторист заметил наш свет, остановил трактор. Разом оборвался скрежет железа и водворилась полная тишина.

Где-то далеко-далеко постукивали другие тракторы...

— Ну и хлеба у вас тут будет, товарищ! — замечаю я.

— Да, нынче пораньше начали, — отвечал мне подошедший тракторист.

— Круглые сутки работаете, по-сменно?

— А то как же? Железную лошадку вот попоим — и опять вперед. Она у нас не устаёт, — любовно гсворит про своего стального коня тракторист.

Степные огоньки... Вот они где! Не о них ли мечтал Короленко! Вспомнились мне невольно и стихи, которые заучивал мой сын-школьник:

Живых коней стальные кони
Уже сменяют в наши дни.
И нет им устали в разгоне,
Когда бегут — пыхтят они...

— Вот он и хозяин виднеется, — продолжает тракторист, — что коней стальных делает!

— Что, Тракторный? — встрепенулся я.

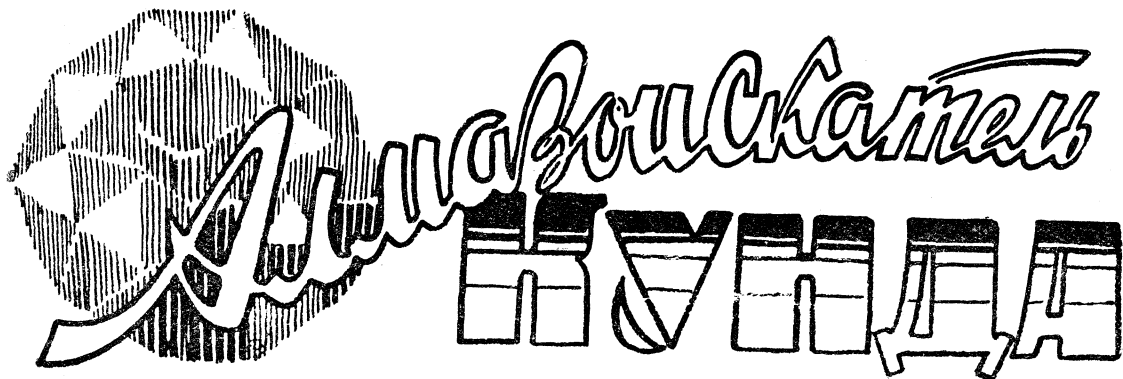
Впереди на горизонте — много, много огоньков. Мы их и не заметили, вырвавшись из березового перелеска.

— Ну да, Тракторный. Километров двенадцать до него будет.

Я вспоминаю про бинокль, быстро его достаю, ищу глазами Тракторный. Ясно читаю световую надпись „Имени Сталина“. Передаю бинокль трактористу...

— Посмотри, товарищ, вот кто ведет нас к зажиточной жизни!

Огоньки, огоньки... По всей степи огоньки... По всему СССР огоньки... Огоньки, огоньки — имени Сталина.

Рассказ Сергея БУДИНОВА

Рис. худ. А. Давыдова

Идол и алмазы

В комнате было полутемно. За тонкой стеной чуть слышно бормотал громкоговоритель. Говорил Свердловск.

Закат, разметавшийся по небу, заглядывал в окно. На грубой деревянной полочке стоял бесформенный обрубок дерева с прекрасно выточенной головой. От лица сохранилась одна скуластая половина. Громадное ухо, казалось, ловило радиоволны, а единственный алмазный глаз, как живой, загорался в отблесках заката.

У стола сидел геолог Ошонин — человек с согнутой от старости спиной. Он говорил, помахивая геологическим молоточком, страстно и убежденно. Вставая со стула, рылся в коллекционных ящиках, доставал кусочки минералов, гладил их, сдувал пыль и бережно прятал обратно.

Собеседник, массивный и неподвижный, слушал внимательно. Вставлял изредка фразу, спрашивал, возражал.

— Алмазы на Урале имеются, не оспариваю,— говорил Ошонин,— но их очень мало и они встречаются лишь в некоторых районах. Их обнаруживали случайно при посторонних работах: при промывке золотоносных песков, во время проводки шахт и в старых городищах, где некогда жили финские племена. В свое время на Урал приходили греки, арабы, персы, норвежцы, новгородцы. Необычайное богатство края манило завоевателей и искателей новых рынков. Я утверждаю, что алмазы были занесены сюда, как меновые ценности. Месторождений на Урале нет. Находки объясняются просто: это остатки былой роскоши. Алмазы выпали из украшений, высыпались из ларцов и сундуков. Докажи противное, а ну, Кунда!

Глухим, хриповатым голосом Кунда отвечал:

— Чувыркаешь тетеревом, Тихон Артемьевич. На Крестовоздвиженских россыпях на реке Вишере было найдено около ста пятидесяти алмазов. Неужели же нарочно свезено было такое количество в одно место? Алмазы находили и на платиновых россыпях у подножия горы Кочканар. Значит, алмазы на Урале есть! Рано ли, поздно ли, а откроются алмазные россыпи. Надо походить да пошарить...

— Принеси алмаз в породе, тогда поверю.

— Принесу!

Долго еще разговаривали Ошонин и Кунда. Вытащил Ошонин из шкафа протертую на сгибах географическую карту, аккуратно разложил на столе, водил по ней сухим пальцем, называя районы, лесные дачи, реки. Когда стало темно и геолог зажег свет, Кунда встал.

— Пока все хорошего, Тихон Артемьевич. В конце лета приду к тебе. Завтра же ухожу на поиски.

Тряхнув слабую руку старика, вышел. Ошонин положил геологический молоточек на стол и, морщась, шевелил пальцами, занывшими от рукопожатия.

Громкоговоритель продолжал бормотать, а идол на полочке ловил ухом волны радио. Много знал хитрый идол, да не мог сказать, правда ли есть на Урале месторождения алмазов, или его единственный глаз привезен из далекого черного материка — из Африки...

Примус и шаман

Кунде сорок лет, Ошонину семьдесят, идолу, стоящему на полочке в комнате геолога, может быть триста, может быть тысяча. Люди измеряют продол-

жительность жизни годами, идол — историческими эпохами, хребет Урала — системами геологических напластований, а манси Айм-Албыл — веснами. В этом году он насчитал тридцать первую весну своей жизни.

Его имя — Айм-Албыл значит „утренний дождь“. Он кочевник Тобольского Севера. Не так давно его род встретил двух людей, смело пробиравшихся через болота и леса с запада на восток. Люди сказали, что они проложат великий путь, окуют его железными полосами и пустят по нему быстрые нарты на колесах, и не олень будет их тащить, а огонь!

Айм-Албыл пропустил мимо ушей объяснения путешественников, как нечто невероятное, но очень заинтересовался странной машинкой, на которой русские кипятили воду и готовили пищу. Манси так убедительно просил продать ему машинку, что, в конце-концов, и получил ее за пару лисьих шкур.

Русские погостили недолго. Кое-как научили Айм-Албыла обращаться с машинкой. А она извергала огонь и скверно пахла. Русские дали ей чудное прозвище „при-мус“. Надо было дергать машинку за хвост, тогда она шумела. В неопытных руках Айм-Албыла примус взорвался. Конечно, его следовало чистить и не так яростно накачивать воздух.

Шаман, бывший в момент взрыва в чуме Айм-Албыла, опалил волосы и до смерти испугался. Пусть русские колдуют с этой машинкой, а Айм-Албыл должен быть примерно наказан. И шаман сказал: пусть Айм-Албыл пройдет пешком от вечно мерзлой тайболы до сухих песков на юге, где кончаются горы и ничего не начинается. Туда и обратно. Тогда он будет прощен.

Страшно пуститься в такой далекий путь, лучше обойти все тундры, чем идти в столь неизвестную даль, но с шаманом спорить было нельзя. Айм-Албыл пошел. Руководствовался солнцем и звездами, переходил вброд реки, путался в чаще, сторонился людей, обходил деревни и села, пугаясь поставленных в горах каменных баб. Шел, шел, а горам все не было конца.

Однажды вечером увидел костер. Спрятался за деревом и выглянул. Высокий бородатый человек, напевая хриповатым голосом, подвешивал на рогатках над костром мешок, потом положил в него птицу. Манси разинул рот. Мешок висел над огнем и не сгорал. Этого и шаман сделать не в силах! Зна-

чит, этот человек могущественнее шамана. Лучше не прятаться, а выйти. Айм-Албыл нерешительно подошел к костру.

— Сун паче!¹ — робко сказал он.

— Здорово! — ответил Кунда.

Манси сел, обхватил руками колени и зачарованным взглядом уставился на колдовской мешок.

Айм-Албыл спрятался за деревом, а потом выглянул.

Костер дымил. Отсветы скользили по стволам деревьев. Свет очертил круг. За ним колебалась тьма, а дальше была ночь, звезды, тихие шопоты листьев, сонное бормотанье ручьев и редкие выкрики птиц и зверей.

Кунда не спросил, откуда пришел путник и куда пойдет. Если надо — скажет, если нельзя — промолчит. Смуглое скуластое лицо манси от костра приняло медный оттенок. Айм-Албыл сидел, завернувшись в старенькое одеяло, перекинув один конец через плечо.

Кунда услышал за спиной шорох, но не обернулся, так как узнал подходившего по свистящему старческому дыханию.

— Здравствуй, Кунда, — приветствовал охотника за алмазами внезапно появившийся из тьмы объездчик. — Опять в наших краях?

— Опять.

¹ Здравствуй!

- Все ищешь?
- Ищу.
- А что ищешь теперь?
- Алмазы.

Объездчик, сухонький старичок, засмелся так, что ему пришлось опереться на дуло берданки.

— Мудришь, Кунда! А это кто с тобой?

— Не знаю. Садись, Терехин, поговорим.— Объездчик с любопытством поглядывал на костер.

— Из чего он у тебя?— кивнул он головой на подвешенный мешок.

— Из льна.

— Шутишь, Кунда?— строго сказал старичок.

— Не вру. Это горная кудель. — И Кунда рассказал объездчику о несгораемой пряже.

Предприимчивый дед

Прошлым летом бродил Кунда по этим местам и зашел в поселок Ерановку. В поселке Ерановке пять дворов. Избы из почерневших от старости, твердых как железо, бревен стоят далеко друг от друга. Дремотно журча, огибают Ерановку мелкая холодная речонка. Яркой зеленой крышей выделяется в середине поселка изба. Кунда заметил эту крышу издали. Мутные оконца, покосившиеся ворота, скрепленные кое-как железными скобами, полуразвалившаяся телега не вязались с нарядной свежестью крыши. Кунда вошел в избу.

Хозяина не было, он ушел в лес. Дома остались хозяйка и дед. Кунда сел на лавку с любопытством поглядывая на старика. Дед сучил нитки. Но это была странная пряжа. Старик мочил в масле серую кудель и сплетал ее с льняными нитками. Долго смотрел Кунда, потом не вытерпел, подошел, потрогал пряжу и понимающе кивнул головой.

Дед был кустарь. Он делал передники и рукавицы кузнецам и ручался, что ни уголь, ни пламя не спалят одежду, защищенную таким передником. Можно схватить раскаленное железо, и рукавица не сгорит. Больше того: пряжу можно положить в горы и вынуть невредимой — она станет еще светлее и новее. Несгораемую одежду дед шил из горного льна, иначе говоря — асбеста. Хозяин добывал его в горах. Асбест мяли, трепали, чистили, мочили, сушили, затем опускали в масло. Из чистого асбеста ссучить и сплести нить труд-

но — он рассыпается и мочалится. Его переплетают с льняными нитями, из полученной пряжи ткнут полотнища, из полотнищ выкраивают части одежды. Готовую рукавицу или передник прокаливают в огне. Масло и льняные нити сгорают.

Старик, сидя на полу, рассказывал Кунде о своей работе. Охотник выпросил у деда кусок готовой асбестовой ткани.

— Мы и фитиль для лампы из него делали, — говорил дед. — А работы все меньше и меньше. Кустарей-кузнецов сколько было, а теперь нет их, выводятся. Заводы пошли, разве за ними угнаться? Я место знаю, сыну теперь сказал, где кудели этой самой много. Приходи и ломай, кому нужно. Я помру, больше в наших местах никто этим делом заниматься не будет. Я знаю тебя, ты в прошлом году у нас был и опять пришел. По глазам вижу, что камни ищешь. Возьми себе эту горную кудель, место укажу, людей наведи на след, все равно пропадет. Глухой наш район. То-то ведь...

— А что это вы крышу как празднично покрасили, словно молодуху в дом приняли.

— Так и покрасили, — сурово прошептал дед. — Бедные мы, где краски взять, из камня ее и сделали.

— Как из камня?

— Да так. Из зеленого. Сына спроси.

* * *

Кунда переночевал и утром отправился с сыном старика в горы, к месту рождению зеленого камня.

Крестьянин повел чащей. По еле заметным тропинкам, болотам, густым лесам, мимо высокой горы Юрмы. Вершина горы заволочлась туманом. Юрма — горный узел, от него начинается южный Урал. На юге виднелся кряж Таганай. Прошли палежник, взобрались на круглую гранитную вершину.

Глубоко в падах, среди взрытых гор, виднеются заводы. Железнодорожные линии опоясывают территорию разработок. Черный дым идет из труб и рассеивается в воздухе. Ни один звук не доходит сюда: кажется, заводы работают в безмолвии. Сверкают заводские пруды, отражая синее небо.

— На восход иди, — сказал крестьянин, указывая на горы. — Иди и иди вдоль болота, никуда не собьешься. Лесок

пройдешь, серую скалу увидишь, рядом полусгоревшая мшовина¹ стоит. Подайся влево, овраг перейдешь, увидишь яму. Провал случился. Там и есть.

Кунда пошел. Опытным взглядом изучал расположение горных хребтов, запоминал отдельные вершины и направленные рек, любуясь дикой красотой местности.

Осторожно прошел пожарище — безжизненное, пахнувшее мокрым углем пространство в несколько квадратных километров. Миновал мшовину и свернул налево. Через пять минут наклонился над ямой. Недавно здесь произошел обвал и случайно приоткрылась дверь в недра земли.

Кунда прыгнул в яму и опустился на колени. Постукав молоточком по камням, вынул зубило и отколол кусок. Вылез из ямы, сел на землю, глядел на осколок, кивал головой, а глаза лучились весельем. В яме обнажился малахит — темнозеленый с черными, белыми и серыми прожилками других минералов — хризосола и демидовита. Сочетание красок и тонкий рисунок раскола говорили о том, что это прекрасный поделочный материал.

Кунда однажды видел в избе кустаря-гранильщика плиту малахита. Естественный рисунок жилок и цветowych пятен воспроизвел законченный горный пейзаж: охотник, прячась в чаще, стреляет из ружья, дымок идет из дула, падает убитая птица. Картина была в квадратный метр величиной. Получилась она случайно во время распиловки камня на отдельные плитки.

В Свердловске, в местном геологическом комитете, он заявит о находке малахита. Стране нужны и булыжники, и самоцветы, и поделочные камни.

Охотник сидел и смеялся. Хитрый мужик! Он сделал из малахита краску по очень простому рецепту: масло, измельченный порошок малахита и клей. Дешево и сердито!

* * *

Кунда окончил свой рассказ. Наклонившись к костру, он веткой поправил огонь.

Объездчик задумался. Айм-Албыл переводил взгляд с лица старика на Кунду. Как долго говорил этот бородатый человек! За всю жизнь манси не произнес

столько слов, сколько сейчас охотник. Безбородое лицо Айм-Албыла потемнело.

— Что это такое? — спросил он, указывая рукой на мешок.

Кунда улыбнулся. Он немного знал язык манси и, как мог, объяснил Айм-Албылу, почему мешок не загорается.

„Значит, ничего колдовского нет, — думает Айм-Албыл. — Бояться нечего. Мешок не горит потому, что он из камня. Жарится в нем птица, съедят ее, прокалят мешок в углях — и снова он будет чистый и белый. Хитрый народ русские!

Костер догорал. Кунда вынул из мешка зажатую птицу и предложил объездчику и манси поужинать. Айм-Албылел с жадностью. Может быть, шаман и запретил бы ему есть приготовленную таким чудным способом дичь, но, во-первых, шаман очень далеко, а, во-вторых, он хитрый и сам бы не отказался от такого угощения.

Поужинав, Терехин простился с Кундой и ушел. Служба такая: надо, бродить и ночью.

Кунда не собирался трогаться, его заинтересовали горы: участок южнее стоянки придется обшарить. Много и раньше людей здесь бывало, но не у всякого такой наметанный глаз, как у Кунды.

— Спать надо, — сказал он. — Завтра поговорим.

— Емас¹, — согласился Айм-Албыл.

Шашки из самоцветов

Утром Айм-Албыл сказал:

— Охотник идет на юг. Айм-Албыл тоже пойдет с ним. Вдвоем не страшно.

Кунда ответил:

— Я буду итти очень медленно, заходить в деревни и на заводы, уходить в сторону и опять возвращаться.

— Это ничего. И я с тобой...

Прошли в этот день мало. Кунда забирался на горы, ложился на землю и подолгу изучал топографию местности. Он следил: куда и откуда шли поднятые мощной силой геологические напластования, где их пронизывали острые гранитные вершины, где начинались пади.

Айм-Албыл садился на корточки рядом с Кундой и обводил задумчивым взглядом горизонт. Из ущелий, из-за горных хребтов, от подножия сопок,

¹ Мшовина — изба, проконопаченная мхом.

¹ Хорошо.

из долин поднимались клубы дыма. Далеко-далеко внизу приплюснулись к земле кубики домов. Нитями змеились узкоколейки. Прямые просеки в лесах казались выкошенными гигантской косой.

Игра в шашки началась...

Сетью морщин избородилось лицо уральской земли. Копошились трудолюбивыми муравьями тысячи людей, кротами взрыхляли землю, дождевыми червями буравили недра, перетаскивали по песчинкам — горы, по прутикам — леса, по лопатам — миллионы тонн угля и железа. Красные коробочки товарных вагонов составлялись в поезда и уползали за горизонт...

В первый же вечер совместного пути Кунда и манси пришли к руднику. Он был небольшой и почти ничем не отличался от обычных шахт горняков-кустарей. Вечер был тихий, теплый и лунный. Трое рабочих сидели возле костра, беседуя и дожидаясь ужина. В бараке четвертый тянул однообразную „айкающую“ татарскую песню. В зеленовато-синем свете луны поднималась груда „отвала“ — выбранной породы.

Двое молодых рабочих играли в шашки на расчерченной химическим карандашом фанерной доске. На высоком шесте повис красный флаг, казавшийся в темноте черным. Рабочие мельком взглянули на прибывших и продолжили прерванный разговор. Поющий в бараке на минуту остановился, словно прислушиваясь, потом снова запел.

Айм-Албыл, не снимая с плеч старой

шомполки, сел на корточки. Кунда примостился на пне.

Из разговора охотник понял, что шахту разрабатывали уже второй год и что она вырублена почти вся в монолите амазонского шпата. Здесь же, месяц назад тот молодой игрок, у которого левая бровь выше правой, по тоненькой жилке в граните — проводнику, — и по другим приметам добрался до пласта, где обнаружил пустоту — „гнездо“.

Горщики ищут такое „гнездо“ иногда в течение целого лета и нередко находят только „сало“: слюду, глину.

Павел Семехов нашел в „гнезде“ огромной величины кристалл топаза-тяжеловеса. Это был раух — совершенно чистый и черный топаз. Рядом лежали „отпрыски“, менее ценные хрустали-волосатики, пронизанные красными иголочками рутила и золотистого титана. Найденный топаз весил два кило. Его отправили на гранильную фабрику в Свердловск.

Кунда молча глядел на играющих. Павел Семехов играл деревянными шашками, его партнер — каменными. Полупрозрачные, кроваво-красные шашки были выточены правильными столбиками. Кунда пристально посмотрел на них и придвинулся поближе. Было тихо. Слышалось только потрескивание костра, песнь татарина, бульканье закипающей воды в чайнике и сухой стук переставляемых шашек.

Вдруг Кунда оживился и начал делать замечания. Он поправлял то одного игрока, то другого, смеялся над каждым промахом.

— Пентюхи вы, как я погляжу! — заявил он, когда партия была закончена. — Языком своим донькать¹⁾ можете, играть нет.

— Вот и ошибся, товарищ, — возразил Семехов, вновь расставляя шашки. — Я не горазд, это верно, а вон с чайником возится, Прокл, так того вся округа знает. Всем игрокам эти прокловы шашки знакомы. Любители за десятки километров приходят поиграть с ним. Если хвалишься — сгоняй с ним один кон — спесь живо собьет.

— Давай двух Проклов, я не испугаюсь! — задорно сказал Кунда.

— А ты кто? — спросил Прокл, человек с громадной лопатообразной бородой.

— Я — Кунда. Все равно не знаешь.

— Нет, слышал, — встрепенулся Прокл. — В „Уральском Рабочем“ читал про

¹ Донькать — звонить.

тебя, что ты в Геолком заявку сделал на открытие изумрудного месторождения. Ну как, вышло?

— Никак, пока-что. Денег нет, времени нет, другим заняты. На своем плане крестиком мое место отметили: придет время — нагонят рабочих, машину поставят. Дело пойдет!

— А ты чего бродишь здесь?

— Да вот слышал, что ты в шашки мастак играть. Давай!

— Не берись!

— Давай, что хочешь поставлю и выиграю.

— Ружье ставь!

Немного смутился Кунда от такой уверенности Прокла. Тряхнул головой.

— Идет! Но, чур: я играю деревянными шашками. Если выиграю, то каменные шашки мои.

Игра началась. Из барака вылез татарин и сел у костра. Лицо его было неподвижно, и лишь изредка шевелились тонкие, словно нарисованные усики. Айм-Албыл замер каменным изваянием, закутавшись в свое одеяло. Двое рабочих стали за спиной Прокла.

— Понравились мне шашки, а своих нет, — полушутливо, полусерьезно говорил Кунда. — Где их добыл?

Игра подходила к концу. Кунда сидел нахмуясь. Прокл давно нервно тербил бороду. Неприятно терять звание шашечного мастера.

Выиграл Кунда. С тихим смехом собрал двенадцать шашек и опустил их в котомку.

— Что ж, Прокл, не повезло, — сказал он примиряюще. — А ты игрок опасный, еще бы чуть-чуть — и я сел бы...

Когда утром Кунда вынул шашки из котомки, Айм-Албыл задрожал и зажмурил глаза. Совершилось чудо: двенадцать темноокрасных камней превратились в зеленые...

— Чудесные камни! — бормотал Кунда, осторожно заворачивая каждую шашку в тряпочку. — Айм-Албыл! — обратился он к манси. — Это очень редкий камень. Когда утро — он зеленый, когда вечер — красный. Это потому, что в огне костра есть красный свет, и камень ночью его отражает, а днем в белом, свете солнца он остается зеленым.

Новые песни

Путники упорно продвигались на юг. Миновали вечно затянутый пеленой дыма от заводских труб Златоуст. Прошли

хребет Уреньгу. Переправились через истоки реки Ая и вступили в район хребта Увильды и Ягодных гор.

С вершины увидели на востоке долину реки Телюка и горы Аваляк, а немного южнее — группу Ирмельских гор с гигантским гребнем Ирмель-горы.

Это был дикий южный Урал.

Кунда направлялся к Ирмельским горам, желая проверить слышанный им рассказ о находке там по течению рек алмазов.

Айм-Албыл долго смотрел на восток. Из разговоров с Кундой он знал, что это еще не конец земли, что там, за горами, стелются степи, шумят леса, текут реки и живут люди.

Ночами, лежа возле костра, манси пристально вглядывался во тьму. На черном своде неба полыхали в разных местах отблески огня. Это и ночью не переставали жить заводы. Они уже не пугали Айм-Албыла. Он видел, что русские справляются с огненной стихией так же легко, как любой кочевник на севере с оленьей упряжкой.

„Люди роют землю, — думал манси. — Они знают, что лежит в глубинах земли и вод. Придут они и на далекий север, и узнают, что лежит в тундрах. Тогда и там вырастут, как здесь, дома и трубы...“

Шаман, посылая провинившегося перед ним манси в дальнейшее покаянное странствие, рассчитывал, что тот вернется на север раскаявшимся и покорным, но он жестоко ошибся.

Путешествие принесло Айм-Албылу множество новых впечатлений. В нем пробудилась любознательность.

Постепенно образ безбородого старого шамана тускнел и таял в сознании манси, как дурной сон...

Лишайник окрасил вершины Ирмель-горы в бурый цвет, сухие колючие кустарники цепко впились в камни. Проплывавшие облака задевали скалы. Внизу в беспорядке сгрудились леса, россыпи, ущелья и реки.

Пробирались целиной, мягко ступая по коричневой хвое и шурша опавшей прошлогодней листвой. Кунда по временам останавливался, вынимал записную книжку, заносил отрывистые сведения.

Когда он глядел на горы, его острый взгляд, казалось, сдирал поверхность почвы, и обнажалось то, что было скрыто под травой, под корнями. Не могла утаить земля ни золота на дне рек и в крутых берегах, ни меловых отложений ни залежей мрамора. Кунда подробно

рассказывал Айм-Албылу, на что нужны все эти минералы, а манси, сощурившись, жадно слушал.

Когда они стояли на вершине, неожиданно из лесу их окрикнули:

— Эй, вы там, на горе!

Путники посмотрели вниз. На опушку вышел молодой загорелый парень с походным мешком за спиной. За ним показалась девушка в красной косынке. И у нее тоже виднелся за плечами рюкзак. В лесу раздавались голоса и смех.

Айм-Албыл недоверчиво окинул взглядом внезапно появившихся людей, но, посмотрев на охотника, успокоился. Кунда сделал ему знак итти за ним, и они спустились по каменистым уступам вниз.

Их окружила шумная группа молодежи. Кунда был оглушен посыпавшимся градом вопросов. Шум голосов остановил мускулистый человек в синей майке. Он оказался руководителем туристов — рабочих разных фабрик Москвы.

— Мы уже вторую неделю бродим, — сказал он. — Были на реке Чусовой, в Чусовских Городках, нефтяные вышки видели. Теперь по Южному дуем, до Миасса дойдем и по железной дороге до дому. Жаль, времени мало, так на каждый завод и тянет, в каждый рудник так и хочется слазить.

Путники вместе с туристами спустились в долину и по узкой тропе пошли по лесу. Молодежь, хорошо спевшаяся за время пути, затянула песни. Айм-Албыл забывал, куда надо ставить ногу, через какой камень переступить. Впервые он услышал мотив, насыщенный задором, радостью труда, мотив, так не похожий на невнятное бормотанье женщины в чумах над ребенком, на завывания шамана и тягучие дорожные песни своих сородичей. Ему казалось, что сердце у него сейчас выскочит из груди — так сильно оно билось.

Когда туристы свернули с тропы на дорогу, весело подняв в знак прощания правую руку, Айм-Албыл пожалел, что так скоро кончилось шумное веселье.

Как маются камни

У подножья скалы Юсуповой Бабы встретили башкира, указавшего ближнюю тропу к деревушке Юлы. Придя туда, попросились на ночь в старую покосившуюся избу. Утомленные полевыми работами, хозяева и молодежь, поужинав, легли спать, а манси и Кунда вышли на улицу со стариком Пахомом.

Все трое сидели на завалинке. Смутно в темноте маячили, как попало разбросанные избы, тяжело вздыхали в хлевах лошади и коровы, звучно пережевывая сено.

Пахом говорил тихо, с расстановкой. Ему было лет пятьдесят, но тяжелый труд состарил его раньше времени. Всю жизнь, с двенадцати лет, проработал он в частных гранильных мастерских. Кунда вступил в оживленную беседу со стариком.

Охотник не забывал спутника и короткими фразами передавал ему весь разговор. Айм-Албыл с удивлением узнал о том, что должны претерпеть камни, прежде чем стать красивыми и дорогими. Надо затратить уйму времени и труда. Оказывается, и русским ничего не достается колдовством, а каждая вещь строится человеческими руками по частям, кропотливо, вроде чумов и нарт.

Цветные камни сперва раскалывают: на наковальне из свинца или красной меди, их разбивают минералогическим молотком. Отлетает все лишнее — углы и трещинки — и остается годный для огранки материал. Если горная порода тверда, ее дробят „балдой“ весом иногда в тридцать пять килограммов. Наколоченные камни идут на „проточку“ на железном круге гранильного станка. Оттачивают, отсекают трещины, мутины (мутные места) и всяческие излишки. Во время этой работы определяется, где должно быть у камня „полотно“, то-есть верх, „обсечка“ — край и „пункт“ — низ. Обсечка дает форму камню: круглую, квадратную, овальную и т. д.

Огонь, воду и медные трубы проходят камни. Затем они поступают на железные, свинцовые и оловянные круги гранильного станка, наклеиваются на шпильки-начинки, обтираются, и шлифуются щетками, каменными порошками, замшей, мастикой и наждаком.

В прежние время слепли гранильщики, кашляли кровью. Пагубно для здоровья было гранильное ремесло. Сгибались спины гранильщиков, да так и оставались согнутыми до самой смерти.

Пахом видел современные советские фабрики и жалел, что потерял свою силу и зоркость, а то бы поработал еще в чистоте, спокойно, не слыша окриков надзирателей.

Говорили раньше, что камень мстит гранильщику за свою маяту. А камни действительно маются.

— Эй, вы там, на горе! — крикнули им снизу молодые туристы.

Они гранятся размером от просяного зернышка до пяти сантиметров в диаметре. Боковые плоскости шлифуют и полируют на круге. В дело идут всевозможные материалы: каменная пудра из зеленого кронуса, вода, масло, соль.

В заключение камень для очистки „отваривают“. Твердые камни опускают в крепкую водку или нашатырный спирт. Мягкие обрабатывают салом или стеарином, осторожно подогревая на лампе.

Производство закончено. На пакетике, в котором лежит готовый камень, мастер пишет свою фамилию.

Существует двенадцать способов огранки, но каждая грань имеет бесчисленное количество форм. Камни не только огранивают, их распиливают, вытачивают пластинки, оклеивают ими вазы, ларцы.

Кончил рассказывать Пахом. Вдосталь наговорился, спать захотелось. Кунда и Айм-Албыл пошли на сеновал.

Утром они снова отправились на поиски. В сосновом лесу, на полянке, окруженной высокими мачтовыми соснами, неожиданно наткнулись на группу охотников. Их было пять человек. Четверо сидели на корточках и курили, а пятый, самый пожилой, стоял посреди них, опираясь на дуло централки, и говорил.

Кунда поздоровался и сел. Айм-Албыл опустил на траву рядом с ним. Старый охотник укорял одного из товарищей. Кунда слушал и одобрительно кивал головой.

— Нет, Слепнев, — говорил охотник. — Не то делаешь ты. Думаешь — настролял, сдал в контору, положил в карман денежки и домой на печку? Прошли такие времена. Все мы, охотники, одно дело делаем, все стараемся сообща, а ты откальваешься. Вот нравятся тебе белки или барсуки, ты и бьешь их, сдираешь шкурку как попало. А ведь шкура то за границу идет, ты ее по правилам сними. Пятеро нас здесь, вот по заданиям-то на каждое ружье свое количество шкур полагается. Ну и промышляй их. А ты бродишь по лесу, как дикий. Этак, пожалуй, мы у тебя свидетельство отберем. И на собраниях должен бывать и газету свою читать. Так-то!

Охотники заговорили, а Кунда с манси встали и пошли.

Этот случайный митинг навел Кунду на радостные размышления. „Как ни

велик Урал, — думал он, — ни один человек не скроется от другого. Жаркие речи произносятся и на колхозных полях, и в забоях копей, и в лесу. Рыли раньше землю и, каждый сам по себе, намывали золото, собирали самоцветы, с ружьем ходили в одиночку. А теперь все идут в артели, — и горщики и охотники.

— Эх, Албыл, дорогой! — хлопнул Кунда манси по плечу. — Сколько дел творится у нас в стране, все люди на учет взяты, каждый час дорог. Вот бы поучиться тебе! Каменной бабой ты ходишь, а отшлифовать бы тебя алмазом, чтобы на своем севере сверлом врезался ты в тундру! Хочешь?

— Хочу! — ответил манси, хотя и не совсем понял, к чему ведет свою речь Кунда.

Компас заболел

Кунда забирался на сопки и подолгу рассматривал с них окрестности. Он старался восстановить в памяти рассказ одного горщика, описавшего местность, где был найден алмаз. Но скалы, крутизны, леса и болота были разбросаны в таком диком беспорядке, что весьма туманно указанное место найти было невозможно.

Кунда поднимал с земли камни, подходил к скалам и откалывал зубилом куски. Примечая расположение почвенных пластов, запоминал их направления.

Манси помогал выкапывать глубокие, иной раз трехметровые ямы, тряс Кунде лоток с песком и промывал вынутую породу.

Переходя высохшее русло реки, Кунда увидел „срыв“ — громадную обнаженную стену. Окинув пытливым взглядом четкие напластования, он решил с молоточком в руках обследовать весь этот район. Айм-Албыл остался на условленном месте и тотчас же развел костер. Албылу так понравилось легкое добывание огня с помощью спичек, что он зажег их при каждом удобном случае.

Кунда углубился в горы.

С одной вершины он увидел высокий столб дыма. В той стороне был завод. Там подъемные краны схватывали брызжущие огнем болванки и тащили на наковальни, паровые молоты били по железу, чугуну и стали, били тяжело и упорно. Казалось, домны дышали жарко в затылок охотнику, казалось, сзади надвигались сотни подъемных кра-

нов, держа в своих клешнях ковши с расплавленным металлом.

Эти видения торопили Кунду: ты ходишь и ищешь? Скорей! Нужны железные руды, нужен уголь, нефть, мел, бериллы, изумруд, калийные соли. Ищи. Втыкай вешки там, где нашел богатство. К ним потянутся с кирками, лопатами, динамитными шашками, алмазными сверлами, драгами...

Каждый год Кунда приходил в Геологический комитет и, разложив свои записки, отмечал крестиками на картах места, где он обнаружил залежи ценных минералов. Геолком наносил новые месторождения на свои карты. Когда охотник за минералами уходил вновь в горы, на прощание ему горячо жали руку...

Кунда ходил долго. Гранитные жилы вели в недра земли. Спали в глубине неведомые сокровища.

„Нет,— думал Кунда, возвращаясь к месту стоянки,— там алмаза, пожалуй, не найти. Надо на месте их нахождения рыть землю машинами. Попытаюсь, однако, еще немного“.

— Айм-Албыл,— обратился он к манси,— мы завтра пойдем дальше на юг, к городу Орску, на Губерлинские горы. Мне говорили, там был найден алмаз. Понюхаю и там. На Ирмельских горах погостили—и хватит. Махнем дальше.

Наступил вечер. Беззвездная ночь окутала горы черным покрывалом. Низко ползли тучи. Искатели возвращались в деревню Юлы. Кунда научил манси пользоваться компасом. Желая проверить его знания, спросил:

— А ну-ка, покажи, в какую сторону нам итти и где мы были?

Айм-Албыл, подобно птице, никогда не сбивался в направлениях. Он махнул рукой на север.

— Итти туда!

Махнул на юг:

— Был там!

— Нет,— покачал головой Кунда.— Достань компас и укажи по нему.

Вогул достал из сумочки компас, бережно положил его на ладонь и посмотрел на дрожащую стрелку.

— Стрелка лжет. Она не знает, куда глядеть. То туда, то сюда.

Вглядевшись в компас, Кунда свистнул. Действительно, он испортился. Стрелка очевидно размагнитилась. Но почему?

— Что у тебя в сумке? Покажи.

Албыл развязал сумку. В ней лежали коробок спичек, веревочка, камень,

трут, большая стальная игла и... головка чесноку.

Кунда засмеялся:

— Айм-Албыл, никогда не клади компас с луком и чесноком рядом. Чеснок отнимает у магнита силу. Компас заболел. Его долго придется лечить. Его надо будет на две недели зарыть в конский навоз и тогда он будет правильно показывать север. Магнит не любит луку и чесноку.

Ночью в избе Кунда тщательно сортировал собранные минералы, заворачивая в бумажки и плотно укладывая их в сумку. Айм-Албыл, засыпая, думал об этом мудром человеке, называющем каждый камень по имени и знающем все их свойства. А Кунда думал о том, как мало он знает, как часто природа ставит его в тупик.

Вареные камни и хлеб с начинкой

Все дальше и дальше на юг шли охотник за минералами и манси.

Ночью в деревне и на почтовых станциях, добрались до Губерлинских гор. Они были невысоки и казались застывшими океанскими волнами. В районе Губерли встречалось много золотых приисков. Население было смешанное: казаки, башкиры, мордва и чуваша.

С Кундой и манси по пути шел странной, дергающей походкой человек лет сорока. Он вытягивал голову подбородком вперед и всегда держался за бороду, словно сам себя вел на поводу. Накинув на одно плечо старенький пиджачок, мягко ступал тонкими ногами, обутыми в лапти, по каменистым тропам. Называл себя Шурой, а у Кунды не было в обычае допытываться: почему только Шура и где осталась фамилия и отчество?

— Я иду в Орск,— рассказывал бородатый Шура, а оттуда в Свердловск камни делать. Я люблю их и они меня любят. Я знаю как к ним подойти, как их в руки взять. Иду вот сейчас, грудь гола, на ногах обутки, и не тужу. Вот камушки я делаю, это верно. Хлебушко ими начиняю, да в щах варю. Рассказать зачем?

— Говори!

Шура когда-то искал камни. Работал и зимой и летом, „нюхом“, в надежде на „фарт“—счастье. Бродил в глуши, находил место и копал. Зимой зажигал в вырытых ямах костры, чтобы оттаяла земля. По жилам в граните и другим

приметам добирался до „занорыша“, в котором иной раз можно было найти сразу целое состояние.

Один раз он докопался до удивительного занорыша. Это была маленькая пещерка. Дно ее было устлано кристаллами альбита, амазонского камня, кварцем, слюдой и глиной. В гнезде красовалась груда кристаллов голубого топаза и гигантский в „пол-локтя“ кристалл „угля“ — черного турмалина.

Редко бывают такие удачи! После этого случая Шура бросил „хиту“ — хищническое старательство, ставившее его по новым советским законам в один ряд с браконьерами и контрабандистами. Хотелось работать честно, ни от кого не таясь. Он занялся приготовлением камней.

Кристалл дымчатого кварца запекал в хлебе или прокаливал в печной золе. Получался красивый золотистый оттенок.

Он брал агат, варил его в меду три недели под ряд, поддерживая постоянный огонь. Вынимал, тщательно мыл и снова варил в серной кислоте. Камень приобретал черную полосатую окраску и новое имя — оникс.

Красные рубины и гиацинты, голубые эвклазы, синий дешевый кианит, зеленый хризолит, бесцветный прозрачный с красным отливом фенакит, молочный халцедон, черный графит и всевозможных цветов кварцы сушились по многу дней в русских печах, варились в кислотах, красках, подкладывались под гнет, изменяли окраску и прозрачность, приобретали новые свойства, светились в темноте, делались с виду бархатными или блестящими. Это была не подделка, а исправление, усовершенствование природы.

С Шурой Кунда и Айм-Албыл не расставались два дня. Но потом он простудился и остался в одной из станиц передохнуть. Кунда долго думал об этом человеке. Неизвестно, какое прошлое у Шуры, но тот восторг, с каким он говорил о своей работе с минералами, понравился Кунде.

Шура подарил Кунде на память черную ветку окаменелого коралла. Охотник за минералами старательно спрятал ее в своей сумке.

Там, где кончались Губерлинские горы, возле Атаманова камня, Кунда решил провести два дня. В этом районе был найден когда-то единственный на всей Губерле алмаз.

Девка Атаманша

— Конча?¹ — крикнул Айм-Албыл. Кунда повернул голову на звук и положил руку на ружье.

Костер ярко горел в сложенных колодцем камнях. Иногда лопался камень-трескун, вышибая из костра горящие угли. За спиной охотников высилась громадная черная стена Атаманова камня. Площадка, на которой они расположились, начиналась от стены и впереди, шагах в семи, неожиданно обрывалась. Каменистая тропа уходила в темные мрачные ущелья. Чуть слышно шумел в темноте ручей, изредка вскрикивала ночная птица или шелестела от набегавшего ветра листва.

На тропе из правого ущелья показался человек, ведущий под уздцы навьюченную лошадь. Он внимательно разглядывал Кунду и манси, медленно подвигаясь к костру. Лошадь, вытянув голову, втягивала незнакомые запахи, нервно переступала, потом громко фыркнула. Человек остановился и только теперь ответил на окрик.

— Свой. А вы кто, товарищи?

— Мы тоже свои, — отозвался Кунда. — Чего ты так косо смотришь на нас? Куда идешь?

— Из станицы в деревню.

— Далеко отсюда?

— Часа два пройду. А вы зачем это место выбрали для ночлега?

— Как зачем? Переночуем — и дальше.

— А почему не в деревне?

— Некогда нам по деревням шататься.

— Ну, как знаете. А только лучше отсюда уходите. Место здесь нехорошее, не к ночи будь сказано.

— Нам везде хорошо, — засмеялся Кунда. — И в полдень и в полночь.

— Здесь девка Атаманша ходит. А если вы камни ищете, то как раз и наткнетесь на нее.

— Расскажи, какая она, по какому местожительству прописана и чем занимается?

— Не шути, — сурово ответил человек, сдвигая черные брови. — Все окрест знают. Самоцветы и золото сторожит. Начнет ночью аукаться, — ветер нагонит и заведет вас в трясину или разум отнимет. На Атамановом камне живет, потому и зовут ее девкой Атаманшей.

¹ Кто?

Кунда продолжал смеяться. Незнакомец обиженно дернул лошадь за повод.

— Прощайте, — сказал он. — Я домой поспешу. До полночи недалеко, это ее час...

— Ее час, а наше время! — задорно крикнул Кунда.

Незнакомец скрылся. Айм-Албыл лег на землю, подстелив драное одеяло. Под голову положил камень, а ноги протянул к костру. Кунда молча сидел, недовольно потряхивая головой. Не любил он сказок, и не мало в своей жизни разрушил легенд, объясняя людям причины непонятных явлений природы. Каждое суеверие имеет под собой почву, надо только доискаться до начала.

Внезапно Кунда чутким ухом поймал странный звук. Где-то недалеко, шагах в ста, кто-то тихо плакал и заглушенно смеялся...

Прислушиваясь, охотник начал различать всхлипывания и бормотанье. Смех доносился чистый, женский.

Кунда не шевелился. Вспоминал все слышанные звуки, похожие на эти, сравнивал, восстанавливал в памяти топографию местности и начал понимать.

Долго сидел, глядя на спящего товарища, затем неожиданная мысль пришла в голову: пусть Айм-Албыл пойдет и узнает, кто смеется. Это будет для него хороший урок.

— Айм-Албыл, — громко позвал Кунда. — Вставай!

Манси проснулся сразу. Кунда коротко рассказал ему об Атамановом камне и девке Атаманше.

— А теперь, Айм-Албыл, слушай...

Манси прислушался и тоже уловил странные звуки. Они доносились иногда отчетливо и громко, а порой еле слышно.

— Это человек, — прошептал он и посмотрел на верхушки деревьев. Подставив скуластое смуглое лицо ветру, он определил его направление. — Ветер дует сюда, голос слышен, ветер дует на голос, его нет.

— Иди туда и посмотри, что там, — сказал Кунда. — Вернешься — расскажешь.

Айм-Албыл медленно, словно нехотя, пошел по тропе в ущелье. На границе света и тьмы обернулся, потом сразу исчез во тьме. Никто не скажет, что Айм-Албыл трус, он ничего не боится, хотя злых духов и непонятные вещи предпочитал обхо-

дить. Этот русский послал его прямо навстречу неведомой опасности. Хорошо, он не отступит!

Неслышно ступал Айм-Албыл ногами, обутыми в мягкие лосевые унты. Как дикий зверь, ощущал всем телом невидимые препятствия. Не видя ветки, инстинктивно нагнулся и проскользнул под ней. Тропа шла вдоль скалы, потом уходила влево, а звуки летели из ущелья, вклинившегося между стеной Атаманова камня и крутым склоном горы.

Айм-Албыл оставил тропу и начал подниматься по ущелью. Справа высилась громада Атаманова камня, голая, покрытая только лишайником. Стиснутое двумя каменными стенами ущелье понемногу суживалось.

Звуки становились ясней. Не было сомнений, — плакала женщина. Иногда плач переходил в осторожный смех.

Манси крался тихонько, часто останавливался. Вспоминал, что недалеко у костра сидит смелый и мудрый Кунда, — стоит крикнуть, и он поспешит на помощь.

Чуть светлее черного массива горы, низко над головой нависло беззвездное небо. Там, где каменные склоны гор сходились, замыкая ущелье, в земле, под нависшей скалой угадывалась дыра. Оттуда и неслись странные звуки.

Кто мог спрятаться там?.. Манси слушал. Несомненно, там человек. Может быть, он случайно попал в пещеру и не в силах оттуда выбраться? Тогда надо крикнуть ему, что помощь близка, ободрить и вернуться за Кундой.

Айм-Албыл сделал шаг вперед. Изпод ноги вырвался камень. Шорох его падения гулко отдался впереди. Манси удивленно ахнул. Его голос повторило эхо. Айм-Албыл замер. Холод сковал спину. Он в ужасе закричал:

— Кунда-а-а!

Его крик разбудил многоголосным эхо горы. Манси бросился назад к Атаманову камню и стал карабкаться наверх. А в ущелье громкий крик множился, рос, слышно было переключение громовых голосов, со всех сторон спешили неведомые существа... Казалось, посланцы девки Атаманши кинулись в погоню за дерзким человеком и аукались, расставляя длинные руки. Вот-вот схватят! Манси бросил шомполку. Судорожно цепляясь за выступы Атаманова камня, срывался, скользил, лез все выше и выше.

Кунда, услыша призыв своего спутника и хаос звуков, схватил ружье и бросился бегом по каменистой тропе.

— Албыл! — закричал он, а многократное эхо швырнуло ему обратно в лицо глухие клочки слова: был... был... был!.. Кунда добрался до конца ущелья. Манси нигде не было. Он снова позвал его. Ущелье множило звуки, оглушая Кунду. Он прислушался. С верха Атаманова камня чуть слышно донеслось: — Кунда-а!..

Охотник полез вверх. Ночь шла на убыль. Тьма серела. На востоке дрожало слабое сияние. Кунда почти ползком по крутой скале взобрался на вершину. Албыла и здесь не было...

— Албыл, где ты?

— Здесь! — совсем близко отозвался он глухим голосом.

Кунда пошел на голос, по верху Атаманова камня. Дошел до его края, взглянул вниз. Прямо под ногами на выступе над обрывом сидел манси.

— Как ты сюда попал?

Айм-Албыл беспомощно махнул рукой вниз.

— Куда только не забьется человек от страха! — недовольно тряхнул головой Кунда и шагнул вперед, чтобы спрыгнуть на уступ к Албылу.

Сзади раздался громкий треск. Охотник вздрогнул, но не успел оглянуться, как громадный камень под его ногами качнулся. Кунда взмахнул руками. В то же мгновение он почувствовал, что падает вместе с камнем. Бледные звезды на сером небе прыгнули вверх. Линия горизонта сломалась.

— Албыл! — крикнул предупреждающе Кунда, зная, что парень находится внизу.

Камень скользнул по верху гранитного шихана. Выступ скалы задержал его падение. Кунда потерял равновесие. Навстречу ему бросилась темнота ущелья. По лицу стегнули ветки кустарника. Охотник кубарем скатился по склону горы вниз. Больно ударившись головой о землю, он потерял сознание.

* * *

Кунда очнулся, поднял тяжелую голову. Он лежал на дне оврага. Рядом валялось ружье. По пасмурному утреннему небу ползли вразброд мохнатые облака.

Охотник за минералами приподнялся на локтях, сисясь вспомнить, что про-

изошло. Призыв в ночи товарища, скала, падение глыбы, несомненная смерть Айм-Албыла — быстро всплыли в памяти.

Кунда выпрямился. Может быть, еще можно что-нибудь предпринять для спасения спутника?

Сильная тупая боль в голове затуманила зрение. Он поднес руку ко лбу, потом посмотрел на ладонь. Кровь! Осторожно ощупал себя. Все цело. Ныла левая нога в колене, на плечеразорвана одежда и от плеча до локтя кровотокающая царапина. Кунда взглянул вверх — и замер. Над ним, на высоте пятнадцати метров, зацепившись одеждой за камни, висело безжизненное тело Айм-Албыла...

Кунда только сейчас понял, как дорог ему стал молодой парень, не побоявшийся пойти на разведку прямо в пасть девки Атаманши.

— Айм-Албыл, — позвал тихо Кунда. Ответа не было.

— Ты жив, Айм-Албыл? — крикнул он. Тот молчал. Вяло повисли руки, голова опущена на грудь.

„Может быть, он жив, — подумал Кунда. — Надо немедленно помочь. Придется идти в обход, кругом всего Атаманова камня и сверху вытянуть его труп“.

Опираясь на ружье, прихрамывая, размазывая по лицу стекающую со лба кровь, он двинулся по оврагу в обход Атаманова камня. Прошел в ущелье и взобрался на вершину гранитного шихана. Пробрался к краю, осторожно спустился на выступ, на котором ночью перед катастрофой сидел манси, встал на колени, и, вытянув руки, схватил Айм-Албыла.

Напрягая все силы, теряя от боли сознание, втащил его на площадку. Встал рядом с ним на колени, приподнял его голову, дул в лицо, тряс.

Айм-Албыл тяжело вздохнул и открыл глаза.

— Жив! — с облегчением воскликнул Кунда.

Албыл сидел и ощупывал свое тело руками. Он жив, несмотря на козни злых духов, несмотря на обвалы и падение.

Кунда сидел рядом. Друзья помогли друг другу перевязать раны. У охотника поперек лба появилась белая повязка. Манси подвесил правую руку на ремень, перекинутый через шею. Рука была вывихнута, но всезнающий Кунда ее тут же вправил. Айм-Албыл

Кунда взмахнул руками и почувствовал, что падает вместе с камнем.

перенес боль стоически. Кунда рассказал ему о причинах криков и плача.

Там, где сходились стены ущелья, была дыра — вход в пещеру. В ее глубине стекающие по сводам струйки подпочвенной воды падали с большой высоты и звонко ударялись о поверхность скопившейся по середине лужи. Стены множили эхо, и звук получался мелодичный, чистый, как смех молодой женщины, а всплески походили на всхлипывания. Эти звуки неслись по узкому горлу ущелья, создавая легенду о плачущей и смеющейся девке Атаманше, стерегущей клады.

Айм-Албыл удовлетворенно кивнул. Опять этот русский всемо нашел причины, опять рассеял сомнения и страхи.

Отдохнув, двинулись в обратный путь на тропу. Обходя сорвавшуюся ночью скалу, Кунда увидел среди обломков камней и свежее-взрытой земли яму, заглянул в нее и вскрикнул.

Глаза идола

На Кунду в упор глядели два сверкающих глаза. Махнув рукой спутнику, чтобы он не шевелился, охотник за минералами стал пристально всматриваться. Минуты две прошло в молчании. Потом он стал на четвереньки и влез в яму.

В доисторическую эпоху населявшее Урал племя устроило на вершине горы мольбище. Доступ к нему разрешен был только жрецам. Там, в каменном углублении, поставили грубо обтесанную бабу, еле заметные руки ее сжимали выпученный живот. Голову идола сделали из дерева и вместо глаз вставили два алмаза.

Желая скрыть идола от посторонних взглядов, жрецы прикрыли яму гранитной плитой. Она лежала на выступавшем ребре скалы и конец ее свешивался над обрывом. Когда Кунда ступил на выступ камня, его тяжесть заставила глыбу опуститься, она рухнула вниз, и старое мольбище раскрыло свои тайны. Вокруг идола в песке и щебне валялись старинные монеты с арабскими надписями.

Кунда ухватился за голову идола и легко ее отломил. Выбравшись из ямы, он уселся на шихане и начал разглядывать деревянную голову с горящими в дневном свете глазами-алмазами.

„Ошонин будет рад, — думал он. — Теперь он окончательно убедится, что

алмазных месторождений на Урале нет. Но это мы еще посмотрим!“

— Идем Айм-Албыл, — сказал он манси. — Идем в Орск. Поиски на время кончены.

Охотник за минералами опустил деревянную голову в сумку.

Живой самоцвет

Ошонин сидел, выпрямившись, постукивая молоточком по колену. Радость разгладила морщины на лице. На столе перед ним лежала деревянная голова с большими ушами и толстыми губами. Свет лампы, прикрытой зеленым абажуром, падал на нее и сверкали грани алмазов в глазных впадинах.

В соседней комнате в одиночестве бормотал громкоговоритель. Деревянный идол с одной половиной лица глядел со стены внимательно и серьезно на странного гостя — другого идола.

На грубой деревянной скамье сидели Кунда и Айм-Албыл.

— Я ему показал город, — кивнул на манси головой Кунда. Узнав, что он возвращается на север, ему рассказали о политике нашей власти, об обманщиках-шаманах и о том, что мансийский молодняк должен сам строить свое будущее. Уехав с тобольского севера обломком скалы, Айм-Албыл вернется туда граненым самоцветом. Он рассказал мне забавную историю о примусе и шамане. Я купил ему новый примус и научил его обращаться с ним, как следует.

„У меня собраны сведения о местах, где возможно присутствие жил с алмазами, — продолжал Кунда. — К этим глазам идола может протянуть руку лобой и вынуть их из глазниц, а мои алмазы лежат в недрах и, чтобы их добыть, нужны сотни рук, тысячи человеческих и лошадиных сил. Нет, Тихон Артемьевич, моя охота за минералами не безрезультатна. Я обнаружил месторождения благородных самоцветов, залежи руд, меловые отложения, намеки на присутствие нефти, выходы из земли каменного угля и нашел чудесный самоцвет. Это сам Айм-Албыл...“

— Сейчас будут говорить на языке манси, — четко произнес в соседней комнате громкоговоритель.

— Айм-Албыл, — сказал Кунда, — иди в ту комнату и слушай.

Парень осторожно, стараясь не зацепиться за мебель, прошел в соседнюю

комнату. В то же мгновение суровый властный голос на родном языке манси прокричал необычайные слова.

Айм-Албыл, зажмурив глаза и раскрыв рот, слушал с восторгом передачу Свердловской радиостанции. Кто-то говорил с ним страстно, убеждающе, призывал, ободрял, смеялся. Новый мир раскрылся перед ним.

Айм-Албыл слушал и заражался энергией. Он пойдет обратно на север в свой родной чум, но теперь ему не страшны все шаманы тундры.

Голос крикнул в уши Албылу, что Север проснулся, что революция как олень копытом пробил ледяной наст, и весеннее солнце затопило землю...

— Ты все-таки упорствуешь,—говорил в это время Ошонин.—Все-таки хочешь найти несуществующие алмазные россыпи, когда сам же нашел доказательство верности моей теории.

— Теория еще не истина,—хрипавато возразил Кунда. Ты сам меня этому учил. Она обслуживает данный отрезок времени, но как только соберется достаточное количество новых фактов, всплывает другая теория, а прежняя сдается в архив. Я предприму в будущем году более широкое и основательное обследование нашего края. Я обстукаю молоточком каждую пядь земли в рай-

онах нахождения алмазов и принесу-таки тебе алмаз в породе.

Голос невидимого манси в соседней комнате умолк. Айм-Албыл снова сел на скамью рядом с Кундой, заглянул ему в глаза и сказал:

— Кунда, я завтра пойду домой. Мы с тобой делили пополам кров и табак. Мы ходили с тобой по горам, хребтам и долинам. Мне жаль с тобой расставаться. Я уйду. Нас разделят ветер, вода и скалы. Я расскажу своим все-все, что видел, что слышал. Кунда, я не боюсь шамана. Теперь я с ним справлюсь. Ведь я снова приду сюда, и мы встретимся. Айм-Албыл встал и положил обе руки на плечо Кунде.

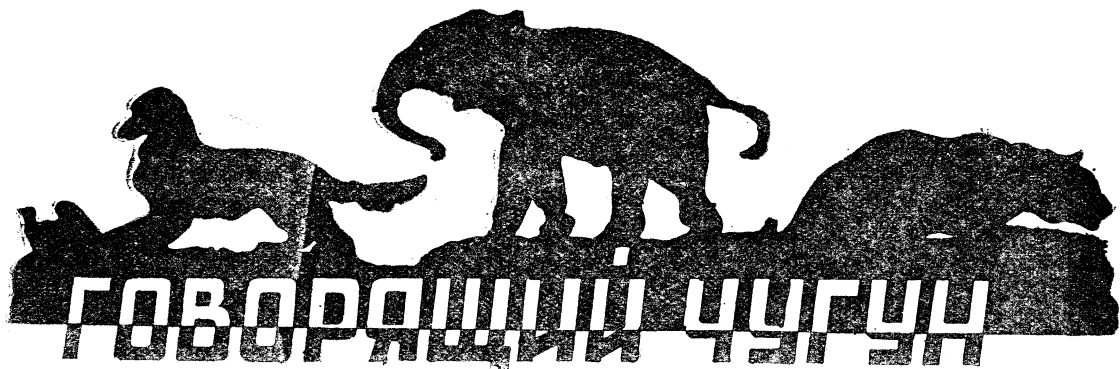
Долго глядел ему в глаза, потом улыбнулся и кивнул головой.

— Осима сусуль!¹—сказал он и сжал руку Кунды.

— Прощай,—более хрипло, чем обыкновенно, ответил охотник за минералами, поглаживая жесткую бороду громадной ладонью.

Албыл вышел на улицу. Прямо перед ним внизу в котловане сверкала россыпь огней Свердловска. В темноте он весело улыбнулся и быстрой легкой походкой направился в город.

¹Прощай.

Очерк МИХ. ЗУЕВА-ОРДЫНЦА

Фото Б. Рябина

Вы знаете чугуны?

— Вы знаете что такое чугуны?

— Ну еще бы!

— А что из него делают тоже знаете?

— Конечно! Кухонные котлы, печные дверцы, машинные части, сковородки, утюги, ну еще... гири, что ли!

— Вот-вот! А поезжайте-ка на Каслинский завод и там вы убедитесь воочию, что из чугуна не только сковородки да утюги можно делать. Вам в Каслях такие штучки покажут — ахнете!

— Какие же это „штучки“?

— Поезжайте — увидите! Ахнете, говорят вам!..

Так говорили нам в Свердловске, в Златоусте, на Карабаше, в Кыштыме.

От Кыштыма до Каслей с небольшим тридцать километров. Погода подбивает на пешую прогулку. Рано утром, набрав во фляги свежей воды из кыштымского заводского фонтана, выступаем на Каслинский завод.

„Архипелаг“ озер

Итти легко. Урала, его гор, крутых подъемов и спусков не чувствуется. Урал остался западнее. Он оборвался крутой стеной там, верстах в пятидесяти на запад, и отсюда линия его хребтов намечается на горизонте еле-еле, как старая вылинявшая декорация. А нас окружают зелено-бурые разметы лесов, да синие полотнища озер.

Мы в Зауральском озерном крае.

Здесь раскинулся поистине „архипелаг“ озер, где сосредоточено их более двухсот и таких, как Иртяш — 60 квадратных километров, Силач 60, Большие Касли — 50, и мелких — Сунгуль, Киреты, Наноги. Здесь все переходы — от озер глубоких, холодных, прозрачных и светлых, до озер теплых, мутных и тинистых, озер-болот.

Вся эта водная масса занимает площадь почти в 1000 квадратных километров.

С вершины небольшого холма, на котором мы остановились передохнуть, эти озера представляют поистине чарующую картину. Кажется — кто-то разбросал щедро, по зеленому ковру, пригоршни серебряных монет.

Древние путины

Здесь, перешейком между озерами Большие и Малые Наноги, пролегал в глубокой древности главный путь великих переселений народов. Здесь прошли с пыльными скрипучими возами гунны, за ними монголы, эти берега слышали гул и гомон древних кочующих орд.

А значительно позже, между другими озерами — Иртяш и Большие Касли — легла так называемая Уральская, она же Казанская большая дорога. В древней челобитной 1695 года читаем: „А меж озер Иртяш и Касли через Урал-Камень проезжая большая дорога в Казань и на Уфу и на Кунгуры. Купеческие люди из русских городов ездят с товары по вся годы в Сибирские города, а из Сибири ездят с товары в Русские города...“

Глухой край, преддверье Сибири, начал оживать. Появились новые люди и начали творить новые неслыханные дела.

Компанейщик Коробков

Туляк — „медная душа“, тульский купец Коробков — сразу оценил всю выгоду здесьнего расположения. Под боком Сибири с ее бесчисленными кочевыми племенами, совсем рядом башкирцы, недалеко и до киргизских ордцев, а никто из них не умеет руду копать и выплавлять из нее чугуны и

железо. А без чугуна и железа теперь даже и дикие ордынцы не проживут.

В 1747 году, на берегу озера Большие Касли, около древней монгольской путины, позже — государев тракт, задымил впервые Каслинский чугуноплавильный, железоделательный и литейный завод компанейщика Коробкова.

Первыми рабочими нового завода были крепостные крестьяне Коробкова, переселенные сюда из Калужской губернии. А затем потянулись на завод „вольнонаемными“ крестьяне окрестных, главным образом раскольничьих сел.

Упрямые кержаки и в заводскую работу внесли свою косность, нетерпимость ко всему новому, замкнутость в своем тесном кругу. Не от кержаков ли и началось засекречивание способов изумительного каслинского литья, которое корнями своими, безусловно, уходит в эти отдаленные века?

Компанейщик Коробков был определенно не глуп. Он быстро и верно нашел своего потребителя-кочевника. Дать кочевнику немудрую, но удобную и крепкую утварь — вот задача!

Завод начинает отливать из чугуна кувшины-кунганы и так называемые „азиатские чаши“ — огромные котлы для варки мяса. И вскоре же Коробков становится азиатским Фордом для кочевников необъятной Азии.

В башкирских улусах, в бурятских и монгольских хотонах, в казакских ковыльных степях, в туркменских аулах и на кривых, узких улочках Бухары, Ташкента и Самарканда — впервые оценили изумительную работу безвестных каслинских литейщиков.

Башкирин, бурят, туркмен или узбек стучали в дно огромного котла и, говорили восхищенно одно только певучее слово:

— Касли!

Окружающие зеваки откровенно завидовали покупателю и, восторженно закатывая глаза, сладко цокали языком:

— Це-це! Касли! Джюда якши!..

Нельзя было не восхищаться. Огромный (человеку по пояс) чугунный котел был несокрушимо крепок и непостижимо легок, ибо был он тонок, словновыгнутый из листового железа, а звонок, как медный колокол.

Безусловно, художественное каслинское литье начинается от этих „азиатских чаш“, ибо оно выросло, как естественная высшая ступень из фигурного и технического литья.

„Бежин луг“

Бесконечные обозы с каслинским литьем потянулись на многочисленные ярмарки: Ирбитскую, откуда оно растеклось по всей необъятной Сибири, Петропавловскую, куда съезжались кочевники Казакстана, а с Троицкой ярмарки каслинские кунганы и котлы через армянских и персидских купцов уходили в знойные дали Средней Азии и Ближнего Востока.

Ожила еще более древняя путина — крики ямщиков, ржанье коней, скрип тяжело загруженных телег!

Но все это в далеком прошлом. Древний путь народных переселений, затем „Государев Уральский тракт“, стал глухим захолустным проселком. И пыль его, утопанную ногами многих племен и целых наций, теперь топчем только мы трое.

Вечерело. На западе потухал розовый пепел зари. А завода все еще не видно.

Не сбились ли мы с пути?

В стороне от дороги, в нечастой березовой рощице, взметнулось багряным шелком пламя костра. Не сговариваясь, мы дружно повернули к роще.

Услышав наши шаги, от огня поднялись испуганно двое ребят на вид лет десяти и двенадцати. Оба были одеты одинаково, как по форме, — в огромных сползающих на уши картузах с полуоторванным козырьками, в ватных, шитых на рост, пиджаках, оба держали в руках по кнуту.

— Чего огнем балуетесь, ребята? Зачем костер развели? — Младший вытер обиженно под носом и ответил неожиданно басом:

— Не видишь — в ночном мы. Коней стережем. А вам чо надо?

Мы объяснили. Спросили про дорогу. Оказывается — идем верно.

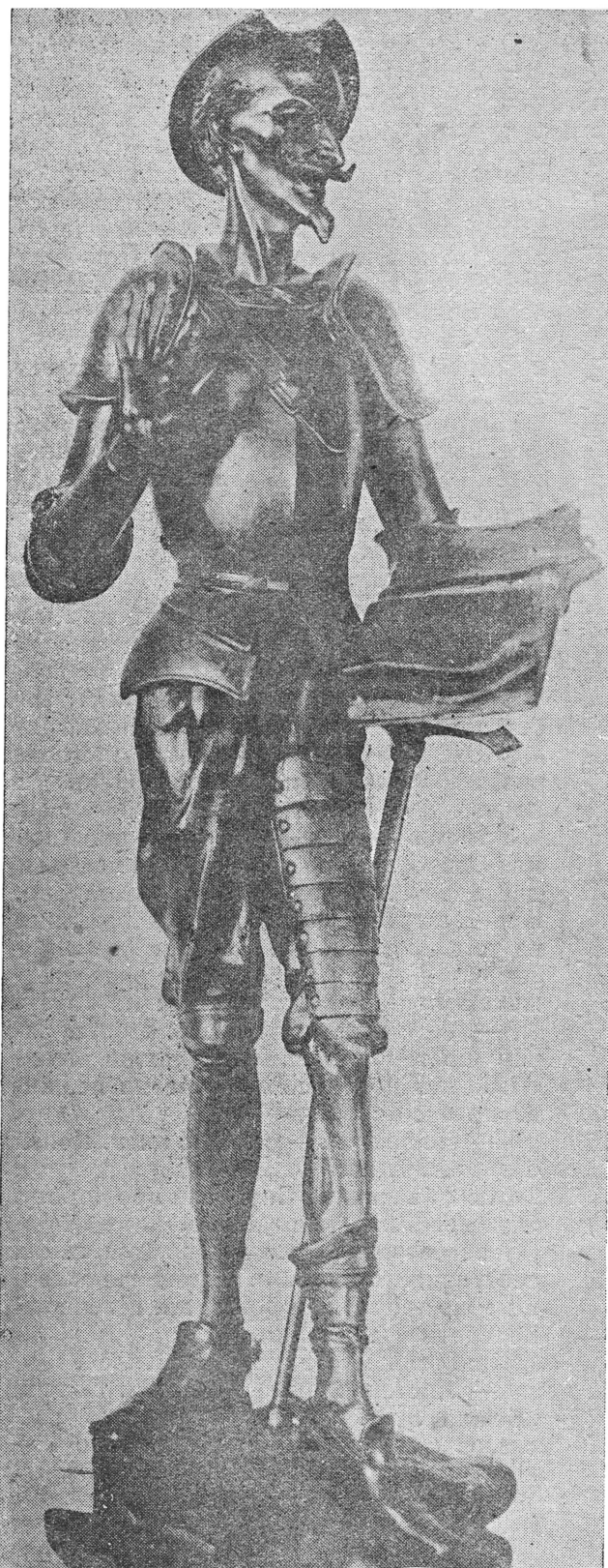
А затем, как-то незаметно для самих себя, присели у костра. Хорошо прохладным и ароматным уральским вечером посидеть у теплинки.

Приятель мой вдруг рассмеялся:

— Костер. Ребята в ночном. Совсем „Бежин луг“! Нехватает только рассказов о солнечном затмении или о чем-нибудь другом необычайном!..

Гора Каравай

Счастливая дремотная лень одолела меня. Я прилег и, повидимому, быстро, но коротко заснул, ибо совершенно неожиданно услышал вопрос приятеля:

Дон-Кихот. Скульптура Готье.

— А что это за гора торчит вон там?

— Смотря какая,— деловито ответил младший.— Эта вот Булдым, та—Вишенная, а еще Каравай.

И парнишка охотно начал рассказывать про удивительную Каравай-гору...

Глухая, уединенная гора эта замечательна тем, что на нее осенью, в начале сентября, собираются козлы со всех ближних и дальних окрестностей — с Кыштымской, Уфалейской, даже Златоустовской дачи. Сюда же, к Караваю, сходятся и съезжаются со всех сторон охотники. Начинается ловля козлов ямами, множество их загоняется с собаками. К ноябрю козлы расходятся, чтобы весной снова повторить эту непонятную сходку.

Глиняный козел

— Чем козлам этот Каравай мил, не пойму никак,— сказал приятель.— Да и какие же на Урале козлы, не слышал я что-то о них. Кабарга, джейраны?

— Архары! — засмеялся я¹.— А может, каменные бараны, твои приятели?

— Какие на Урале у нас козлы?— спросил парнишка.— А эвон какие! Сзади тебя стоит. Гляди!

Мы удивленно вскочили на ноги.

— Ленька, не смей показывать! Морду побыю! — закричал вдруг старший, до сих пор не проронивший ни слова.

Но мы уже увидели. Невдалеке от костра (как мы его раньше не заметили?) стоял козел, вылепленный из глины. Скульптор уменьшил его размеры против натуральной величины почти втрое. Но мы видели, как напряжена каждая жилка благородного животного. Козел почувствовал близкую опасность, увидел западню или услышал собачий лай. Ноздри его трепещут от влажных запахов ночи, глаза устремлены в загадочную чащу леса. Казалось, мы видим, как вздрагивают задние ноги животного, готовые бросить стремительным

¹ Значительно позже узнали мы, что на Урале козлом называют обычную косулю.

прыжком его напряженное, собранное в комок тело. При некоторых недостатках неопытного еще скульптора, в работе чувствовался недюжинный талант.

— Кто это лепил?—спросили мы разом.

— Он, Васька!—указал младший парнишка на стоявшего в отдалении, в тени старшего своего товарища.— Он и не такое еще может.

— А ты, Вася, видел козла?

— На Каравая видел,—неохотно ответил Василий.— Вот так он и стоял. Меня почуял.

— А как же ты лепишь, расскажи?—попросил я.

Он подошел к нам. Опустил руки на свое творение.

Я заметил, при этом кончики его пальцев вздрогнули, как от электрического разряда. И тотчас же бессильно ответил:

— Я не знаю как. Когда я леплю — дурным делаюсь. Как богульнику нанюхался!..

Касли готовят смену

Мы вернулись к костру. Он потухал. Угли его то мугились серой пленкой золы, то вспыхивали алым жаром. Тонкое затишье ночи нарушали лишь невидимые в темноте лошади,—сыто фыркали, шумно отряхивались от росы, гремели боталами и цепными путами.

Вася вдруг бросил резко на костер сухину и, когда она разгорелась, сказал тоскливо:

— Человек вот у меня не получается. У человека лицо трудное. То смеется, то плачет, то радуется, а то горюет! Как вот тут быть?

— Давно, Вася, этим делом занимаешься?—спросил приятель.

— С позапрошлой зимы. Нас из школы в музей водили, на Касли, в завод. Там из чугуна отливки всякие, люди, звери. Меня и завлекло. Сначала из снега пробовал, но из глины лучше.

Я начал говорить Василию о том, что ему надо будет, со временем, поехать в специальную школу, в Москву или Ленинград. Там его научат лепить и людей, их радостные или печальные лица. Он слушал меня с жадным любопытством, не отрывая от меня своих серых, влажных от дыма костра глаз.

Пушкин. Каслинское литье.

Но беседу нашу внезапно прервал Ленька:

— Не суйся сюда раньше четверга! — солидно сказал он. — Ваське в Москву ехать? Смехота!

Мы рассмеялись и стали прощаться с ребятами, как со взрослыми, за руку. Неумело отвечая на мое рукопожатие, Вася сказал горячим шепотом:

— Что про Москву сказал, очень большое тебе спасибо! Я буду стараться. Охота мне людей лепить!

...До завода мы добрались глубокой ночью. Вскарабкавшись на некрутой увал, остановились, удивленные. На фоне злых, мелких волн озера Касли, на опушке сумрачной тайги — гирлянда ярких электрических огней, как будто висящих в воздухе на невидимом шнуре. Казалось, тайга доплеснувшись до заводских застав, остановилась оторопело перед этими яркими огнями. А я, глядя на их победное сияние, невольно подумал:

„Славный старый завод сам готовит себе молодую смену. Вася уедет в Москву!..“

Родовые секреты

Осмотр начинаем рано утром и, не дойдя еще до завода, на площади против клуба, видим первый образчик каслинского художественного литья, перед которым снимаем шапки. Это памятник на братской могиле пятидесяти каслинских рабочих, изрубленных колчак-ковцами. На серой гранитной колонне, легко уходящей ввысь, чугунная фигура рабочего в натуральную величину. Сжав в руках винтовку, он пристально смотрит на восток, на равнины Сибири, куда, заливая раны, как таежный зверь, ушел Колчак.

По заводу нас водит мастер-литейщик, старик, всю жизнь проживший и проработавший в Каслях.

— Мы, каслинцы, все можем отлить, от крупных машинных частей до иголки для шприца!

В его словах нет похвальбы, в них слышится спокойная, уверенная в себе сила, но кто-то из нас сомневается:

— Эва хватили! Иголка для шприца! Не слишком ли?

Старый мастер не обижается. Он смеется.

— Ничуть не слишком! А вот уж-ка посмотрите наш музей. Ведь эта техника

столетиями вырабатывалась. Наши мастера и не такие еще секреты литья знали! От отца к сыну и внуку только эти секреты передавались, в своих родах-поколениях хранились!

„Каслинская республика“

Старый мастер был прав. Секреты литья были и они ревниво хранились в поколениях мастеров.

Это засекречивание ремесла характерно для Урала. Златоустовские литейщики булата, каслинские чугунно-литейщики, екатеринбургские гранильщики, уральские резчики по камню — все они не пускали „посторонних“ в тайны своего ремесла.

Но в Каслях эта замкнутость приняла особенно уродливые формы. Не старобрядцы ли, „ревнители старинного благочестия“, виною этому? Неистовые раскольники выжигают то место на лавке, где сидел никонианин, уничтожают, как опоганенную, ту посуду, из которой он пил или ел. Не переросла ли их религиозная нетерпимость в нетерпимость производственную?

Каслинский завод, даже первые годы после революции, представлял собою своеобразную, со своим особым укладом каслинскую республику. Чужих, не каслинцев, например, работать на завод не пускали. Когда на заводе поставили свисток, каслинцы зашумели недовольно. Как это: более сотни лет жили без свистка, а теперь вдруг свисток понадобился. Не желаем! Пусть попрежнему „будильщик“ на работу созывает! Рационализацию каслинцы встретили в штыки. Их в ужас привела эта техническая ломка.

Так бережное хранение тайн ремесла, вековое накопление производственного опыта выродилось в замкнутость, косность, нездоровое секретничество, с которыми пришлось бороться долго, упорно и беспощадно.

В чем же секрет?

Безусловно, каслинские литейщики буквально фокусники своего дела. Недаром их называли „скульпторами по чугуну“. Но громкая слава каслинского художественного литья обязана не только одному умению их изумительных рук.

Помимо высокой техники каслинских мастеров, громадную роль играет и ка-

чество каслинского чугуна. Чугун, употребляемый в Каслях на отливку художественных вещей, содержит большой процент фосфора, а потому обладает чудесной способностью заполнять без раковин и пустот все малейшие изгибы литейной формы.

Тонкость и четкость каслинского литья объясняется также и качеством песков, идущих на формы для отливок. Много хороших формовочных песков в Каслях—казалташский, малокаслинский, озерной, пыхун, но самые лучшие из них—рыкуль, лазарет (да, да, никакой опечатки—лазарет!) и конский. Только с ними можно добиться от чугунного литья каслинской ажурности и ювелирной чистоты.

По внешнему виду, для неопытного глаза, они ничем друг от друга не отличаются, на ощупь тонки и шелковисты, как пудра, а если их смешать вместе, они дадут такой формовочный материал, который будет подчиняться малейшему желанию формовщика. Пески эти так славились, что прежде, при заводчиках, в продаже их было отказано даже петербургским государственным заводам, а места их добычи охранялись особой стражей.

Вот те составные части, из которых слалался секрет каслинского литья!

Чугун говорит

Вечером мы осматривали заводской музей художественного литья.

В маленькой тесной комнатенке было сосредоточено столько красоты, что нас, одновременно с восторженной радостью, охватила растерянность.

Этот грубый угрюмый чугун говорил. Он рассказывал нам чудесные истории о радости и печали людей, о их ненависти, любви, о их былом тяжелом, изнуряющем труде. Он увел нас в дремучие леса Урала, в знойные джунгли юга, показал потаенную жизнь их обитателей—зверей, то яростных, то кротких, их вековую борьбу с человеком. А затем вдруг развернул перед нами галерею незабываемых гоголевских типов: шаркал ножкой Павел Иванович Чичиков, приторно-сладенько улыбался Манилов, орал буян Ноздрев, поджимал тонкие губы скряга-Плюшкин.

И никак, никак не верилось, что все это отлито из чугуна.

Крестьянка, отправляющаяся в поле. Скульптура Либериса.

Именно чугунного-то, грубого, тяжело-го не было в этих одухотворенных человеческих лицах, в благородных линиях конских тел, в тоскующей позе собаки на статуэтке Мэне, или в книге, перелистываемой восторженным Дон-Кихотом, каждый листик которой не толще настоящего книжного листа.

Мельчайшие, ювелирно-чистые детали каслинского литья особенно ясны в рельефных медалях и сквозных ларчиках, блюдах, вазах, где грубый чугун сплетен в тончайшее, нежнейшее кружево. А ведь это не ковка бронза, не тягучее серебро, не мягкое и податливое золото. Это ломкий, грубый уютный и сковородный чугун.

Подкованная блоха

Но шедевр музея — шедевр литейного искусства, это часовая цепочка. Она состоит из шестидесяти звеньев, диаметр звена — немного меньше диаметра нашей новой копейки, толщина звена — нитка.

А каждое звено отливалось отдельно и, конечно, без расклепа, тоже только посредством литья, соединялось с соседним. „Вот она, иголка для шприца“, вспомнили мы и устыдились. Когда смотришь на такую работу, понятным становится лесковский сказ о подкованной блохе.

Об этой чугунной цепочке великий Менделеев писал восторженно:

„Искусство формовщиков и литейщиков особенно сказалось на мелких брелоках к часам и на часовой цепочке. На ней не только каждое звено формовано и отлито так, что цепь образует ряд друг в друга продетых колец, но и по концам цепи крючок и колечко свободно вращаются в чугунном, прямо отлитом (с присыпкой угля) охвате, без всякой обточки или опилки“.

И возможно, что в этот же момент, когда отливалось это звено толщиной в нитку, здесь же рядом производилась отливка огромной, многотонной машинной части!

...Уходя из музея мы задерживаемся еще на несколько минут перед одной, особенно прекрасной чашей.

Художник и литейщик облекли ее в строгие формы тюльпана. Она вдохновенно рвется ввысь, чудом держась на тончайшем стебле. Глядя на нее, крепко веришь, что тесно переплетенному в ней творчеству художника и мастера не страшна „веков завистливая даль“, что всегда это произведение большого и на-

стоящего искусства будет вызывать восторг и удивление.

А когда заглянешь в эту даль веков, увидишь другую чашу, первую „азиатскую чашу“ отлитую каслинскими „рабочими людьми“, примитивную, грубую но легкую и звонкую. Эти две чаши — прабабка и правнучка. Вообразите их рядом, и вам понятным станет, как неизмеримо высоко поднялось искусство литейщиков из Каслей.

От бушварика¹ к резцу ваятеля

Примитивная, грубая, но легкая и звонкая „азиатская чаша“ была проматерью художественного литья. Из нее выросло художественное литье, как высшая ступень. Но и люди, работавшие над литьем росли, переходя к высшим ступеням своего труда и творчества. Давайте вспомнить о людях, поднявшихся от ремесла к творчеству, перешедших от чугуна к глине и воску, от бушварика к резцу ваятеля.

Кто учил простого рабочего постигать истинную красоту и воспроизводить ее? Никто!

Была одно время при Каслинском заводе школа лепки. Ею руководил скульптор Канаев. Но и в этой школе рабочих не думали посвящать в тайны лепки. Их учили лишь тонко и точно формовать.

Обучение производилось на таких образцах, как пепельницы, рамки и печные заслонки. А в свою мастерскую ни Канаев, ни другие рабочих не пускали. Они засмеялись бы, если бы им сказали, что из полуграмотного рабочего может выйти даровитый скульптор.

А между тем зачастую перед этим полуграмотным рабочим ставились задачи, которые были по плечу только настоящему художнику-скульптору. Речь идет об уменьшении размера художественной отливки.

Два мефистофеля

Прекрасная вещь Лансере — „Лошадь на воле“ плохо покупалась. Не потому, что она не нравилась покупателю. Наоборот лошадики-помещики, гусарские офицеры, купцы-барышники, завсегдатаи бегов и скачек находили ее великолепной.

¹ Бушварик — инструмент формовщика, лопаточка для сглаживания и выравнивания шероховатостей формовочного песка.

Но ее не поставишь ни в гостиную, ни в кабинет. Вещь была слишком громоздской. Надо было ее уменьшить, уменьшить... с 25 рублей до 10.

Эта задача была поручена литейному мастеру по художественному литью или,

как говорили на заводе, „мастеру по вещам“ Василию Федоровичу Торокину. И вот тогда-то торокинский формовочный стол превратился в ателье скульптора, а его скромный бушварик—в резец ваятеля.

Укрощение коня. Скульптура Клодта.

Торокин с увлечением взялся за эту работу. Как скульптор, он был еще совсем безграмотен. До всего он дошел своей смекалкой, а смекалке помогли художественный вкус и чутье. Для измерения пропорций он придумал собственного изобретения фигурную линейку. Там, где не брала линейка, пускал в ход простую нитку. И на уменьшенную копию литейщик Торокин перенес все особенности творчества знаменитого скульптора Лансере. Все, до последнего мельчайшего штриха!

Так же талантливо уменьшил он и другие произведения Лансере.— „Отъезд казака“ и „Джигитовка лезгин“. Глубокую любовную лирику первой вещи и стремительный полет, бешеную удаль второй полуграмотный литейщик Торокин передал безукоризненно.

Иногда, при таких уменьшениях, литейщик, сам того не замечая, начинал творить самостоятельно..

В Свердловском музее художественного литья есть два бюста Мефистофеля работы Марелли, один меньше другого в четыре раза. На первый взгляд покажется, что это повторение одного и того же. Но когда вы взгляните в лица обоих Мефистофелей, выражения этих длинных с острой бородкой лиц совершенно различны. Тонкое, ядовитое выражение на одном лице и добродушное, веселое, лукавое на другом.

Так неизвестный литейщик внес при уменьшении свою „поправку“. Умного, злого гетевского Мефистофеля он превратил в добродушного, простоватого „рассейского“ чорта.

„Господское дело“

Василий Федорович Торокин уменьшил „Лошадей на воле“ с 25 рублей до десяти. Вещь пошла. Это все, что было нужно хозяевам Каслей.

Но Торокину этого было мало. Каждую новую модель он встречал с интересом и волнением подлинного художника. И если вещь ему нравилась, он работал над ней с увлечением. Эти дни он жил под высоким давлением, в творческом возбуждении.

Но иногда, при получении новой модели, он испытывал тоску и недоумение. Опять одалиска, фавны, русалка, сатир! А где же подлинная жизнь, которая бурлит вокруг? Где ее радости, печали, ее боль и гнев? В душе Василия Федоровича нарастал смутный протест. И мо-

жет быть из этого протеста выросла его первая самостоятельная работа „Старуха с прялкой“.

Он захотел показать людям настоящую жизнь — ту, которую знал сам. За „Старухой“ он слепил „Литейщика за работой“. „Старуху“ отлили. Она подкупала своей правдивостью и ходко шла на рынке. Автор получил за нее десять рублей... Скульпторам с дипломами платили тысячи. Иногда только за диплом.

Впоследствии Торокин проклял тот миг, когда он впервые взял в руки воск и глину: заводоуправление запретило ему лепить. Это дело господское, а не рабоче. Скульпторы приедут из Питера и Москвы, в них недостатка нет. А если рабочие полезут в скульпторы, кто же будет отливать разухабистых одалисок и лихих казаков? Заводу нужны хорошие литейщики — это главное!

Торокин навсегда отложил резец и снова взял в руки бушварик.

Иначе быть не могло. Каслинская чугунная скульптура была, прежде всего, просто-напросто товаром.

Два документа

ОБЩЕСТВО КЫШТЫМСКИХ ГОРНЫХ ЗАВОДОВ НАСЛЕДНИКОВ Л. РАС-ТОРГУЕВА

Производство:

литье стальное и чугунно-ваграночное: посуда, камины, печи, художественное литье по моделям завода, лестницы, веялочные приборы, гири разные, кресты и памятники.

„Видал я на выставках каслинское литье не раз, сам купил в Екатеринбурге прекрасные образцы, но то, что увидел в Кыштыме, где склад, или, вернее, музей этих отливок, то превзошло все мои ожидания. Отливка тончайших моделей, ажурных блюд, бюстов и статуй так тонка и чиста, что во всех отношениях не уступает бронзовой... Будь эти отливки производимы во Франции или Германии — они были бы у всех и каждого на столе“.

Первый документ — каталог фирмы Рас-торгуевых, второй — цитата из статьи Д. Менделеева в сборнике „Уральская железная промышленность“. Первый документ помечен 1900 годом, второй 1899. Разница только год! И в то время, когда великий русский химик по-юношески восторгался каслинским литьем,

„наследники Расторгуева“ пренебрежительно запихнули его куда-то между печкой и лестницей.

Для них это был только товар, ничем не лучший, чем „гири разные“. Этим объясняется обилие отливок бездарных, пошлых, скабрзных, рассчитанных на вкусы мещанского потребителя: бюсты царей и французских президентов, военные группы из истории „побед и одолений христоролюбивого воинства“, бесчисленные Иисусы, Пилаты, Мадонны, амуры, гадалки. Истинных художников составляли услаждать тупого обывателя.

А к этому времени каслинское художественное литье достигает высшего своего расцвета. На многих заграничных выставках — в Вене, Филадельфии, Копенгагене, Стокгольме — каслинцы получают далеко не последние награды. Каслинское литье завоевало, без преувеличения, мировую известность. Оно славилось на обоих полушариях, всюду, кроме... Российской империи. У каслинских „скульпторов по чугуну“ была судьба общая с палехскими живописцами, вологодскими кружевницами, архангельскими резчиками по кости и туркменскими ковровщицами.

Касли и Париж

Когда началось в Каслях художественное литье, никто точно не знает. Многие показания сходятся на 1804 году. Но безусловно началось оно во времена крепостного права.

Крепостничество на уральских заводах и всемогущество местных заводчиков-магнатов, больших ценителей „изящного“ и „прекрасного“, несомненно, создало почву для попыток в этом направлении.

Художественным литьем из чугуна на Урале пробовали заниматься многие заводы: Кусинский, Верх-Исетский, Златоустовский, Верхнейвинский, Ньючинский. Но только каслинские литейщики, каслинские пески и чугун оказались пригодными для этого тонкого дела.

Трудно вообразить, в каких условиях работали первые каслинские „скульпторы по чугуну“. Отдельной мастерской художественного литья не было. К главному корпусу был пристроен жалкий досчатый сарайчик. За чугуном бегали с ковшами чуть не за версту. По вечерам работали с масленками, которые давали больше копоти, чем света.

И все же из мимолетного барского каприза поднялось большое, красивое дело.

Каслинские литейщики буквально своими руками подняли его до высот истинного искусства.

В 1900 году весь мир готовился к выставке в Париже. Готовился к ней и маленький заводик, заброшенный в глушь Уральских гор. Каслинцы послали на всемирную парижскую выставку громадных размеров чугунный павильон, отлитый по проекту архитектора Евг. Баумгартена в изящном восточном стиле. Павильон этот получил на выставке высшую награду. А по возвращении из Парижа в Касли павильон, восхищавший парижан, был брошен на склад, где и пролежал среди хлама и мусора 30 лет, пока не был частично разворован.

Могло быть и хуже. Могли бросить обратно в вагранку, на переплавку. Ведь это тоже товар!

Скульпторы самородки

На второй день нашего пребывания в Каслях меня познакомили с заводским скульптором. Тихий и застенчивый старичок. Но я настораживаюсь, услышав фамилию Клодт.

— Скажите, а вы не родня знаменитому скульптору Клодту?

Старичок застенчиво улыбается, Я его родной внук. Я здесь работаю заводским скульптором.

Он показывает свои работы — бюст Ленина, статуэтку Дзержинского. Добро совестно, но без огонька. Я вспоминаю смелый творческий порыв пастушонка с „Бежина луга“ и, не утерпев, рассказываю о юном скульпторе-самородке. Клодт оживляется:

— Таких самородков в Каслях было не мало. Вот их работы. Простые рабочие, литейщики и формовщики Широков, Торокин, работая над образцами великих скульпторов, сами выросли в законченных художников. Особенно талантливы и оригинальны работы Торокина: — „Поездка кулаков на праздник“, „Литейщик за работой“, „Углевоз“ и друг.

На улице, по дороге от Клодта, встречаю знакомого, того старика-мастера, который водил нас по заводу:

— К нашему старикану Клодту ходил? — говорит он. — Деловой мужик! А только надо прямо сказать, не главное теперь это — лошадки, собачки, вазочки, статуэтки. Может быть, на время эту отливку совсем прекратим. А мы сейчас на рынок другое выбрасываем —

тракторные части. Это сейчас понужнее будет. Правда, или нет?

— Правда—соглашаюсь я.

Он доверчиво берет меня под руку:

— А о скульптурных отливках не беспокойся! Погоди, дай срок, опять за границу удивим!..

...На третий день утром, под проливным дождем, покидаем этот удивительный завод, слава которого, вырвавшись из глухомани уральской, перелетела через моря и материки и домчалась до столиц обоих полушарий.

Через восемь лет

На Каслинском заводе мы были летом 1927 года...

Однажды ненастной ленинградской осенью, я развернул „Известия“ и натолкнулся на небольшую заметку:

ХУДОЖНИКИ ЛИТЬЯ

СВЕРДЛОВСК, 1 октября (По телегр. от соб. корр.). На Каслинском металлургическом заводе (у оз. Касли, 110 км. от Свердловска) возобновляется производство художественного чугунного литья.

Мастерство уральских литейщиков некогда славилось далеко за пределами области. Каслинский завод отливал из чугуна изящные статуэтки, тончайшие узоры, барельефы. В последние годы выпуск такого литья почти прекратился.

„В настоящее время завод вновь приступил к производству художественного литья и восстанавливает свое модельное хозяйство. По предварительным наметкам, завод выпустит в 1935 г. художественного литья на 200000 руб.“

Вспомнились серебряные каслинские озера, пастушонки в березовой рощице, глиняный козел, готовый умчаться в лесную чащу, вспомнился удивительный чугун, рассказавший нам много чудесных историй, и потянуло неудержимо на Каменный Пояс.

Через неделю я ходил по сумрачному залу музея художественного литья в Свердловске. Вот снова вздыбился передо

мною „Медведь“ Либериша, роет от ярости землю рогами баховский „Разъяренный зубр“, мчитя так, что захватывает дух, „Тройка“ Лансере, презираще и ненавидяще улыбается „Мефистофель“ Готье, согнулся над верстаком мой любимый „Каслинский литейщик“ Торокина. Снова сплетаются чугунные кружева ваз, чаш и ларчиков. А над всем этим встали сквозные, легкие орнаменты баумгартеповского павильона, завоевавшего золотую медаль в Париже. Здесь только части его—фасад и боковые стенки.

Узнаю еще о двух потерях. Последний каслинский скульптор Клодт умер в Кунгуре в 1929 году. Украдена изумительная чугунная цепочка—шедевр литейного мастерства, некогда восхищавшая Менделеева. Кем украдена, когда, где—никто толком не знает.

Но радуют другие вести. Каслинское художественное литье действительно восстанавливается. В Касли уже отправлено 150 моделей старых отливок. Отобрано только то, что отвечает духу, вкусу и требованиям нашего времени. Приступает к художественному литью и гигантский Уралмашзавод. Трое старых каслинских мастеров литейщиков и формовщиков работают на Уралмаше. Они подготовят смену. В стране трудящихся не от кого и не-зачем таить секреты каслинского литья.

Работник музея художественного литья говорит мне:

— Частенько заглядывают к нам иностранцы, в большинстве инженеры-металлурги. При виде наших экспонатов они приходят в восторг и изумление. Не раз от них приходилось слышать предположения, что это медные отливки, покрытые черным лаком. Они не верят, считают невозможным придать грубому чугуну такие четкие, тонкие и изящные детали скульптурного подлинника.

А мне при этом вспомнились слова старого каслинского литейщика, сказанные восемь лет назад:—„Дай срок! Снова удивим за границу!“

Слова эти начинают сбываться.

Сбываются и другие пророческие слова великого ученого Д. И. Менделеева: Скоро „у всех и каждого на столе появятся образцы чудесной каслинской чугунной скульптуры“.

Изменяется содержание и формы ее, но претворенная в предметы искусства и нового быта, она займет в нашей стране подобающее ей место.

Свердловск. Июль 1935 г.

"ЗОЛОТЫЕ" ИСТОРИИ

Рассказ ВЯЧ. ЯРКОЗА

Близок локоть, да не укусишь

Итак, золото, наконец, было найдено или, вернее, подтверждена находка Ерофея Маркова¹.

Особенно торжествовал Райзер, приписывая себе, что, состояв в одном и том же чине асессора, как Порошин и Юдин, которые три года бились над открытием золота и не могли его все-таки обнаружить, он сумел сразу найти его. Ему, таким образом, принадлежит честь и слава этого открытия...

В одном из заседаний Горной канцелярии, в июле 1748 года, Райзер доложил, что его заботами золото открыто, и представил образцы золотой руды, в которой мелкие крупинки возможно было видеть простым глазом. Одна проба в лаборатории дала содержание в 100 пудах — 13 золотников.

Канцелярия приказала начать разработку руды и немедленно известила Берг-Коллегию об открытии первого на Урале золотого рудника, названного Шарташским.

Хотя этот рудник был заложен Райзером на том месте, где золото указал Ерофей Марков, но имя Ерофея уже нигде не упоминается и с этого момента совсем исчезает из истории уральской золотопромышленности.

Неизвестно, была ли Маркову оказана какая „милость“ не только за первые открытия в мае 1745 года, но и за последующие находки, на одной из которых был заложен первый рудник.

Все забыли, что шарташский мужик первый показал место, где надо искать золото, не вспомнили, какие ужасные минуты он переживал, когда его, как важного государственного преступника, держали на военной гауптвахте, когда возводили на эшафот, где под топором палача брали с него клятву лишь только потому, что бездарные чиновники не могли сами найти золото, которое так

легко могло быть открыто еще 23 мая 1745 г.

Может быть, это произошло вследствие того, что Райзер в своем докладе не упомянул имени Маркова, а дело свел лишь к тому, что Глес, по его указанию, углубил шурф с данной рудой и обратил в шахту, из которой, таким образом, стало уже возможным добывать руду.

Берг-Коллегия, получив рапорт Горной канцелярии об открытии Райзером золота, осталась весьма довольна и послала на Урал для разработки „сильною рукой“ золотых рудников группу горных людей-саксонцев.

Разработка золотых руд действительно началась „сильною рукой“ — руды было уже добыто достаточное количество, но встал вопрос, как же извлечь золото из этих руд.

Русские, начиная от самой Берг-Коллегии, не имея еще опыта по добыче золота, не знали, как извлечь его из руды. С железом и медью справлялись все-таки, в этом уже накопился кой-какой опыт, но вот с золотом — просто беда.

Некоторые из иностранцев предлагали венгерский способ — толочь и промывать, но как-то чудно казалось, как можно водой удержать золото. Медь и железо не промывают, а плавят, а тут — наоборот.

Вспомнили указ Берг-Коллегии от 11 ноября 1745 года, где предлагалось в лаборатории пробовать золотые руды „и обжиганием, и на капелях“, т. е. огневым способом, какой практикуется при получении меди и железа.

Обсудив новое затруднение, Горная канцелярия не послушала иностранцев, а решила начать извлечение золота плавкой и предложила пробирному мастеру Рюмину организовать при лаборатории извлечение золота плавкой.

Рюмин, получив предписание, пригласил к себе в кабинет своего помощника Ивана Дмитриевича Дроздова. Оба они начали обсуждать, с чего и как начать новое дело.

¹ См. рассказ „Первый старатель“ Вяч. Яркова, напечатанный в № 5 нашего журнала.

— Да, трудноато будет, Василий Андреевич. Если вести как пробу, то много ли получишь?

— Нет, зачем как пробу. Надо горнушку сделать на подобие доменки и завести плавку, тогда все-таки колош много можно спустить за день и получить металл уже достаточно.

— Плавки какие возьмем, Василий Андреевич?— спросил Дроздов.

— Руда на наше несчастье не одинаковая, вот где будет затруднение: есть железная, есть просто кварц, а то перемешанная. Придется партиями брать и каждую сначала пробовать на железо и кремнезем, иначе плавки подбирать трудно будет.

Несмотря на видимое присутствие золота в рудах, извлечь его оказалось куда труднее, чем добывать самую руду.

Руда в больших количествах трудно плавилась, плавка ужасно задерживалась, шлак выходил густой с переложившимися кусками руды. Если же временами, при железной руде плавка и шла удачно, то получались железные крицы, в которых золото было растворено, а отдельно его не оказывалось.

Руды в лабораторию с Шарташского рудника было привезено несколько сот пудов, в надежде быстро ее переработать. Райзер, кроме этого рудника, заложил еще новые разработки. Об успехах добычи он ежемесячно докладывал на очередных заседаниях Канцелярии и всегда подчеркивал, что горная часть идет хорошо.

Берг-Коллегия часто запрашивала, почему руды добыто изрядное количество, а металла все еще не поступило в казну.

Получая такие запросы, Канцелярия нажимала на Рюмина, требовала улучшения дела, а последний бился изо всех сил. Советов и рецептов предлагалось много, но толку все выходило мало.

Пробовал Рюмин вести плавку с глетом¹. Результаты получались хорошие, но расход на плавки был огромный, а посылку глеты покупались за границей, плавки обходились дорого. По другим же рецептам дело шло из рук вон плохо.

Если прежде Маркова три года мучили с открытием „настоящего места рождения золота“, то после его нахождения все несчастья обрушились на Рюмина,

который все свои познания в пробирном деле вложил в новое „производство“ и никак не мог наладить его.

За целый год, т. е. с июля 1748 года по июль 1749, этим путем золота получили 21⁷/₁₈ золотника.

Конечно, получение такого ничтожного количества было позором.

Пробы на содержание показывали в 100 пудах— 40 золотников, но ведь „близок локоть, да не укусишь“, как говорили рабочие, поставленные к плавке, пснимавшие безрезультатность своей работы.

В августе решено было прекратить плавку руды „огневым способом“ и испросить разрешения Берг-Коллегии построить „толчейные и промывательные устройства“ и выслать чертежи венгерских заводов.

Берг-Коллегия немедленно ответила согласием и уведомила, что она послала в Венгрию запрос о желании „знатных“ людей ехать на Урал строить „зейфенверки“, т. е. устройства для извлечения золота.

Летом в 1749 году приехали в Катеринбург пять иностранцев, знающих золотоизвлекательное производство: два венгерца и три саксонца.

С приездом их как будто бы дело должно быстро двинуться вперед, но „придет беда — отворят ворота“.

Венгерцы требовали „силу“ для движения пестов, а на Урале в то время единственной двигательной силой была вода. По близости к Шарташскому руднику были запружены две реки: Уктус, где действовал железоделательный и медеплавильный завод, и Исеть в самой крепости. Остановились на Уктусе.

Но Уктусский рудник был незначительный. Водяное колесо, которое было поставлено у плотины, приводило в действие доменные „меха“, кричные молоты, меха для медных горнов, поэтому на долю нового производства оставалось мало водяной силы.

В 1752 г. толчейное и промывательное устройство при Уктусе все же было построено. С весны 1753 года начали пробовать производство, так сказать осваивать технику нового дела.

Но пока строили и осваивали, выяснилось, что перевозка руды с Шарташского рудника в Уктус требует много лошадей и обходится очень дорого.

Венгерцы осмотрели р. Березовку около Шарташского рудника и предложили запрудить ее и построить толчей здесь.

¹ Глет — окись свинца, получающаяся при высокой температуре в виде сплавленной темной массы, разбивающейся на чешуйки.

Канцелярия приняла проект и, с разрешения Берг-Коллегии, в 1753 году начались работы по запруде р. Березовки и постройке толчей.

Переселили сюда из окрестных селений семейных жителей, построили им дома и таким образом здесь в 1754 году образовалось новое селение, которое, назвали Березовским заводом.

Открытие россыпного золота

Благодаря венгерцам новое дело в Уктусе пошло. Если Рюмин в лаборатории за целый год получил 21 золотник золота, то при венгерцах такое количество уже стали получать в неделю.

Конечно, технически это новое производство было весьма и весьма несовершенным: бегунов, какие ныне употребляются для измельчения кварца, в то время не знали. Употреблялись толчей с пестами, где роль последних выполняли штанги с насаженными на нижний конец чугунными башмаками. Башмаки, отлитые из обыкновенного чугуна, скоро изнашивались. Медные листы, с натертой на их поверхность ртутью, еще не употреблялись, а измельченная масса просто отмучивалась и промывалась таким же порядком, как промываются пески на вашгерде: золото, освобождаясь из руды, садилось на шлюзу, а остальную протолченную массу откидывали в сторону. Через несколько лет ее снова промывали.

Вследствие такого устройства, золота получали сначала мало. Так, за 1754 год его получили около 15 ф., в 1755 году — 8,5 ф., а 1756 год дал всего 1,8 ф.

В этот год выяснилось, что на Шарташском руднике взяты все верха золотоносных жил, итти далее вглубь мешает вода.

Саксонцы, по примеру фрейбергских рудников, предложили, казалось, рациональный метод разработки, именно — провести под нижние горизонты особый ход, по которому вода будет стекать сама. Этот ход они назвали вассер-штольня, т. е. водяная штольня.

В это время произошла перемена в Управлении золотыми промыслами. Кроме Урала, золото еще было найдено в Олонецком крае и на Алтае.

Русское правительство, видя нарождающееся прибыльное дело, решило передать всю золотую добычу „Кабинету ея императорского величества“, который, таким образом, и должен был содержаться на доходы от золота.

На Урале Кабинет открыл особое отделение для управления — Экспедицию золотых промыслов, подчиненную непосредственно ему.

От такой перемены управления не „заплясали лес и горы“, наоборот, — хищные царедворцы мало интересовались действительным техническим развитием дела, а лишь требовали больше золота для содержания расточительного двора.

Проект саксонцев Экспедиция охотно приняла и в 1757 г. была пройдена первая вассер-штольня от берега р. Березовки под рудник.

Но Березовские рудники — это не рудные горы Фрейберга, где вассер-штольня осушила рудники до горизонта 140 сажен. Здесь рудные жилы залегают не так высоко над горизонтом речек Березовки и Пышмы, поэтому и вассер-штольня мало помогла осушению рудников. Так, первая штольня дала возможность работать только до 11 сажен глубины.

Впоследствии, с открытием других рудников, были проведены на них также вассер-штольни. Затем поставили насосы, действующие от конных воротов. Но все это мало ускоряло добычу золота.

С целью поднятия добычи драгоценного металла, Кабинет построил еще ряд толчейных фабрик, полагая, что дело зависит исключительно от их количества. Правда, получение золота повысилось — его исчисляли уже пудами, но все это не удвояло, было сложно, медленно и дорого.

Выручил опять уральский рабочий Лев Иванович Брусницын, по характеристике Чупина „весьма даровитый самоучка“.

Ко времени открытия россыпного золота, благодаря своим способностям, Брусницын был уже заведующим Петропавловской рудотолчейной и промывательной фабрикой, стоявшей у впадения р. Березовки в р. Пышму. Его считали большим знатоком по извлечению золота и приглашали к участию в обсуждении технических вопросов.

Рассматривая однажды золото, полученное от промывки остатков прежних лет, Лев Иванович увидал крупинки совершенно другого вида и цвета, чем те, которые обычно проходят через толчею: последние расплющены, а эти нет, круглые, цвет у тех светлее, а у этих, новых, густо-желтый.

„Откуда оно могло взяться? — пронеслось в голове Льва Ивановича. — Нет, эти

не проходили через толчею, а, главное, цвет другой. Таких я за всю жизнь свою не встречал в руде. Что такое?”

На другой день Брусницын пошел на рудник, чтобы поговорить с рабочими. Там он подошел к одному забойщику, который по своим летам должен был многое помнить, так как смолоду работал на этом руднике.

— Здорово, Прохоров.

— Здравствуйте, Лев Иванович.

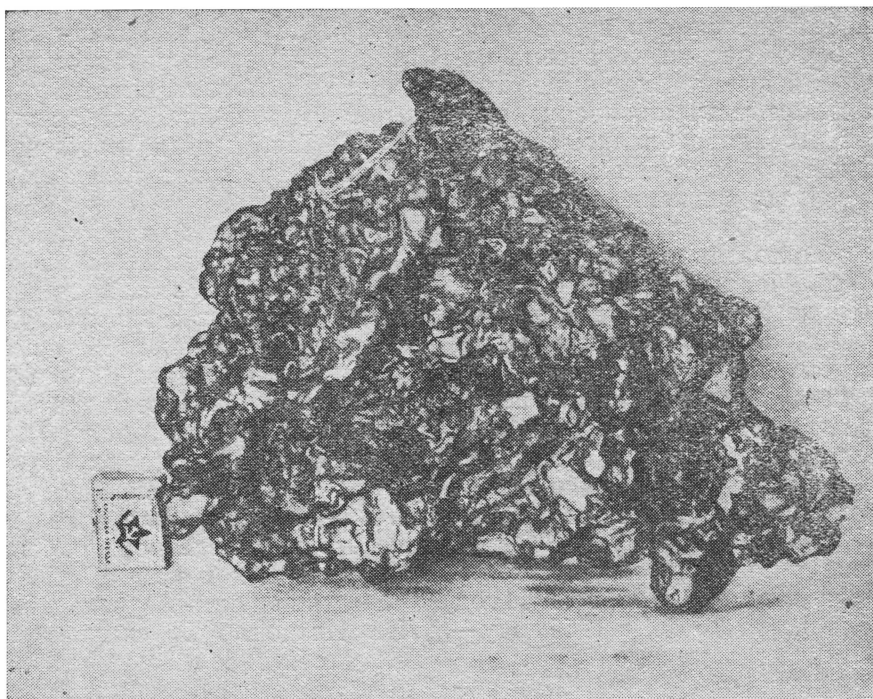
— Слушай-ка, Дмитрий Васильевич, я на смывке нашел золотинки, как будто бы не из толчеи. Понимаешь, круглые и цвет куда желтее, чем из жил. Не

помнишь ли ты, откуда пески к штольне навезены?

— Я не знаю откуда возили, но помню, что нас заставляли подчищать почву в штольне в одном месте. Тут изпод почвы пробивались два ключика с холодной водой, они и замывали штольню. Когда подчищали, то мы еще любовались, как вода бурлила и вынесла песок. Его пробовали и он, сказывали тогда, был с золотом.

„Гм, дело-то выходит не простое“, — задумался Лев Иванович.

Природная смекалка сейчас же заработала.

Золотой самородок весом в 49 фунтов, найденный на Миасских золотых приисках в 1882 г. Рядом для масштаба положена спичечная коробка.

— Где же у вас тут щегерь? Я отпрошу тебя, Прохоров, пойдем на штольню, ты мне покажешь место.

— Пойдемте, Лев Иванович.

Брусницын пошел в конторку к старшему штейгеру, заведующему рудником. Рассказал ему, в чем дело, при чем упомянул, что ему горный начальник Шленев, когда они ездили в Миасс, говорил, будто бы в чужеземных странах добывают золото еще из песков, что это дело куда проще рудного, и металла получают больше.

— Давай, Лев Иванович, дознайся. Ты у нас ведь дока, а Прохорова бери с

собой. Лопату с каелкой надо взять, он там раскопает.

Брусницын только что вышел из конторки, как штейгер выбежал за ним в догонку.

— Лев Иванович, я вспомнил, что когда штольню подчищали, то тут брали почву и на толчею возили. Говорили, что пять пудов этого песку пропустили и получили четыре с половиной золотника золота. А потом рассказывали, что раньше, лет сорок назад, тут у штольни была даже маленькая фабричка, тридцать четыре станочка стояло, но толчеи не было, поэтому и бросили все.

Придя на штольню, Лев Иванович с Прохоровым обошел ее, внимательно осмотрел, немного повыше штольни велел Прохорову копать „ширп“.

— Я завтра тебе пришлю еще двух человек с фабрики, один будет тебе помогать, а другой с ковшом пробовать каждый пласт. Когда порода будет меняться, так ты ее в ковш — и на пробу.

На другой день, послав рабочих к Прохорову, Брусницын пошел в контору Березовского завода, где и доложил начальству свои догадки о новом открытии.

Начальство внимательно выслушало рассказ Льва Ивановича, но предупредило его, что еще в 1804 году из Петербурга приезжал обер-бергауптман Ильман, который-де добыл этих песков около 35000 пудов и велел их промыть. В 1806 году таких песков пропустил через толчею 2382 пуда и получили золота всего шесть золотников.

— Старайся, Лев Иваныч, может что-нибудь и выйдет, но слишком не надейся. Ильман вон какой был, да ничего не вышло!

Рассказ про Ильмана не обескуражил Брусницына, наоборот, это его подзадорило. И он повел дело по-другому.

Во-первых, велел рыть глубже и начал пробовать каждый пласт песков, пока не встретил такой, в котором золотишки были круглые и „настоящего“ желтого цвета, как и первая золотишка. Затем он не стал пропускать пески через толчею, соображая, что пески не нуждаются в дроблении, а хорошо промываются и так.

Опыты эти сразу показали новый источник золота: с 21 сентября по 1 ноября 1814 года, т. е. пока не замерзла земля, золота добыли из песков 2 фунта 63 золотника, т. е. более, чем получили в 1756 году на толчейной фабрике в Уктусе за целый год.

Эта удача Льва Ивановича Брусницына создала переворот в уральском золотом деле.

Весть об открытии „нового золота“, как его тогда называли, всколыхнула всех.

Главный интерес заключался в том, что для промывки песков не надо было строить таких сложных устройств, как для рудного, что его быстро можно получать. Кроме того, поражало качество золота из песков — оно было выше пробой, почти червонное, и попадалось крупными зернами, так что когда начинали доводить его на шлюзу станка,

то оно так желтой струйкой и протянется.

Немного ранее этого времени такое же золото было встречено в Верх-Нейвинском заводе (в 1813 г.) девочкой Катей Богдановой, но приказчик завода Полузадов, опасаясь, что из-за золота Кабинет отберет завод от его хозяев, утаил находку и Катю приказал высечь розгами, чтобы она молчала вместе с родителями о находке.

Когда Экспедиция золотых промыслов донесла об открытии Брусницына в Кабинет, то последний сразу учел все значенные россыпного золота и вместе с Берг-Коллегией решили усилить разработку его повсеместно по Уралу и разрешили частным заводчикам добывать его с уплатою 10 процентов натурой.

Благодаря этому добыча россыпного золота быстро развернулась. Оно было открыто не только в Березовском районе, но и в других местах. Особенно богатым оказался Миасский округ, где золото встретили не только в виде крупинок, но даже „глыбами“, как называли тогда самородки весом в несколько фунтов.

В результате, этой добычей, как более дешевой и успешной, увлеклись в такой степени, что Березовское рудное дело стало постепенно замирать и в 1838 году золота в Березовске добыли всего 37,5 килограмма, а россыпного по Уралу в разных местах намыли 4400 килограммов!

„Великий спор“

Разрабатывая рудные жилы, всем было ясно, что золото именно здесь, на Урале, и родилось, какими путями, это — дело другое. И вот, в сознание горных людей вклинилось непонятное явление: золото на Урале оказалось не только в жилах, которые имеют в земле определенные границы залегания, но и россыпное, в песке речек и логов.

В россыпи картины залегания жильного золота нет: металл просто рассеян в песке. Песок состоит из разных пород. Сам металл находится не только в виде крупинок, но даже „глыбами“, которые просто руками выбираются в забое.

Если сейчас образование россыпного золота известно каждому советскому школьнику, то в то время происхождение его смущало горных людей. Это смущение было, по видимому, настолько огромно, что потребовалось особое выступление крупного ученого, профессора

Соколова. Сейчас оно кажется наивным, но тогда было вызвано необходимостью.

15 января 1823 года (после шестилетней разработки россыпей) на торжественном собрании С.-Петербургского минералогического общества проф. Соколов выступил с мнением, „что как главное вещество россыпей, так и все заключенные в них руды и металлы произошли от разрушения окрестных золотоносных гор и суть развалины верхних ярусов оных“.

С этим мнением не были согласны горняки, для которых такое объяснение происхождения россыпей казалось слишком простым и не отвечающим многим явлениям, с которыми им в своей практике приходилось встречаться.

— А как же вы объясните кристаллы золота, которые находят в россыпях и которых нет в жилах,— говорили одни.

— А сысертская и невьянская платина, добываемая пудами в тех же песках? Ее ведь нет в жилах, никто еще не встречал платину в кварце,— возражали другие проф. Соколову.

Профессор, конечно, не остался в долгу и в „Горном журнале“ за 1826 год в статье „Мысли об уральских золотоносных россыпях“ выступил с пространном доказательством правильности своего мнения. Из этой статьи приведем лишь следующие выдержки:

„После того времени, как золотоносные россыпи Урала обратили на себя внимание, попадающиеся в них золотые кристаллы и сливные куски, а равно и высшее достоинство всего вообще получаемого из них золота против того, которое добывается из жил, поселили в наших горных людях недоверие к мнению, высказанному мною.

„Сие недоверие увеличилось, когда в россыпях начали встречать платину и осмистый иридий. Наконец, когда в россыпях найдены были многие самородки веса необыкновенного, и между прочим, обретаена золотая глыба в 24 фунта 69 зол., когда начали добывать платину и осмистый иридий пудами, сие недоверие обратилось уже в совершенное отвержение.

„Какими же иными способами могли образоваться сии россыпи со своим золотом, платиною и осмистым иридием, спросим и мы в свою очередь?

„Рассудок, пробегая все пути, могущие вести к сей цели, находит только два, сообразные с известными нам законами природы.

„Во-первых, россыпи сии могли составлять произведение того химического образовательного способа, участие которого в строении земли доказывается многими явлениями, т. е. вещества, их составляющие, могли произойти через химическое осаждение из древнего моря. Но мы не находим в оных ни малейших признаков, которые бы доказали подобное их происхождение.

„Напротив того, все свидетельствует, что они образовались путем механическим.

„Во-вторых, россыпи сии могли быть принесены водами из стран отдаленных: Америки, Африки и Индии. Но сего нельзя допустить по многим причинам: и потому, что россыпи, проходя столь длинные пути, должны бы встретить кряжи гор и глубины морские, из которых первые остановили бы их у подножий своих, а вторые поглотили бы их в недра свои и скрыли бы на веки от нашего взора. Сего нельзя допустить и потому, что крупные куски золота и глыбы камня, находящиеся в россыпях, по большому весу своему не могли бы быть несены водами через столь великие пространства.

„Наконец, согласно ли с рассудком воображать такое странствование золотоносных россыпей по всему земному шару? Тогда бы можно спросить, где же наши уральские россыпи? Неужели они, как бы выгнанные сими пришельцами из своего отечества, должны были искать убежища в местах им чуждых и далеких“.

Конечно, такой спор о происхождении россыпей в настоящее время вызовет лишь улыбку и никто не будет ставить вопроса — пришли ли они из стран „чуждых и далеких“. Теперь для всех ясно, что золото, как тяжелый осадок, в реки попало при размыве окружающих горных пород, подобно процессу, который видит пред собой каждый старатель на своем вашгерте.

Вопрос, который ставится на разрешение в настоящее время, это: какие горные породы в действительности дают металл. Разыскав их, исследуют — не содержат ли они его, а если содержат, то в каком виде и количестве, чтобы сообразить, как его взять. Не сохранились ли еще где золотосодержащие пески, чтобы их вынуть.

Практика нынешнего времени, когда вопрос об изучении золотых месторождений как рудных, так и россыпи,

поставлен в очередь дня и разведка всегда предшествует эксплуатации, показала, что россыпи еще далеко не выработаны. Там, где по старым понятиям золото все выработано, найдены богатые золотоносные пески.

Как тормозилась золотодобыча

С открытием россыпного золота, казалось, наступил расцвет уральской золотопромышленности, но он не долго продолжался.

Частные владельцы, между которыми был поделен Урал, не были так заинтересованы в развитии золотодобычи, как в производстве железа и меди. Некоторое исключение представляла платина, но и она попала в частные руки. Русское правительство, по настоянию владельцев платиновых приисков, главным образом, Нижне-Тагильских заводов, согласилось скупку этого металла передать английскому торговому дому „Д. Маттей“, который благодаря этому оказался монополистом по платине на мировом рынке.

Каких либо разведок или изучения золотоносных месторождений в смысле расширения золотодобычи не производилось ни правительством, ни заводо-владельцами, ни владельцами отдельных участков. Если бывали случаи открытия новых золотоносных площадей, то это было дело трудов старателей, наполнявших в летнее время уральские леса.

Но так как большинство речек и логов были выработаны еще в первые годы открытия россыпного золота, то новых мест или, вернее, оставленных по каким-либо причинам „целиков“, т. е. нетронутых разработкой, встречалось очень мало. Если находили богатые места, то заводы отбирали таковые или же сюда быстро стекались старатели и быстро его выработывали.

Благодаря легкости разработки россыпей, не требовавших сложных устройств, как при обработке рудного золота, заводы увлекались более россыпями.

Правда, и рудное начинали разрабатывать и даже хвалились, что Урал переходит в последнее время на разработку его, но это шло, пожалуй, более за счет Кочкаря, где к этому времени обосновался иностранный капитал.

Березовские рудники, переданные по особому договору 1874 года частным лицам, работали посредственно, проба-

вляясь также за счет усиленной разработки россыпей.

Эти рудники своим богатством и оригинальностью своего образования приводили в восторг лишь иностранных геологов, из которых, например, австрийский проф. Пошепин лично посетил Березовск, американских, устроивших интересный диспут о генезисе их, но не хозяйственников.

Как некоторые попытки применения механизации в золотодобыче встречали за это время драги (паровые), но распространение их было небольшое и они, по существу, не оказывали значительного влияния на повышение добычи металла.

Золото социалистическое

Совершенно другое положение с золотодобычей создалось с 1927-1928 годов, когда советское правительство решило поднять эту отрасль до уровня передового производства.

Построены новые электродраги, введен впервые на Урале гидравлический способ разработки россыпей, рудники обеспечены мощными электронасосами, позволившими горным работам спуститься на большие глубины, о которых прежде даже и не мечтали.

Коренным образом изменилось отношение к старателям, которые актом ЦИК и СНК СССР от 25 мая 1934 года приравнены к промышленному пролетариату.

Благодаря этому, к добыче золота возвратились старые старатели, бросившие было эту работу, влились тысячи колхозников, и дело добычи золота стало действительно делом всего уральского населения.

Почти нет ни одного селения, где бы не интересовались разработкой золота и не стремились бы найти не только россыпи, но и рудное.

Имеются заявления из таких мест, как Дальний Север, западный склон Урала, где никогда золото не разрабатывалось.

В результате всех мероприятий, прежний золотой промысел, носивший кустарный характер, превратился в передовую индустрию, а СССР занял по золотодобыче второе место на мировом рынке.

В каждом районе производятся детальные разведки с целью правильного направления работ. Кроме них ведутся еще поиски новых площадей.

В результате такого изучения на основе геологической съемки, выявились

новые золотоносные участки там, где прежде их и не подозревали.

Вместе с хозяйственными работами, проходит техническое улучшение и старательской добычи, например, в виде внедрения, вместо старых, малопродуктивных вашгердов, мощных станков для промывки песков.

Большое внимание уделяется разработке рудного золота силами колхозов: строятся бегунные фабрики на небольших месторождениях, где широкие хозяйственные работы проводить нецелесообразно.

Изменилось и отношение людей к золоту. Исчезло хищничество и дикие разгулы, связанные с шальным фартом.

Прекрасную характеристику этого нового отношения к золоту, ставшему социалистическим, дает Марк Вистин в фельетоне „Золото“, помещенном в одном из недавних номеров „Известий“.

Приводим здесь самую существенную часть этого фельетона.

Знакомые с золотоискателями по произведениям Брет-Гарта, Джека Лондона, Мамина-Сибиряка и наших современников („Угрюм-река“ В. Шишкова и др.), выезжая на прииски, мы готовились — чего скрывать — окунуться в неповто-

римую приискательскую стихию с ее азартом, с ее бесшабашной удалью, стонами неудачников и разгулом фартовиков.

Мы искали следов этой стихии — и не нашли их.

Мы были на Северном Урале. Старатель, привязывая оленя, верхом на котором он приехал, спросил нас:

— А Шекспира привезли?!

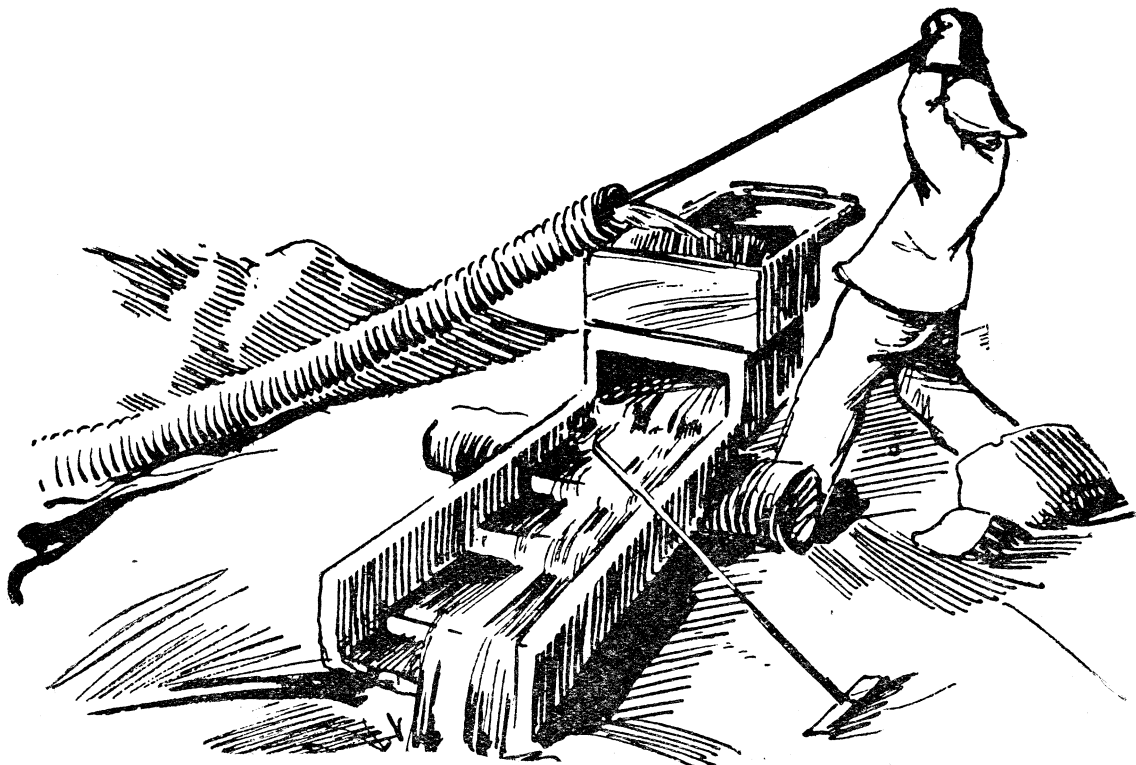
— Какого Шекспира?!

Он возмущенно взмахнул рукой.

— Вот чорт их дери — вечная история! Второй месяц просим прислать Шекспира — мы тут его вслух читаем, а книжка одна, изодранная, зачитанная насквозь, — а они все: „через недельку, да через недельку...“

На улицах Иса, центра крупнейшего золото-платинного района Урала, люди укладывали новые тротуары. Афиши возвещали о продлении демонстрации „Юности Максима“ еще на три дня, „учитывая массовое желание“.

А в Балее, крупнейшем золотоискательском центре, Забайкалья, мы попали на открытие местного курорта Ургучан что обозначает „Весенний цветок“. На этом курорте, сооруженном балейским золотопромышленным комбинатом, уже

Старатель у вашгерда. Рис. худ. Б. Кондратьева.

в текущем году отдохнет и подлечится свыше семисот золотоискателей.

Приисковые поселки, куда мы приезжали, были обычными промышленными поселками, живущими одним дыханием со всей страной.

Что же касается людей приисков, — мы их с таким же успехом могли встретить и на Магнитке, и в шахтах Донбасса, и на строительстве второй очереди метро.

Мы встречали на приисках золотоискателей-членов партии, золотоискателей-парашютистов, золотоискателей-премированных ударников. Мы встречали таких же трудящихся, граждан страны строящегося социализма, какие работают на паровозах, у пультов электростанций, в воздухе.

И когда после беседы с этими людьми, после производственного совещания старателей Лангура и конференции ударников культуры балецкого золотопромышленного комбината, мы приходили на скупочный пункт и брали в руки золото — результат труда этих людей, — мы в первые дни были готовы завопить: что же произошло, товарищи? Или золото уже не золото?

Нет, золото осталось золотом. Изменилась лишь страна, которой нужен этот металл. Изменилась его роль, отношение к нему, — изменились люди.

Когда сто лет назад казаки Караганды обнаружили в одной из своих долин золото, они никому не сказали об этом. И они были правы, ибо золото в те дни обозначало кровь, золото несло водку и гибель. Сами, не добывая золота, они сто лет сохранили тайну месторождения. А в 1933 году старики казаки явились в приисковое управление и сказали:

— У нас есть золото. Оно нужно стране. Возьмите.

Мамин-Сибиряк в своем романе „Золото“ описывает трагическую судьбу старика-штейгера, который нашел золотonosную жилу колоссальной мощности, и после того как золото сделало несчастной всю его семью — был убит старший сын, исчезла дочь, — затопил шахту, погибнув вместе со своим „золотым счастьем“.

А. П. Серебровский, начальник Главзолота, прочтя этот роман, был поражен конкретностью описаний. Он хорошо знал Березовск, обычное место действия „золотых“ произведений Мамин-Сибиряка.

Березовское приисковое управление получило директиву: исследовать архивы выяснить.

Архивные материалы полностью подтвердили сюжет романа. „Впав в безумие, затопил такую шахту...“ Шахта была откачена, названа Адамовской и дала стране не мало золота.

И кто знает, может быть, не один потомок старика-штейгера, добывая в Адамовской шахте золото, погубившее его прадеда, обрел здесь свое подлинное человеческое счастье, счастье гражданина страны строящегося социализма!

Золото ныне очищено от крови. Оно ценно, как радий, как вольфрам, как другие редкие металлы, добыча которых требует огромного труда и которые, будучи освоенными, облегчают борьбу человека с природой. Оно ценно потому, что укрепляет валютный фонд нашей страны, ускоряет строительство социализма.

Добыча золота, сводившаяся прежде к ожесточенной борьбе хищнических, стяжательских инстинктов, превратилась сейчас в такую же рядовую, обыденную разработку недр земли, какая бывает при добыче угля, железа, калия.

От образа литературного золотоискателя сейчас уцелели лишь кое-какие второстепенные орудия труда да традиционные шаровары, ширина которых объясняется вполне прозаическими причинами: золото промывают, держа ковш на согнутом колене, а узкие брюки от этого быстро протираются.

Золотоискатель — мы говорим даже не о штатных рабочих крупных механизированных предприятий Главзолота, а о старателях, добывающих золото на свой риск и страх, там, где невозможны или нерентабельны крупные промышленные разработки, — является сейчас, по существу, тем же промышленным рабочим.

Гибнут инстинкты стяжательства. Люди приисков нашей золотопромышленности добывают золото, не думая о личном обогащении. Кристаллизуются новые чувства, новое, неведомое и невозможное больше нигде в мире, социалистическое отношение к золоту.

И, как один из результатов этого, исчезло массовое хищничество, главнейший и обязательнейший придаток пресловутой золотой романтики.

Хищничество сейчас неизбежно смыкается с конгрреволюцией. Всякое хищничество есть лишь форма классовой

борьбы. Корни хищничества подорваны. Одиночка не может намыть тайком много золота, а если и намоет—ему нечего с ним делать. И враг, руки которого связаны, для которого нет уже прежних путей к обогащению, озверев, пытается хоть чем-нибудь отомстить, помешать, нанести удар из-за спины.

Был такой случай в Невьянске (Урал). Человек заявляет приисковому управлению:

— Я обнаружил богатейшие золотые месторождения. Стройте шахту. Оборудуйте промывальную фабрику. Разрабатывайте!

Взяли одну пробу, другую—правильно! Много золота, богатое содержание. Начали уже строить, затратили несколько сот тысяч рублей, когда новый директор решил лично произвести еще одну последнюю пробу.

Человек, открывший месторождение, при этой пробе не присутствовал. На этот раз промывка не обнаружила золота. Месторождение оказалось несуществующим. Деньги были выброшены впустую.

Оказалось, что золотоискатель, „открывший“ это месторождение,—бывший скупщик золота. Присутствуя при обработке пробы, он каждый раз подсыпал в чашу свое собственное золото. Материально выиграть он не мог—премия за открытие нового месторождения вряд ли окупила бы даже стоимость золота, подсыпанного им в пробу,—но зато морально... Будь постройка шахты и фабрики завершена, страна потеряла бы на этом свыше миллиона рублей.

Но уже самый характер этого вредительства говорит, что хищник, стяжатель о б р е ч е н и сознает свою обреченность.

Найдя „дикое“ золото—крупный самородок, богатую россыпь, золотоискатели, как правило, вносят значительную часть своего внезапного заработка в фонд социалистического строительства.

Мы присутствовали на собрании артели, где решался вопрос о распределении двух тысяч рублей золотом, полученных за самородок.

Собрание было чрезвычайно бурным. Лошадь, которая нужна артели, пришлось конкурировать с „лисapedом с прицепкой“ (мотоциклом), рьяно отстаивавшемся группой молодежи. Стронники патефона издевались над любителями баяна. А когда страсти улеглись, общие точки соприкосновения были найдены, и артель утвердила смету расходов; ока-

залось, что она ограничивается полутысячами тысячами рублей.

— А остальные деньги куда? Чтоб погулять?..

— Как это погулять?!—возмущенно переспросили нас.—Остальные пятьсот—в Осоавиахим. Мы ж самолет свой строим! „Советский золотоискатель“.

„Советский золотоискатель“!.. Это звучит теперь гордо. Это хорошо звучит.

Правда, нет пресловутой золотой романтики... Ну что ж! Исчезла лживая, надуманная романтика приисковщины, но зато появилась иная, подлинная романтика, романтика поисков новых месторождений и преследования в недрах земли извилистых золотоносных жил, романтика преодоления больших трудностей, борьбы с природой и побед над ней,—романтика социалистического труда.

„Дело добычи золота есть дело первой государственной важности“

В заключение приводим текст акта ЦИК и СНК СССР от 25 мая 1934 г. о приравнивании старателей к промышленному пролетариату, который лучше всего характеризует заботу советского правительства к золотопромышленности и старателям.

Каждый рабочий, служащий, независимо от места работы, и члены их семей в одиночку или организованно—артелями могут получить золотоносный участок для разработки старательско-золотничным способом.

Старателям-золотничникам согласно постановлению ЦИК и СНК СССР от 25 мая 1934 г. за № 95—1154 предоставляются следующие льготы:

1. Старатели-золотничники имеют право приобретать за все сдаваемое ими золото и платину в золото- и платино-скупочных магазинах предприятия продовольственные и промышленные товары по своему выбору, и удовлетворения индивидуальных заказов на лучшие промышленные товары.

2. Старатели-золотничники подлежат полному социальному страхованию в порядке, устанавливаемом ВЦСПС.

3. Причитающееся старателю-золотничнику вознаграждение в отношении взъясания его с предприятия и очередности удовлетворения приравнивается к заработной плате.

4. Заработок старателей-золотничников освобождается от обложения каки-

ми бы то ни было общегосударственными и местными налогами и сборами.

5. Хозяйства старателей-золотников освобождаются от сельскохозяйственного налога и от всякого рода труджуповинности.

6. Старатели - золотничники — члены профессионального союза и их дети пользуются при посылке в учебные заведения (рабфаки, втузы и т. д.) одинаковыми правами с рабочими предприятия и их детьми.

7. Старатели и состоящие на их иждивении и проживающие вместе с ними члены их семей обслуживаются медико-санитарными, профилактическими и социально-бытовыми учреждениями наравне с рабочими.

8. Жилая площадь в городах, занимаемая старателями-золотничниками и членами их семей, состоящими на их иждивении, а также коммунальные услуги сплачиваются по ставкам, установленным для лиц, работающих по найму.

9. За старателями-золотничниками — городскими жителями сохраняется жилая площадь, занимаемая ими, на все время старательско-золотничной работы. В случае, если семья старателя-золотничника выезжает вместе с ним, жилая площадь, занимаемая как старателем-золотничником, так и его семьей сохраняется за ним в течение года.

По этому же закону золотоплатиновые предприятия обязаны:

1. Давать старателям-золотничникам необходимые указания для безопасного и технически правильного ведения работ, а также осуществлять надзор за их выполнением.

2. За особую плату снабжать старателей-золотничников инвентарем, оборудованием, инструментами, лесными материалами, прозодеждой и оказывать им производственные услуги и техническую помощь.

3. За особую плату предоставлять старателям-золотничникам и их семьям, находящимся на месте работ, жилища и коммунальные услуги.

4. Расценки предоставляемых предметов и услуг, а также порядок взаимных расчетов устанавливаются в договоре (разрешительном удостоверении, наряде).

Разрешение на право добычи золота и платины, а также все справки по старательско-золотничным работам выдаются приисковыми управлениями треста „Уралзолото“.

1. Березовское управление — Березовский завод—12 километров от Свердловска (есть регулярное автобусное движение).

2. Невьянское приисковое управление — гор. Невьянск—90 километров от Свердловска по железной дороге (дачным поездом).

3. Сысертское приисковое управление — Полевской завод—75 километров от Свердловска по железной дороге (дачным поездом).

4. Исовское приисковое управление — от Свердловска до 250 километров по Пермской жел. дороге до станций „Выя“, затем по узкоколейной жел. дор. 30 километров до поселка Ис.

5. Косьвинское приисковое управление — от станции Теплая Гора 37 километров прииск Косья.

6. Тагильское приисковое управление — от Свердловска до ст. Н.-Тагил до 140 километров, затем по узкоколейной жел. дор. 45 километров до ст. Урал и 7 километров по грунтовой дороге до прииска „Красный Урал“.

7. Кытлымское приисковое управление — по Пермской жел. дор. до ст. Выя, затем по узкоколейной дороге до ст. Старая Ляля до 60 километров и 70 километров по грунтовой дороге до прииска Кытлым на грузовых автомобилях.

8. Северозаозерское приисковое управление — по жел. дороге до ст. Вагран с пересадкой в Кабаковске.

9. Южнозаозерское приисковое управление — Туринские рудники по жел. дор. до ст. Шахта с пересадкой в Кабаковске.

„ГЛАЗА“ УРАЛА

Чуть заметная тропинка вьется по крутому склону Аракульской горы.

Мы вдвоем преодолеваем подъем.

Нас окружает сосновый бор, изуродованный пожаром. Обугленные стволы деревьев на каждом шагу.

Не мало мешает подъему молодая поросль. Она буйно разрослась и цепко удерживает за ноги своими тонкими, гибкими стволиками.

В особенно трудных местах подъема мы, ища опоры, судорожно хватаемся за первую попавшуюся ветку. Она предательски ломается и начинается скольжение вниз под веселые шутки и смех. Среди поросли алеют кусты малины, чернеет смородина.

А итти все труднее. Чаше и чаще преграждают нам путь причудливые глыбы серого гранита. Они беспорядочно навалены друг на дружку и кажутся непроходимыми. Однако чья-то заботливая рука уложила в трудных местах стволы деревьев. Они очень помогают. Мы проходим по ним, словно по мосткам.

Наконец, взято последнее препятствие, и мы на вершине шихана.

От самого подножия горы на восток уходит равнина. Возле хребта еще очень заметны холмы. Но чем дальше, тем больше они сглаживаются. Равнина простирается до горизонта. Подернулись дымкой далекий горизонт. На слегка холмистой поверхности среди зелени сверкают озера. Какое их множество! Синие, серо-голубые, зеленоватые, зелено-желтые, коричневые! Одни молодод сверкают под лучами солнца, словно радуясь своему существованию и всему окружающему. Но таких веселых синих глаз не много. Там спокойно блестит зеленый глаз—нет уж в нем моло-

дого, задорного сияния; равнодушно поглядывает он по сторонам.

Вон подернуты дымкой коричневые глаза. Устало и задумчиво смотрят они в небо—долгий путь пройден ими.

Перед нами раскинулись все озера Зауралья! Вот Касли, Иртяш, Силач, Сунгуль, там озера поменьше—Алабуга, Кирпичики и много мелких, дальше великаны Маян, Уелга подернулись дымкой.

Ближе к нам Синара, на юго-востоке Увильды, за ним виднеется Аргази. Между озерами змеятся речки, бегут от одного к другому.

— Замечательно! — восклицает мой спутник.— Не ушел бы отсюда! Ведь правда, похоже на море?

Холмы уходят вдаль, как волны, а между ними озера различных оттенков. Вспоминается море в тихую погоду. Медленно дышит оно и ежесекундно меняет окраску под лучами солнца.

— Правда, Николай, похоже на море, — говорю я. — Здесь действительно миллионы лет назад расстиралось необъятное море. Потом на его поверхности выступили острова, оделись причудливыми растениями, потом исчезли, так же неожиданно, как и появились. Столбы пламени и потоки огненной лавы вырывались со дна: начинались подводные извержения. Раскаленная лава поднималась кверху, образуя острова. На них дымились кратеры, извергая пепел и лаву.

И потом, через тысячелетия, опять меняется лицо земли. Отхлынуло древнее море. Могучие силы потрясают землю, комкая земную кору, сминая ее громадными складками. Тепловая энергия ищет выхода.

Возникает Каменный Пояс—Урал. На месте, где было древнее море, образовались горные цепи, высоко поднявшиеся к небу.

Сурово был встречен молодой хребет. Беспощадно жгло солнце, раскаляя его своими лучами. Жестокие морозы приходили на смену солнцу. Трещины разбегались по горным породам. Ветер помогал разрушителям, выдувая частицы горных пород и унося их с собой.

Прибавились новые враги: реки врезались своими долинами в горные цепи и размывали их.

Приближалась новая опасность: с востока стало надвигаться море. Вот оно вплотную подходит к горам, хочет их затопить. Волны сокрушают горы. Отступает и вновь наступает море, все больше и больше сглаживая и размывая горную страну. Между размытыми хребтами откладываются морские осадки. Все ниже становится Каменный Пояс.

Отступало третичное море, обнажив сильно разрушенный Уральский хребет, особенно на его восточном склоне. Сильнее размыви его упорные волны.

Наступил четвертичный период.

Стали таять огромные ледяные массивы, покрывавшие север. Бесчисленные реки текли на юг, заполняя пресной водой низменные места. Массы пресной воды наполнили бывший бассейн третичного моря. И когда вода отступила в последний раз — остались озера. Одни образовались на низких местах, заполнив впадины. В предгорье же уцелевшие от выветривания массивы преградили выход воде, задержали ее.

Вот как появились озера, лежащие перед нами. Каждое из них имеет свою историю. Много интересного могут они порассказать нам.

Я замолчал.

— Ну, а дальше? — настойчиво спросил Николай. — Почему же они все разного цвета?

— Почему звезды светят нам разным светом? — сказал я в ответ. — Цвет звезд зависит от их возраста, так же и озера. Цвет их изменяется от возраста.

И я рассказал Николаю историю некоторых озер.

Вон синее Увильды — большее озеро с извилистым очертанием берегов и темнеющими пятнами островов. Его берега круты и высоки. Увильды до 40 метров глубины. У него очень неровное дно. Местами на дне много каменистых россыпей и гряд. Они иногда доходят до самой поверхности воды. Вода прозрачная, светлая и холодная. Подводных трав мало, только большой мелкий залив — Сенькина Курья — начинает зара-

стать. Пока в Увильдах нет еще „водяной чумы“ — элодеи, этого бича уральских озер.

Прохладная вода плохой приют для маленьких организмов, парящих в ней, как пылинки в солнечном луче. Никогда они здесь не развиваются сильно, вода никогда не „цветет“.

На дне тоже мало обитателей: там, в глубине, темно и холодно. Дно покрыто тонким слоем ила. Щука, плотва, ерш и окунь населяют воды Увильдов. Есть и налим.

Добыть рыбу не всегда легко, так как часто она уходит в глубины. К тому же, Увильды бывает сердито. Разбухнет оно и несколько дней отсиживаются рыбаки на каком-нибудь острове, выжидая, когда улягутся разбушевавшиеся валы.

Молодо еще озеро. Много сил в нем.

— Теперь о каком озере рассказать тебе?

Николай, оглядев все озера, указал мне на серовато-зеленый глаз озера, из которого змеилась река, скрывавшаяся за холмами.

— Вот это ведь старое, правда?

— Это Синара. Цвет его уже другой — скорее серый с едва заметным зеленым оттенком. Приглядишься повнимательнее и ты увидишь на нем зеленые пятна. Это растительность. В Синаре уже появилась „водяная чума“. Еще не сильно разрослась она, но все же каждый год откладывает на дно слой своих отмерших побегов. К ним присоединяются трупы микроскопических животных. Из них образуется „няша“, ил.

Каждый год озеро становится мельче — всего на какой-нибудь сантиметр. Годы идут — отложений становится все больше.

Однако не мало в Синаре чистых песчаных участков. Сюда приплывают из глубоких мест сига и откладывают икру. Сиг — пришелец в этом озере. Его привезли сюда из озер ленинградской области. Привольно ему жить в этом озере, и его многочисленное потомство вытесняет постепенно сорную рыбу — окуня и ерша. Кроме них, в Синаре много плотвы (чебака), есть налим, любящий холодную свежую воду.

Если бы мы с тобой подошли поближе к Синаре, то увидели бы небольшой домик, который стоит недалеко от берега, на маленькой речке.

Это рыбоводный завод. Здесь в долгие зимние месяцы воспитывается

сиговая икра. Несколько месяцев находится она в специальных аппаратах. Зорко следят за ней рыбоводы, стремясь сохранить каждую икринку. Ранней весной икру эту выкладывают на специальные рамки и развозят по другим озерам.

Много озер снабжает Синара сигом, этой ценной рыбой. Вот чем оно знаменито.

Видишь, вон там Каслинское озеро. Раньше это озеро ничем не выделялось от других. Теперь там тоже вырос и размножился сиг. Каслинский рыболовецкий колхоз считается образцовым. Его ударные бригады успешно облавливают эти озера.

А это Алабуга. Оно старше двух первых. Алабуга лежит уже дальше от предгорий — на равнине. Берега его низкие. Оно еще мельче Синары. Песчаного дна здесь уже нет. Основательный слой ила покрыл все дно.

Вдоль берегов озеро опоясано кольцом тростников.

В южной части его можно встретить камыш и рогоз.

В теплой, сильно нагретой лучами солнца воде усиленно разрастаются мельчайшие, еле видимые глазом, водоросли. Мириадами плавают они в воде. Она „цветет“. Потом все они опустятся на дно и, пока будут гнить, отнимут у воды очень много кислорода.

Такие озера уже не так любят хорошая рыба. Сиг в нем жить уж не будет, налим тоже. Остаются в них лишь плотва, окунь, щука. Есть и карась.

Таковыми бывают озера „средних лет“.

А вот озеро Уелги. Это яркий пример умирающего озера. Очень мелкое (двадцать с половиной метра в глубину) с мощным слоем ила на дне. Берега его низкие и вязкие. Оно сильно заросло осокой и тростником. „Водяная чума“ разросшись, заполнила больше половины озера. Вода озера прогревается очень сильно. В теплой воде особенно хорошо живет микроскопическим растениям, и животным. На пышно разросшихся подводных травах откладывают свои яички различные насекомые — стрекозы, поденки, комары-толкуны. Ручейники

Заросли камыша и рогоза на берегу зарастающего озера. Фото-этиюд *Б. Рябинина*.

Их личинки кишат на дне. Из рыб живет в таких озерах только карась.

Что ждет такое озеро?

Оно неизбежно превратится в торфяное болото, если не будут приняты меры. Заторфовывание озера обычно происходит так: разрастается сильно водяная чума. Каждый год ее отмершие стебли опускаются на дно. Озеро становится мельче, все дальше и дальше в глубь озера разрастается осока, тростник и камыш. С берега начинают наступать растения; они стелются на поверхности воды; стебли и корни сплетаются между собой; в них задерживаются частицы земли, принесенные ветром или дождем. Белокрыльник, мох, трифоль пышно разрастаются здесь. Скоро к ним присоединяются осоки, хвощ, стрелolist. Растения ежегодно отмирают и падают на дно. С каждым годом все больше и больше.

Вот остается небольшое „окно“ коричневатой воды. Скоро и оно исчезнет — сплошной зеленый ковер трав расстилается на месте озера. Его нет — оно умерло. Вот каков жизненный цикл озер.

— А разве обязательно каждое озеро проходит все эти ступени и его нельзя спасти? — спросил Николай.

— Можно, Николай. Мы омолаживаем озера мелиорацией. Расчищаем озера от растительности, дренируем и осушаем, окружающие болота.

Иногда озеро вдруг начинает мелеть, — засоряются ключи, по которым идет в озеро свежая вода, их питающая. Исток — речка, соединяющая одно озеро с другим, мелеет и зарастает — прекращается доступ воды, и озеро преждевременно обречено на гибель.

Но и его можно омолодить. Расчистить ключи, исток, выкосить лишнюю растительность — и снова озеро будет чистым и глубоким.

— Вот, Николай, теперь тебе известно, как образовались озера Зауралья, как проходит их жизнь, чем они болеют, как их лечат. Нам пора с тобой отправляться вниз и приниматься за дело — приготовить все для завтрашней работы.

Бросив еще раз взгляд на озера, лежащие у наших ног, мы начали спускаться.

Т. Раухвергер.

Ласковое озеро Сарыкуль

Чуть обозначались в степи темные купола стогов, когда мы с Виктором

Степановичем подошли к берегу озера Большого Сарыкуль.

— Значит, вот восток, — сказал профессор, указывая на оранжевую полосу зари. — Мы на южном берегу озера, итти будем прямо на север. Солнце на восходе с правой руки. Впрочем, я буду следить по компасу, он у меня с собой.

Двухстволка в руках. Патронташ полон и все карманы набиты патронами: стрельба предстоит не малая. Приятно бодрит осенний холодок.

Кажется, прямо с берега начинаются камыши: воды чуть-чуть. Темно, но в темноте чувствуешь вокруг себя многообразную жизнь. То зашуршит камыш, то всплеснет вода, то с громким криком подымет невидимая утка, и со всех сторон ответят ей встревоженные сородичи.

Особенно горячит охотника вот это предрассветное время. Видишь, блеск воды, различаешь темные острова камыша, знаешь, слышишь, что кругом тебя кишит дичь, — а стрелять не в кого: за пятнадцать шагов не видно в сумерках птицы.

Надо отойти подальше от берега, пока темно: глубже в озеро — больше дичи. Главное, риску никакого, смело шагай вперед и вперед. Можешь часами итти от берега — все будет вода по колено, чуть выше, чуть ниже. Нигде не ухнешь в предательскую яму, нигде не оступится нога, и только разве по собственной неосторожности зачерпнешь теплой водицы в широкие раструбы охотничьих сапог.

Такое уж ласковое озеро Большой Сарыкуль. Как огромная плоская тарелка, врытая в степь; от берега все камыши, камыши, а посредине плес — десятки километров в длину, десятки километров в ширину — целое море.

И безбурное море: слишком мелко, чтобы самый сильный ветер мог поднять высокую волну. А и вздымет вал, — не прогонит его сквозь частые заросли камышей: волна запутается в них, как рыба в сети, разобьется на ручейки, разбежится вся мелкими струйками, затихнет, замрет.

Одним словом, такое море, что сам не захочешь, — ни за что не утонешь в нем.

Однако что-то уж очень медленно светает. Уж час идем вперед, а все стрелять нельзя.

— Виктор Степанович!

— Хоу!

— Давайте постоим, покурим.

— Да, надо подождать.

От вспышки спички еще гуще сумерки. Виктор Степанович рядом попыкивает папироской, видно, как что-то перекладывает из кармана в карман.

Бульк!

— Что у вас упало?

— Тсс... Слышите, слышите?

Вдали, но с каждым мгновением слышней и слышней: конг, гонг, гонг, конг,—налетают дикие гуси, казарки. Папиросы летят в воду.

— Сюда, правей, правей!—Виктор Степанович, с плеском разбрызгивая воду, бежит наперерез невидимой стае.

Нет, высоко пролетели, не углядишь в мутном небе.

— Виктор Степанович, у вас ведь что-то упало в воду. Надо пошарить тут на дне.

Он подходит. Но вдруг почти из-под ног у него с отчаянным криком захлопала утка. Вижу два быстрые, длинные огня, слышу два оглушительных выстрела и торжествующий голос профессора:

— Ага, попалась, каналья!

— Подобрали?

— Готово дело!

— Так идите, поищем вашу вещь.

— Шут с ней. Это, наверное, перочинный ножик. Видите, уже стрелять стало можно. Идемте.

Чудак. Такой всегда спокойный и рассудительный дома, профессор совсем перерождается на охоте. Горячится, как мальчик. Готов все бросить и десять километров пробежать за одной уткой.

Идем вперед. В самом деле, на близком расстоянии стрелять уже можно.

Взвожу курки. Сейчас начнут подниматься утки, и сам не заметишь, как рука вскинет ружье к плечу, глаз поймает на мушку темный силуэт птицы и смертоносная струя дробин вылетит из ствола. А в ожидании этой минуты волнуешься, все думаешь, как бы не прозевать взлета, да ловко ли ляжет приклад в плечо, да не забыть бы взять передка, не обзадить по стремительному чиренку. И как ни ждешь, всегда все-таки неожиданно утка вырывается не спереди, а где-нибудь справа, слева или даже сзади.

И вот началось. Каждую минуту то тут, то там слышатся взлеты. Утки вырываются из-под ног. Утки стадами носятся над озером.

Прохладный туман кутает камыши в сырость и сумерки. Внезапно чуть не вплотную на тебя направляется ошалелый от пальбы табунок быстрокрылых чирят, нырков или грузных крякушек. Рука и глаз без спросу делают свое дело. Стреляешь раньше, чем успеешь сообразить расстояние, быстроту полета. Торопливо подбираешь убитых уток, перезаряжаешь ружье, достреливаешь ныряющего подранка.

Забылось время, не думаешь, куда идешь. Отмечаешь только, где Виктор Степанович, в какую сторону подвигается, чтобы не выстрелить туда, не задеть его дробью.

Кругом заросли камыша — как рощи, озеринки чистой воды — как лужайки. От рощи к роще, от лужайки к лужайке — и всюду ждут тебя новые неожиданности.

Притаился в камыше и жду. Вижу: крутя головой во все стороны, осторожно выплывает из камыша черная птица — кашкалдак. Ростом с утку, на голове лысина, клюв острый.

За ней показывается другая, третья, четвертая.

А над камышами, как бабочка, закидывая крылья высоко над спиной, медленно и бесшумно летит большой коричневый болотный лунь.

Вот он заметил лысую и сразу пошел книзу, стелет над самыми камышами и уже почти не двигает крыльями.

Но и кашкалдак-лысуха заметил его. Со стоном и хныканьем он кидается в спасительные заросли камыша. За ним сейчас же исчезают сородичи.

Лунь дал круг над озеринкой и чуть не наткнулся на спокойно стоящую по колено в воде большую, горбатую серую цаплю.

Цапля только повернула к нему острый, как штык, клюв, — и лунь сразу взмыл, пошел выше и как раз в мою сторону. Не по его когтям добыча.

А цапля опять как будто заснула. Длинная шея вопросительным знаком повалена на спину и грудь, клюв снова глядит в воду.

Миг — и быстрее мысли развернулась шея, клюв как копье вонзился в воду. Миг — и клюв уже высоко в воздухе, раскрылся, и в нем блеснула и пропала серебристая рыбка.

Лунь налетел на меня совсем близко. Рука и глаз помимо сознания делают выстрел. Лунь падает. И цапля тяжело поднимается над камышами. Летит, вы-

Виктор Степанович принимается шарить по карманам.

тянув прямые ноги, медленно махая нелепыми, словно из тряпок сшитыми смешными крыльями.

Рука и глаз..

Я не хотел стрелять цаплю: зачем она мне? Но рука и глаз сделали свое дело: вот она лежит на воде, распластав широкие круглые крылья и грозно направив штык-клюв в мою сторону.

Что-то уж очень я разгорячился с этой сумасшедшей пальбой по уткам. Довольно мне дичи, все равно больше и не стащить. Надо в себя прийти. Вон и профессор бахает и бахает, тоже вошел в раж.

— Хоу, Виктор Степанович!

— Здесь.

— Пора шабашить. Давайте закусим.

— Можно.

Он подходит, весь всклокоченный, без шапки.

— А шапка-то где?

— Шапка? Хм... наверное, я ее куда-нибудь в карман... Да нет, нету... А я и не заметил.

Что шапка, когда в сумке добрый десяток уток и карманы еще полны патронов?

Профессор весело смеется над своей потерей. Мы достаем хлеб.

Теперь хорошо бы присесть, дать отдых усталым ногам, сбросить с плеч тяжелые сумки с добычей. Но мы по колено в воде, и на озере нет островов.

— Кончатся надо охоту, — беспомощно озираясь, говорит Виктор Степанович. — Где у нас солнце-то?

Странное дело: солнца на небе не оказалось. Только тут мы припомним,

что все это утро оно и не показывалось. Светлая полоска зари давно исчезла, и все небо было освещено, как толстый матовый колпак, где-то внутри себя утаивший невидимый источник света.

Это не были облака. Какая-то мутная мгла покрывала весь небесный свод: то ли его застлал туман, поднявшийся от воды, то ли где-то, может быть в Уральских горах, горели леса. Невозможно было определить, в какой стороне неба находилось солнце.

— Надо по компасу, — слегка встревоженным голосом говорит Виктор Степанович.

Он принимается шарить по карманам. Карманов в профессорском пиджаке не мало, и поиски заняли минут пять. Потом профессор во второй раз тщательно обыскал себя. Потом я держал перед ним свою шляпу, и он складывал в нее по очереди каждую вынутую из кармана вещь.

В карманах профессора оказалось что угодно, начиная от часов, перочинного ножа, карандашей и кончая неизвестно как попавшим сюда крошечным кукольным башмачком, баночкой с клеем, камешками, ракушками, птичьими перьями.

Но компаса там не оказалось.

Профессор оторопело уставился на меня.

— Бульк! — сказал я и показал на воду. — Помните, еще в темноте?

— Хм... Возможно. А я думал, это перочинный ножик.

Он еще раз оглядел безнадежно небо и вдруг внезапно посмотрел на меня.

— Скажите, вам ничего не припомнилось?

— Бухгалтер,—ответил я.

Коротенькую, но очень сильную историю про бухгалтера рассказывали нам в Еманжелинке, где угольные разработки — на берегу ласкового озера Сарыкуль.

В свободное время бухгалтер любил пройтись по озеру пострелять уток.

Раз после выходного дня он не явился на работу. Его не оказалось и дома. Видели, как он вчера прошел с ружьем в сторону озера.

Через две недели на него случайно наткнулись рыбаки. Они заметили белую бумажку, привязанную к камышам. Вокруг плавали наполовину разложившиеся утки. Под ними на дне, чуть прикрытый мелкой водой, лежал мертвый человек с ружьем.

На бумажке аккуратным бухгалтерским почерком было нацарапано:

„Блуждаю восемь дней. Пробовал и на юг и на север,—везде только камыши. Ел сырых уток. Патроны все вышли. Я очень устал. Больше не могу“.

— Везде только камыши,—тихо, задумчиво произнес Виктор Степанович,—и вода.

Вода ласково лижет черную кожу сапог. В воде весело всплескивают рыбки. Вода блестит среди желтых камышей, куда ни взглянешь.

Ох, если бы мы были в лесу! Там по замшелым с одной стороны деревьям, по муравейникам, по птичьим гнездам так привычно и просто находить север и юг.

— Надо итти,—говорю я,—если не ошибаюсь, мы пришли вот с той стороны.

— А если ошибаетесь,—спокойно возражает профессор,—то с нами будет то же, что с уставшим бухгалтером. Постоим и подумаем.

Что думать? Часов пять-шесть мы шагали от берега. Берег далеко. Если даже мы сразу пойдем правильно, то только к темноте будем дома.

Или, правда, стоять на месте? Может быть, хоть под вечер выглянет солнце. Ночью небо может очиститься, высыпают звезды. В хвосте созвездия Малой Медведицы загорится Полярная звезда. А как мы обрадуемся солнцу утром! А питаться можно и сырыми утками.

— Согласен,—говорю я.—Чтобы не зайти еще дальше от дома, будем ждать здесь солнца или звезд.

Профессор не слышит меня. Он стоит и неподвижно смотрит в воду. Сейчас он удивительно похож на маленькую, большеголовую птичку — зимородка. Направив острый клюв вниз, зимородок так же вот глубокомысленно устает в воду и молчит.

Вдруг встрепенулся.

— Эврика! — говорит профессор, ударив себя ладонью по лбу. — Нашел! Только это будет ваше дело — спасти нас от смерти. Если бы мы были в горах, то должен был бы вас вывести я. Ископаемые богатства — моя специальность, они дали бы мне руководящую нить. Человек должен уметь использовать свою специальность во всех случаях жизни. Во всех затруднениях. Используйте здесь вашу — и мы спасены.

— Интересная лекция,—говорю я довольно грубо. — Откровенно говоря, я охотнее послушал бы ее на сухом берегу, у костерка, за кружкой горячего чая. Что вы имеете в виду, какая моя специальность?

— Птицы,—просто отвечает профессор.

— Птицы?..

Как нам могут помочь птицы? Что он хочет сказать?..

Да что же я, право: это же так ясно.

— Потрясающая идея,—говорю я весело,—теперь слушайте мою лекцию. Только на ходу: я поведу вас прямо на юг, прямо к дому.

Я присмотрелся к пролетающим над нами стаям, выбрал направление и пошел вперед. На ходу я с важным видом, профессорским голосом излагал Виктору Степановичу всем известные истины:

что осенью многие виды птиц собираются в стаи;

что стаи перелетных птиц тянут осенью с мест гнездовых на зимовки — с севера на юг.

Высоко над нами с гогогом пролетали вереницы диких гусей, большие стаи уток. Раз даже вдали медленно проплыл серый треугольник журавлей. Нам уже не хотелось стрелять птиц, мы благодарными глазами следили за их полетом.

Четыре часа мы без отдыха шлепали по воде. Солнце не показывалось и нигде не было никаких признаков близкого берега.

Последние часа полтора мы с Виктором Степановичем не обменялись ни словом.

Есть в дневном и вечернем полете некоторых птиц разница. Так, соколы и вороны, замечал я не раз, почему-то мелко-мелко семят крыльями на вечерней и утренней заре.

Перелетный сокол-сапсан пролетел невдалеке от нас. И я видел, что он летит по-вечернему.

Скоро Виктор Степанович посмотрел на часы, остановился и сказал:

— Через полчаса начнет темнеть. Я отказываюсь итти дальше.

— Сил нет?

— Не сил, а веры. Ваши птицы надули. И я скажу вам, где наша ошибка.

Он раскурил папиросу и продолжал:

— Конечно, общее направление осеннего перелета большинства птиц — с севера на юг. Но вам отлично известно, что стаи летят не по прямой. Часто делают углы, зигзаги, повороты. И над этим громадным озером они могут летать по всем направлениям. Так оно и есть. Утки, казарки жируют, кормятся здесь. Я давно слежу, прямо мы идем или нет. И, по-моему, мы кружим. По-моему, мы теперь дальше от берега, чем были.

Сказать правду, и мне в голову не раз уже приходила эта страшная мысль. Все-таки, я пробовал защищаться.

— Журавлям нечем кормиться здесь, они ни за что не опустятся в воду. Они идут здесь напроход — прямо с севера на юг.

— А что же до сих пор не видно даже стогов на берегу?

На этот вопрос я не мог ответить. Если бы мы действительно шли прямо на юг, то уже давно должны были бы очутиться на берегу.

Я с отчаянием посмотрел вокруг.

Вода и камыш, камыш и вода. Табуны уток снуют над камышом по всем направлениям. И еще стайка каких-то птиц, часто-часто махая крыльями, летит прямо на нас. И никак я не пойму, что же это за птицы такие?

Они близко. Я снимаю ружье с плеча. Рука и глаз делают свое дело. Но в этот раз им помогает и разум: я тщательно выцеливаю, рассчитываю расстояние до птиц и быстроту их полета.

Смертоносная струйка свинца, согнем и громом вылетев из ружья, пересекает их полет. Одна из птиц растрепанным комочком падает в воду. Я поднимаю ее и показываю Виктору Степановичу.

— Это кукша, — говорит профессор. — Зачем вы ее загубили, зверь-человек?

Он прав. Так называется эта рыхлая птичка ростом с дрозда, вся в кофейном и ржавом пере и с хохолком.

Но я говорю:

— Нет, дорогой профессор, вы ошибаетесь: это не кукша, это попугай. И хоть у нас на севере не бывает попугаев, для нас с вами это все-таки настоящий попугай.

— Вы обалдели от усталости и страха, — не совсем вежливо говорит Виктор Степанович, — у вас мысли путаются.

— Нет, профессор, не путаются. Я вам докажу это, если вы согласитесь еще немножко пройти со мной. Чуть-чуть, ровно столько, чтобы выслушать маленькую подробность о том, как была открыта Америка итальянским проходивцем. Христофором Колумбом.

— Челуху вы порете, — сердито бурчит профессор, но все же идет за мной.

— Христофор Колумб обманул королеву Изабеллу испанскую. Уверил ее, что он откроет для нее Антилию — легендарную страну, где золота больше, чем грязи. Королева ему поверила. А он сам не знал, куда плывет.

Он завел корабли в неведомую часть океана. Замучил экипаж. Матросы начинали бунтовать. Колумб вышел на палубу, чтобы отдать приказ повернуть назад в Испанию.

Вдруг он увидел стайку птиц, летящих мимо корабля. Это были попугаи.

Колумб сразу переменяет свое решение и велел держать курс по направлению полета стайки.

Через час дозорный крикнул с вышки:

— Земля!

И все увидели берег. Это и была Америка.

— Вполне понятно, — сердито сказал Виктор Степанович. — Попугай — настоящая лесная птица. В океане ей делать нечего. Стая попугаев должна была лететь к суше, это всякий знает.

— И наша маленькая лесная ворона — кукша, — сказал я, — совершенно сухопутная птица. В большом озере, ласковым Сарыкуле, ей делать нечего. Кукши летели к берегу. В этом вы можете убедиться сами, если внимательно посмотрите вперед в том направлении, куда летела стайка и куда мы с вами теперь шагаем.

Профессор посмотрел — и вдруг полным голосом затянул:

— Так слава моряку-у Колумбу Христофору,

Открыл Америку-у

Как раз, выходит в пору.

Впереди, за камышами, в быстро надвигающихся сумерках виднелись темные купола стогов.

В. Бианки.

Чудесное озеро

Еще издали, подходя к маленькой березовой роще, я почувствовала странный резкий запах. Пахло сожженным порохом и тухлыми яйцами. Запах несся с северо-запада вместе с легким прохладным ветром.

Впереди толпились низкорослые березы с искривленными тонкими стволами.

Лесок обдал меня свежей приятной прохладой, но к лесным запахам примешивался все тот же острый запах сероводорода. Он не ослабевал, а наоборот, усиливался по мере того, как я продвигалась вглубь рощи.

Роща стала редеть. В просветы между стволами неожиданно сверкнули изумрудные пятна воды, и я скоро вышла на высокий береговой откос.

Передо мной в глубокой, слегка вытянутой впадине, лежало глубокое озеро, окруженное высокими берегами.

Прямо против меня, на безлесном берегу, белели палатки. Слева, на дальнем крутом обрыве, стояли постройки больничного типа.

Широкое песчаное кольцо обрамляло озеро.

Теперь запах тухлых яиц стал еще более резким.

Я спустилась вниз с небольшого обрыва. Впереди шел пологий песчаный спуск к озеру.

Солнечные лучи дробились в сверкающей воде озера. Легкий ветерок не умерял жары.

Подойдя ближе к воде, я поняла, откуда шел запах. Озеро в этот жаркий июльский день испускало острый запах сероводорода.

Но вода была так прозрачна, что, казалось, белые обточенные камешки, лежащие на дне озера, разбросаны на сухом береговом песке.

Я зачерпнула в пригоршни теплой воды и глотнула. Горько-соленая вода неприятно обожгла язык.

Морская вода!

Легкий ветер слегка рябил озеро, и оно, как море, переливалось красками. Нефритовое по краям, оно вдруг густо сенило посредине, мухрилось, как гро-

зовая туча, и неожиданно загоралось нежнозеленой бирюзой.

Я скинула одежду и вошла в воду. Нога ощутила песчаное, плотное, словно утрамбованное дно. Теплая вода приятно охватила тело. Сквозь чистую прозрачную толщу воды отчетливо был виден мелкий белый песок, усеянный гладкими цветными гальками.

Берег уже отстоял метров на сто, а вода едва достигала плеч. Я долго шла по ровному песчаному дну и, только ощутив ногой чуть заметный мягкий уступ, нырнула, но вода подхватила меня и упруго вытолкнула вверх. Вода была настолько плотной, что мое тело произвольно всплывало. Я долго качалась на поверхности озера.

Вправо, где берег постепенно понижался, из воды высунулась бурая коряга. Я подплыла ближе. Из воды торчал крепкий смолевой ствол хорошо сохранившейся сосны.

„Как она попала сюда?“ Я с недоумением оглянулась на безлесный берег. Сосна отстояла от берега на довольно значительном расстоянии.

Вблизи ствола чернел в воде толстый корневой кряж.

„Целый подводный лес!“ — с удивлением подумала я.

Я стала вглядываться. Кристально-чистая вода позволяла различить каждую песчинку озерного дна. В прозрачной воде быстро пробежали жучки-плавунцы, раки, какие-то красные клопы.

„Живет ли здесь рыба?“ — задала я себе вопрос и сразу припомнила вкус горько-соленой воды.

„Нет, в этом крепком соленом растворе рыба не будет жить“.

Внезапно сильная струя холодной воды охватила мои ноги. Холодное течение! Я всмотрелась в дно. В светлом песчаном дне чуть заметно зияли черные устья подводных источников.

Холодные подземные ключи питали озеро.

Отплыв в сторону, я снова попала в теплую воду. Лучи солнца свободно проникали сквозь значительную глубину. Дно озера было уже устлано черным слоем мягкого ила.

Ближе к берегу раскинулись сине-зеленые водоросли, разросшиеся кое-где в древовидные заросли. Озеро здесь было похоже на зеленый цветущий луг.

На берегу среди сочной высокой травы мелькали желтые головки зверобоя. Из кустов тальника выглядывали неза-

будки и розовые головки сибирского лука. Дальше рос мелкий кустарник дикой лесной вишни.

Я вернулась на берег освеженная, бодрая после купанья.

Одеваясь, невольно обратила внимание на неглубокую ямку, пробитую в песке. Моя одежда лежала около нее. На дне ямки, наполненной водой, темнела серебряная монета. Очевидно, раздеваясь, я выронила ее из кармана.

Но странно, блестящий полчаса назад серебряный гривенник покрылся густым дымчатым налетом...

С чувством удивления и любопытства оглядывала я странное озеро.

Над водой с криком носились белые чайки. Пролетели, поднявшись из прибрежных камышей и тростников, две утки.

На далеком пляже, лежали, сливаясь с песком, голые человеческие фигуры. По воде прыгали, как мячи, черные головы купающихся. С пляжа доносились песни и веселые крики. На полном берегу около палаток тоже сутились люди.

Справа, быстро скользя по воде, плыла лодка.

Вот лодка приблизилась к берегу. Высокий загорелый старик в красной рубашке легким быстрым движением юлил кормовым веслом.

— Эй, дедушка, возьми меня!— крикнула я.

Старик, прищурясь, поглядел в мою сторону, усмехнулся и подвел лодку к берегу.

— Куда тебе — в потельну?— спросил он с улыбкой.

Не поняв вопроса, я молча прыгнула в лодку и махнула в ту сторону, где раскинулся шумный пляж.

— Что это за озеро?— спросила я, усаживаясь на середину лодки.

— Неужель не знаешь!— удивился старик с сожалением поглядел на меня.— Это озеро Горькое.¹ На весь Урал известно. Вишь, народ отовсюду съехался. А вон там палатки и балаганы — это кто без путевок приехали, сами, без докторов лечатся. Вымажутся грязью, солнышко высушит, опять лезут в озеро, пока голову не обнесет. И помогает. Целебное озеро!

— Чем же лечатся?— прервала я старика.

— Ишь ты какая! Словно с луны свалилась,— рассмеялся старик.— Грязью лечатся, говорю. На дне этой целебной грязи много лежит.

Старик взял шест, лежавший рядом с ним, и опустил в воду. Шест погрузился глубоко и только на поверхности озера под обхватом руки торчал маленький кончик его и выделялись пузырьки газов.

— Вот уж достал дно. Здесь неглубоко. А вон там,— он показал на середину озера,— до двухсот сажен доходит. Гляди сама!

Он передал мне шест, и я, направив его вертикально, скоро почувствовала, как конец его прошел через мягкий податливый слой и ткнулся в плотное дно.

— Грязи этой лежит на дне озера аршина на два вглубь, а внизу под ней песок, глина.

Я вытатила шест и на конце в изгибе дерева заметила комок черного ила, не смытый водой.

— Это и есть целебная грязь,— сказал старик.

Я взяла ее на ладонь и растерла между пальцами. Мягкая жирная масса была липкой, как хорошая глина, и растиралась, как масло.

— Ишь, как вазелин!— с гордостью сказал старик.— А в грязевую ванну сядешь, как в теплом бархате сидишь.

— Разве ты лечился?— посмотрела я на здоровое, покрытое ровным бронзовым загаром лицо своего спутника.

— Как же! Два месяца лечился. Не поверишь, какой я был тогда острепелый. Гнойники у меня шли по всему телу. Сам не знаю отчего. Экземой называли доктора. Ползла эта экзема по рукам, по ногам. На лицо перешла. Кожа растрескалась. Не знал я покою ни днем, ни ночью. Зудело нестерпимо. Все сна лишился. Никакие лекарства не помогали. А пролежал здесь два месяца без малого — как будто и не было. Иной раз вспомню — себе не верю была ли такая лихость. Вот какое дело! И что бы ты думала — излечился я и от другой болезни. У меня, как ненастье, спину ломило, кости болели. Теперь и этой болезнью не страдаю.

Старик направил лодку к пляжу, откуда отчетливо слышались громкие голоса и смех.

— Вишь сколь народу понаехало. Откуда только берется. И из Челябинска, и из Свердловска, и из Верхотурья и

¹ Озеро Горькое лежит в 70 километрах на осток от Челябинска.

из Ирбита. С разных городов, заводов, колхозов. Даже из Сибири приезжают. А кто не достал путевку, приедет со всей семьей, разобьют вон там палатку или балаганчик поставят и живут лето. Иной смастерит деревянный вагон, поставит на колеса и приезжает сюда. Выкопают в песке яму, наподобие ванны, накладывают туда дров, зажгут их, а когда дрова прогорят, головешку выбросят и в яму накидают грязи. Грязь согреется от стенок, тогда садятся, как в грязевую ванну. Ну, а там, в лечебнице, по-другому все устроено. Ванны чугунные покрыты эмалью. Грязь нагревается паром и служит температуру измеряет — От каких же болезней лечатся? —

спросила я.
— А от разных. От этой экземы самой, или когда ломота в ногах, поясницу пересекло, или руки, ноги сохнут. От многих болезней помогает. Нервы лечат. Некоторые воду пьют. Говорят, желудок излечивает. Увозят нашу воду в четвертях, боченках, как драгоценность... Вон смотри, как грязь эту черпают.

Впереди на маленьких плотиках стояли рабочие с длинными шестами, раза в три длиннее их роста. На конце каждого шеста были укреплены черпаки. Рабочий вставал на край плота, и шест с легким бульканьем погружался в воду.

Мы приближались к берегу. Маленький плотик стоял у истокады. Рабочие, зачерпнув грязь, выливали ее в длинный высокий ящик.

Вагонетка, нагруженная грязью, покатила по рельсам на площадку. Под навесом рабочие приготавливали грязевые ванны.

Мой спутник, прищурив глаза, весело оглядывал зеркальную гладь озера.

— Дед мой говорил, — начал он, — что здесь, на месте озера, в незапамятные годы лес стоял — сосновый дремучий бор. Видела корягу вон там? В прошлом году вытащили такую сосну. Чистое смолье! Сколько сотен лет в воде пролежало и не сгнило.

Он наклонился с лодки и не спеша вымыл в озере запотевшие руки.

— Чудесная вода! Сохраняет дерево, крепость ему дает, а медь, серебро от нее чернеют. Не поверишь, в лечебнице трубы и котлы как червем изъедены и на стенках в роде накипи песочной сероватого цвета. Каждую неделю отскабливают по два вершка этой накипи. А тихой ночью на озере как будто

свечи мерцают. Удивительное озеро! Зимой морозы ударят, а оно все еще плещется. Долго не замерзает. До января нельзя ходить по нему! А застынет — лед неплотный, игловатый. Один раз шел я здесь зимой, озеро уже начинало задумываться. Смотрю, над озером высоко пар поднимается, и там, в небе, как радуга сверкает... Только вот усыхает озеро. Что ни год, то мельче. Думаю я, не должно оно усохнуть совсем. Еще отец помнит, как совсем обмелело озеро, а потом вдруг залило берега сажен на тридцать. А через двенадцать лет снова стало сбывать. Говорят, здесь раньше море было, а потом ушло, вот эту соль оставило. Здесь и источники кругом соленые да горькие. Редко на пресную воду натолкнешься.

Лодка с легким толчком ткнулась в песок. Мы выскочили на пляж.

— А где бы, дедушка, здесь напиться воды? — спросила я.

— Где? Там, на курорте, сколько хочешь. Только подожди немного... — Старик лукаво улыбнулся. — Я тебя из колушки напою.

Он взял из лодки небольшую лопатку, жестяную кружку, и мы стали подниматься вверх по очень пологому песчаному пляжу.

Пройдя метров семь, мой спутник остановился и стал копать песок.

Через минуту на дне колушки оказалась прозрачная вода.

Старик зачерпнул кружкой воду и подал мне.

— Пей на здоровье!

Хорошая, питьевая вода, к моему удивлению, оказалась пресной.

— Здесь на пляже, где ни копни выше, везде пресная вода покажется. И по-башкирски озеро так и называется: „На дне вода“. Вон видишь колодец на берегу. На моих глазах выкапывали. Не поверишь, песок шел полторы сажени. Вот какой глубокий пласт песку лежит на дне нашего озера. Одно слово — чудесное озеро. Ну прощевай пока!

Я поблагодарила старика и стала подниматься кверху, где на высоком обрыве раскинулись новые постройки.

Над воротами одного обширного здания я прочла надпись:

ГРЯЗЕЛЕЧЕБНЫЙ КУРОРТ
ОЗЕРО ГОРЬКОЕ

Вечером я сидела в кабинете у доктора и слушала рассказы о чудесном озере Горьком.

— Вы спрашиваете, от чего зависит состав минеральной воды? — говорил доктор. — От той горной породы, через которую проходят подземные воды. Там, где идут гипсовые месторождения — Пермь, Кунгур, Белебей, Уфа, Стерлитамак, — находятся сернистые источники. В каменноугольных известняках Восточного Урала, где развиты железняки, встречаются железистые источники. А в соляных отложениях — от Колвы до Илецка — тянутся выходы соленых источников. Здесь, в Зауралье, многие сотни тысячелетий назад волновалось море. Отходя из этой равнинной земли, оно оставило соли в глинах и песках. Миллионы лет атмосферная вода, проникая через эти породы, собирала ценные соли и, обогащаясь ими, задерживалась во впадинах.

— А вот как целебная грязь образовалась? — спросила я.

— О, это сложная история! На дно озера непрерывно оседают тончайшие минеральные частицы соли кальция и магния, различные остатки горных пород, кремнезем, глинозем, окислы железа. К ним присоединяются органические соединения, главным образом вещества водорослей. Мириады мельчайших животных носятся в воде, уничтожают органические вещества. Вот почему наша вода прозрачна, как родниковая. Отмирают растения, животные, на дно озера падают трупы этих мельчайших частиц; разлагаясь, они образуют тончайший осадок. Вот эта муть, оседающая на дно, плюс

растворимые соли, приносимые весенними водами, и образовали в течение долгого периода запасы целебной грязи. Черный ил заполняет всю глубокую котловину озера. Толщина слоя не меньше метра.

Представляете себе, какой огромный, неисчерпаемый запас ила в нашем распоряжении. Не менее трех миллионов кубометров. Такова наша огромная лаборатория.

Доктор подошел к географической карте, висевшей на стене, и отчеркнул пальцем Уральский хребет.

— Урал еще далеко не обследован. Многие ли из нас знают, как мы богаты целебными источниками и озерами? Знаете ли вы что-то одной только Челябинской области мы насчитываем до 700 озер. Из них 153 с минерализованной водой. Таких озер, как Горькое, на Урале около 40. Минеральных источников свыше 100.

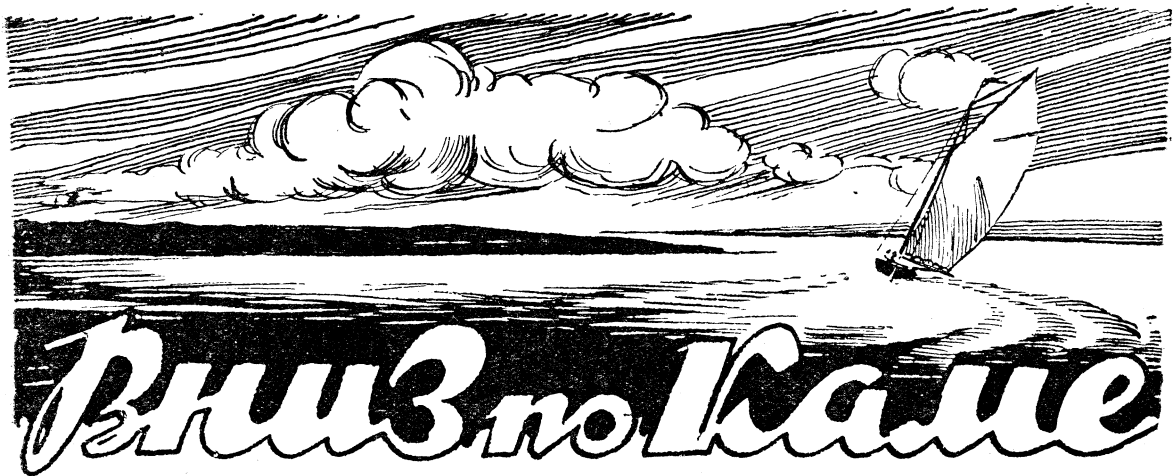
Зауралье — страна целебных озер и источников. В ней, как в мастерской, происходит непрерывный ремонт и обновление сил человека.

После революции открыто много курортов. Утомленному или больному рабочему и колхознику есть где поправить здоровье.

Но этого мало. Предстоит сделать еще больше. В этой стране озер мы можем открыть в ближайшие годы не менее 10 новых грязелечебных станций и курортов.

— А теперь, — доктор с улыбкой поглядел на меня, — берите путевку на наш курорт и начинайте курс лечения. Здесь вашу невращенную и утомленную как рукой снимет.

К. Рождественская.

Путевой очерк и фото Б. РЯБИНИНА

...Палуба мерно дрожит в такт ударам колес. Прохладный ветерок обдувает наши лица. Мимо нас плывет Березниковский химкомбинат. Ярким белым пятном высится вдаль корпус теплоэлектроцентрали, вытянулись к небу стройные заводские трубы. Многоэтажные каменные корпуса чередуются с пузатыми газгольдерами. Отсюда они кажутся игрушечными, и лишь крошечные человеческие фигурки дают представление о всей грандиозности открывшегося строительства.

Это заводская панорама.

На горизонте — город Березники с целыми кварталами новых многоэтажных каменных зданий.

А совсем недавно картина была совершенно иной: — „Черные соляные амбары, соединенные холодными галереями, ветхие варницы, производят какое-то неприятное, сумрачное впечатление... Все безотрадно, уныло... Ни на улицах, ни у амбаров никакого движения, словно в какое-то мертвое царство попал...“ — Так писал когда-то об Усолье В. Немирович-Данченко.

Сейчас этот унылый, безрадостный когда-то берег дышит полной грудью!

Панорама новостроек кончилась. Последние небольшие домишки остаются позади. Надвигается лес. Темнозеленая хвоя эффектно подчеркивается желтоватой песчаной кромкой берега.

Мимо мелькают небольшие селения. У некоторых из них задерживаемся на минуту-две. Кама здесь широка и полноводна. Берега высокие, сплошь поросшие елью и пихтой. Душистый запах хвои доносится даже до середины реки. Временами лес расступается, открывая веселую лужайку, сплошь покрытую белыми и желтыми цветами.

Проплываем расположенную на правом берегу пристань Усть-Понева, а через 6 километров от нее пристаем к Поневскому заводу.

Поневский завод примечателен тем, что здесь были построены первые в России пароходы. Строителем пароходов был местный крепостной механик-самоучка.

Пароход первым своим рейсом отправился в Казань. Оттуда пароход пошел обратно, но до Пожвы добраться не успели и зазимовали у Тихих гор. Зиму провели благополучно, а к весне случился конфуз: началось половодье, а пароход ни с места — примерз днищем ко дну реки, и в результате его залило водой.

Машины кое-как достали и увезли в Пожву, а корпус за дешевку продали.

Кстати, первый русский паровоз для первой русской Царскосельской железной дороги тоже был построен на Пожвинском заводе в 1839 году.

... Характер береговой растительности постепенно меняется: начинает появляться лиственный лес.

Сначала робко, отдельными березками или осинами, затем, как здесь говорят, целыми „сколками“. Временами лес отходит от берегов, открывая весело зеленеющие посевы.

Проплываем устья крупных притоков Камы — Нытвы, затем Косьвы со старинным селением Усть-Косьва на противоположном берегу.

Меня заинтересовывает работа штурвального. Он недвижим, как изваяние. Весь — внимание и напряженное спокойствие. Весь день он направляет наш пароход по одному ему известному фарватеру.

— Теперь лучше стало плавать,— говорит он.— Баканы понаставлены, сигналы на берегу, пльви — не хочу! А раньше ничего не было. Все — в лоцмане. И теперь надо реку знать до последнего камешка, дно, как на ладони видеть, уровень воды наизусть знать. Да и то не всегда поможет. Кама-то, ох как капризна! Нынче здесь глубина, а завтра, глядишь, мель накатило. Тут и знание фарватера не спасет. Надо по цвету воды, по скорости течения все перемены в русле узнавать.

— В чем же дело? Воды почему мало стало? Климат, что-ли меняется?

— Лес поберечь надо! Вот в чем дело. Раньше здесь по берегам-то лес страшный стоял, а уж про верховья Камы и говорить не приходится. Тайга! Снег в лесу долго лежал, до середины лета его хватало. Лес его от солнца оберегал. Вот тебе и причины все налицо.

— Слудка скоро,—добавил лоцман.— Родина моя. Все слудские на пароходах да баржах плавают. Так уж истари повелось. Не бывали в Слудке? Известное село!

Слудки действительно — знаменитое место. Здесь производились археологические раскопки. Много кой-чего повиыкопали: древние персидские сасанидские блюда VII века, вазы, кувшины, чаши арабские, византийские. Различная

утварь чудская. Все эти находки доказывают существование Слудки много веков назад. Еще во времена персидских царей Сасанидов, в VII веке, Слудка уже участвовала в торговле южных стран с северными. Находки земледельческих орудий дают картину развития земледелия в районе Слудки и в долине реки Обвы, впадающей в Каму у Слудки.

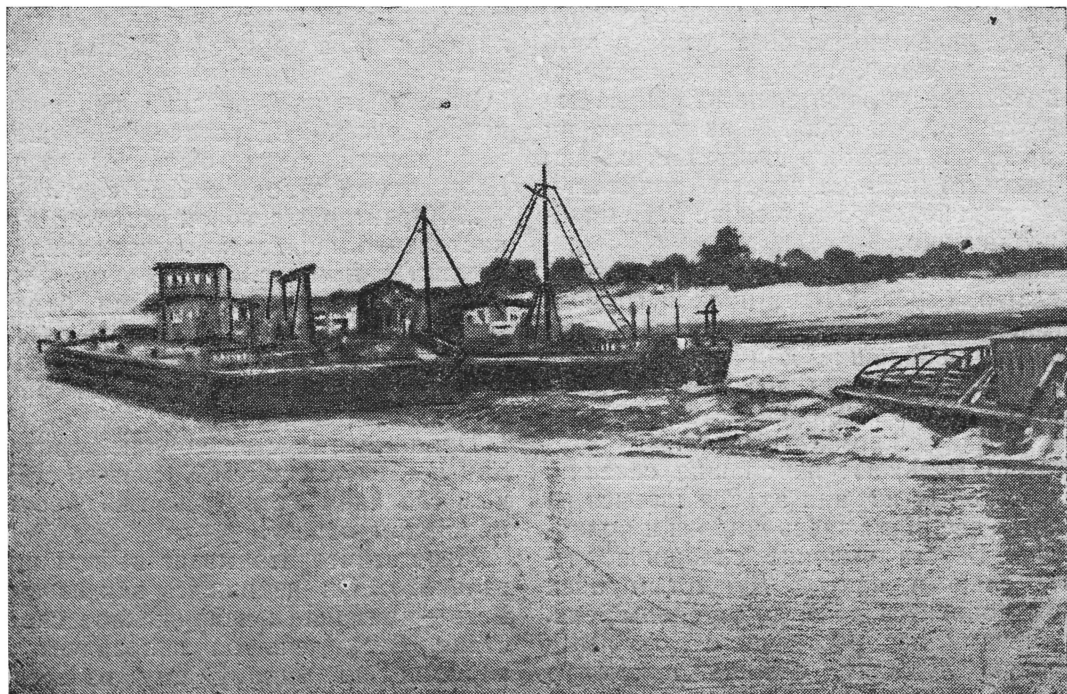
Причаливаем к Слудке. Большое, с крепкими домами село. С чистыми широкими улицами. На противоположном берегу Камы видно устье довольно широкой реки Обвы. По ней медленно движутся плоты, вливаясь в вереницу плотов, плывущих по Каме.

День клонится к вечеру. Проплываем Усть-Гаревую, Добрянку.

Берега реки начинают резко повышаться, образуя местами совершенно отвесные утесы. Ниже Добрянки они достигают высоты 30-40 метров. На протяжении нескольких километров высится сплошная стена известняка и мела. Здесь ведутся разработки, дающие алебастр, доломит, мел.

От Добрянки идет непрерывный ряд деревушек. Как грибы, усеяли они высокие известково-гипсовые берега Камы.

Местами береговые утесы принимают причудливые формы то колоссальных статуй, то столбов.

Ночь спускается на реку.

Стало свежо. Потянуло сыростью от воды. Палуба опустела. Мы перешли на нос парохода. Здесь темно — палубный фонарь не зажжен, а свет из салона проникает слабо, задерживаемый плотными занавесями.

Ночь стала как-будто еще чернее.

Вдруг пароход резко сбавляет ход и мы слышим с нижней палубы:

— Шесты!.. Пяты!.. Пяты!..

Это промеряют глубину. Место проходим сомнительное, ночь темная — ни зги не видно, вот лощман и осторожен. Не хочет на мель сесть.

Глубина все уменьшается: „Пять... четыре,— выкрикивает матрос,—„три... два...“

Мы замираем. Пароход чуть двигается... Вдруг мы чувствуем легкое сотрясение и какой-то едва слышный скрипящий звук...

— Чорт!— не выдерживает лощман,— на пережат напоролись!..

Кажется, что мы встали, но нет, легкий всплеск у колес показывает, что пароход еще двигается. Содрогание прекращается, и мы слышим уже более радостные показания:

— Четыре... пять... семь...

Пронесло... Пароход набирает ход и скоро опять мчится полным ходом навстречу тьме.

Заходим в салон. Там кипит жаркий спор. Прислушиваемся. Оказывается, разговор ведется о Каме, ее ближайшем экономическом развитии и ее будущем.

Подсаживаемся ближе, чтобы не пропустить ничего интересного.

Гражданин в роговых очках с жаром доказывает что-то слушающим его пассажирам.

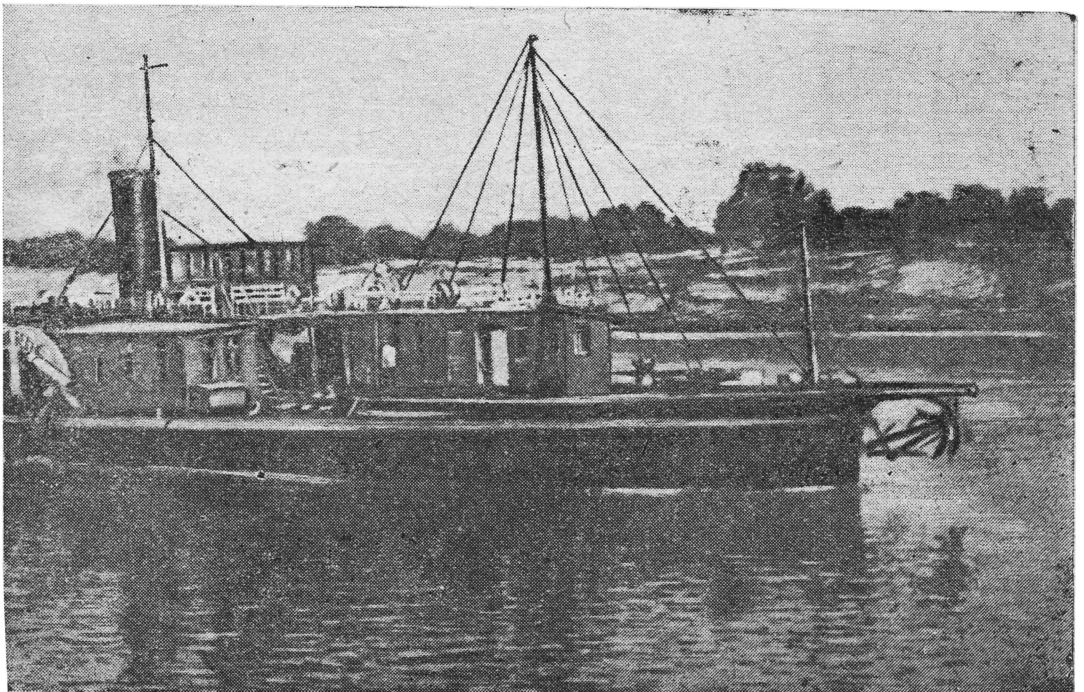
— Кама имеет все данные для того, чтобы стать главнейшей водной магистралью нашей страны! Да, да! Не усмейтесь! Это действительно так!

„Вспомните проблему Камо-Иртышского водного пути. Река Чусовая, приток Камы, соединяется близ Свердловска каналом с рекой Исетью. Длина канала всего каких-либо 30 километров. Углубляется Чусовая. Углубляется и шлюзуется Исеть. Что же получается? Гигантский водный путь: Каспийское море — Волга — Кама — Чусовая — Исеть — Тобол — Иртыш — Обь — Карское море!

„Огромный путь! Он пересечет всю нашу страну по меридиану и свяжет наш крайний Юг с далеким Севером!

Рассказчик чертит рукой по воображаемой карте, и я мысленно представляю тот поток грузов, который хлынет по этому грандиозному водному пути.

— Тысячи километров водой без перегрузки проделает азербайджанская нефть, чтобы дать жизнь нашим судам

в Северном море. Ценная пушнина, тюленьи шкуры и жир без перегрузки пойдут на юг, чтобы оттуда водой же Каспия двинуться на восточные рынки.

„А лес, продукты деревообрабатывающей промышленности, чугун, железо, изделия металлообрабатывающей индустрии, хлеб для крайнего Севера? Во сколько раз разгрузится наш задыхающийся под непосильной нагрузкой железнодорожный транспорт! Во сколько раз удешевится и ускорится перевозка! Миллиарды рублей экономии, бурный расцвет нашего Севера — вот что дает нам осуществление этой проблемы.

— Но мы-то с вами едва ли по этой дорожке поедем, — скептически замечает один из слушателей.

— Как то-есть, не поедем?! — вскипает рассказчик. — Смею вас уверить, что это вопрос ближайшей пятилетки, максимум двух. Построили же мы Магнитогорски, Кузнецки, Днепрогэсы, создали Беломорско-Балтийский канал, создадим и Камо-Иртышский путь!

— Ну пока еще все это только смелые мечты, — не унимается скептик, — а насколько это будет экономически выгодно, еще ничего неизвестно...

— Как неизвестно? Во-первых, реальность и ценность создания такого пути в настоящее время вне всяких сомнений. А во-вторых, сама идея эта

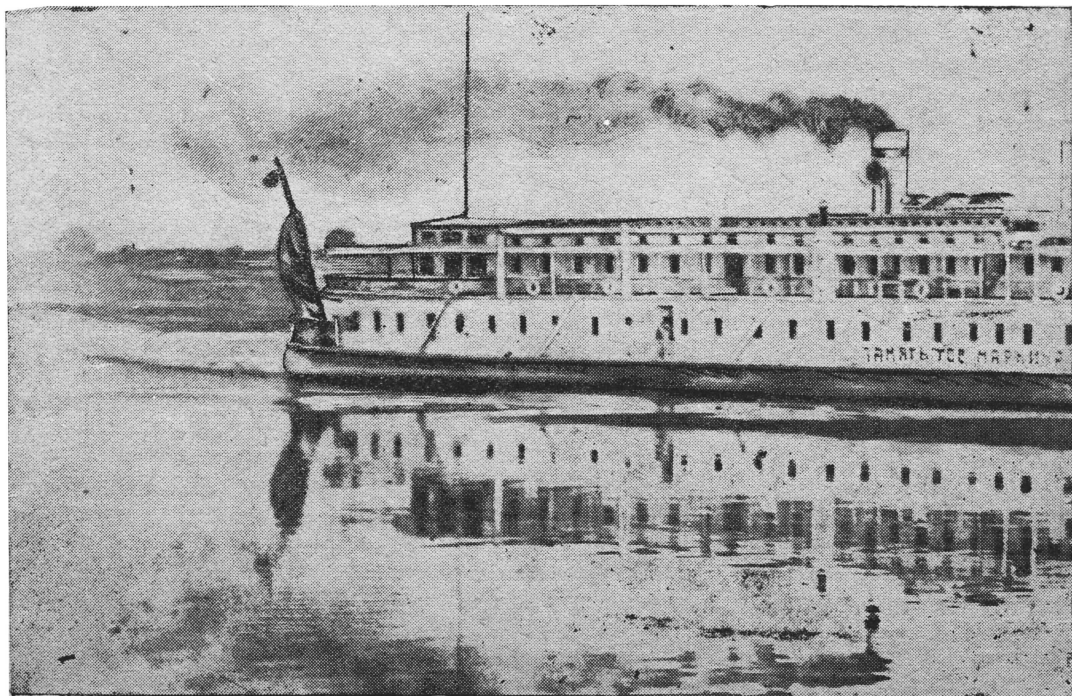
настолько в существе своем проста, что напрашивается сама собой. И не только эта. Есть другие, не менее интересные, варианты. Например, соединение Камы с Печорой, или с Северной Двиной путем прорытия каналов между их притоками. Эти идеи возникали уже сотни лет назад и уже в 1822 году была сделана такая попытка. Был прорыт канал между Северной Кельтьмой, притоком Северной Двины, и Южной Кельтьмой, притоком Камы, длиной в 18 километров, но косность царского правительства проявилась в достаточной мере и здесь, дело это заглохло, и канал оказался бездействующим.

— Ну ладно, поживем — увидим, — не утерпел вернуть скептик.

— Да, да! Не поживем, а поработаем и все это увидим, — подхватил опять первый. — Все собственными глазами увидим. А с прорытием канала Волга-Дон еще не то увидим!

„Увидим, как уральская руда поплывет в Сибирь, а кузбасский уголь на наши заводы. Инженер из Березников поедет в командировку в Архангельск по воде и рабочий Уралмаша отправится в отпуск в Крым не в душном вагоне, а в комфортабельной каюте пассажирского парохода!

...Рано утром мы подплываем к Перми. Мой товарищ еще спал, когда я вышел

на палубу. Густой туман клубился над рекой. Ночная сырость пронизывала тело дрожью. Солнце еще не взошло. Пароход проходил Молотово.

Сквозь туман на левом берегу Камы виднелись темные корпуса Мотовилихинского машиностроительного завода. Над многочисленными заводскими трубами навис черный дым. Временами доносилось лязганье металла.

За заводом потянулся лишенный зелени берег, с рассыпанными по кособогу небольшими деревянными домишками. Сквозь дымку тумана смутно маячила Пермь.

Город утопает в зелени садов и скверов, улицы амфитеатром спускаются к реке, заканчиваясь каменной набережной. Внизу у воды бесконечный ряд пристаней с пароходами, буксирами, баржами.

По каменным ступенькам набережной мы поднялись в город.

Сейчас Пермь-второй после Свердловска промышленный и культурный центр Урала.

Она имеет несколько высших учебных заведений, целый ряд крупных фабрик и заводов: машиностроительный завод имени Дзержинского — единственный в СССР завод, вырабатывающий сепараторы; завод имени Шпагина; лесопильный „Красный Октябрь“; деревообделочный,

кожевенный, спичечная фабрика, бумажная, пищевая и т. д.

Недалеко от города строится мощная Камская гидростанция. Это будет одна из крупнейших в Союзе электростанций.

Вид с высокой набережной исключительный. Кама тихо катит свои воды глубоко внизу, сливаясь направо и налево с горизонтом.

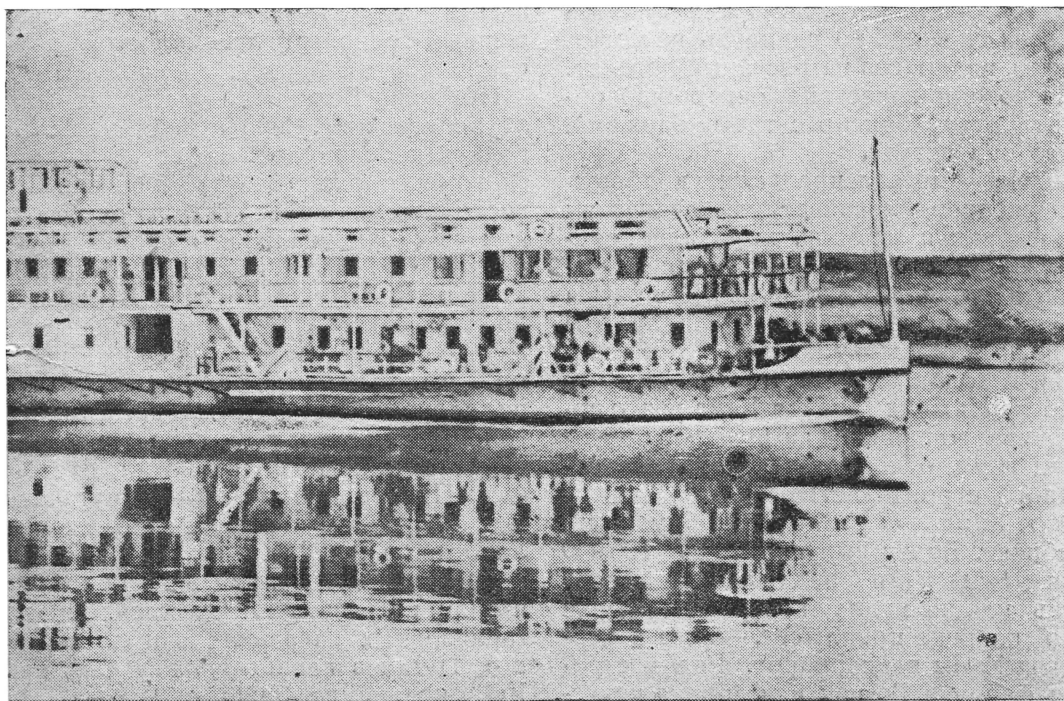
В городском музее, весьма обширном и интересном, нам удалось познакомиться с историей возникновения Перми.

В 1723 году, по указу Петра I, генералом де-Генниным в Егошинском овраге был построен медеплавильный завод и воздвигнуто укрепление „для охраны от инородцев“. Завод работал и развивался, давая от 1½ до 2½ тысяч пудов меди в год. В 1781 году, по указу Екатерины II, Егошихинский завод был назначен резиденцией наместника и переименован в город Пермь.

С этого времени начался быстрый рост города и постепенное умирание завода, а в 1804 году последний был закрыт.

...В этот же день мы отправляемся на пароходе вниз по Каме, на пароходе „Волга“.

Опять мы на палубе и наблюдаем, как Пермь медленно уплывает вдаль.

Через 20 минут мы приближаемся к Камскому мосту.

Еще за несколько километров вдали начинают маячить его смутные очертания. Постепенно они принимают форму ажурного кружева, тонкой ленточкой переброшенного с одного берега на другой, и, наконец, глаз различает восемь железо-бетонных устоев.

Кама принимает величаво-спокойный вид. Мимо плывут высокие, покрытые хвойным лесом берега. Часто встречаются селения, лесопилки. Оживление на реке большое.

Тянутся чуть ли не непрерывной лентой плоты как-бы с игрушечными тесовыми домиками, служащими убежищем плотовщикам.

Вдруг с одного из них доносится звон колокола. Пароход дает отрывистый гудок и резко сбавляет ход.

— Просят ход уменьшить, — объясняет лоцман, — а то сильное волнение на воде поднимается от парохода и может плот разорвать или к берегу прибить.

Пароход медленно огибает плот. Машина работает чуть слышно. Плот похож на гигантскую змею. Лениво изогнулась она на повороте реки, подставив яркому солнцу свою ребристую светло-желтую спину.

А вон с одним плотом приключилась беда — он сел на мель.

Плот сбило в кучу, сгрудились бревна, вот-вот лопнут связи. Два буксира суетятся около него, пыhtят и тужатся изо всех силенок, но сдвинуть не могут. Крепко, видно, сел на песчаный перекал.

Место происшествия осторожно обходит другой буксир с тремя баржами. Что они везут?

Сверху — металл, продукцию прибрежных заводов, лесоизделия, древесину для фабрик и заводов, химикалии; снизу — топливо, нефть, фрукты, хлеб. Огромный край обслуживает Кама. На 2700 километров легла она. Миллиарды пудов грузов плыват по ней сотни заводов и городов.

После Нижних Муллов Кама резко поворачивает вправо и на правом берегу перед нами открывается панорама огромного строительства.

Это Камский целлюлозно-бумажный комбинат. Будет выпускать до 100 000 тонн бумаги и целлюлозы. Место очень удобное для постройки: сырье само по реке приплывет, — леса в верховьях Камы невпроворот. Рядом строятся фабрика Гознак и фабрика искус-

ственного шелка. А целлюлоза, кроме того, и за границу пойдет.

— А много-ли уже выстроено? — спрашиваю я лоцмана.

— Первая очередь комбината достраивается. Да смотрите сами — отсюда видно, сколько здесь уже настроено!

Действительно, на берегу большое оживление. Масса строительного материала. Среди штабелей леса, кирпича, бревен суетятся грузовики, подводы, тракторы, словом, характерная и радостная советская строительная горячка. Дальше видно самое строительство, — уходящие высоко в небо леса, поодаль еще не законченные отделкой, но уже освобожденные от лесов, каменные корпуса и еще дальше — совсем готовые корпуса.

Лес кругом на большом расстоянии вырублен — видимо, подготовлена площадка для дальнейшего развертывания строительства.

Вот и Нытва. В долине у подножья высокого угора приютились беленькие домики. По долине в Каму стекает речка Нытва. Рядом с ней от пристани к Нытвенскому железноделательному заводу, расположенному в 7 километрах выше, идет узкоколейка.

На берегу сложены в ожидании погрузки на баржи стопы листового железа — продукция завода. Напротив, на середине Камы — большой песчаный остров.

Через 8 километров пристань Таборы, а еще через 18 — Оханск. Город, окруженный сосновыми лесами, стоит на высоком крутом берегу.

Пристань Беляевка — у старинного села Беляевского. Село существует с 1715 года и прославилось во время пугачевского бунта ожесточенными боями. Село несколько раз переходило из рук в руки при чем защищали его строгановские приказчики. Пугачевские отряды неоднократно пытались захватить Беляевское, но каждый раз неудачно. Еще более жестокие бои разыгрались ниже по Каме — у города Осы. Город оказал отчаянное сопротивление. Осажденные лили на головы штурмующим горячую смолу, спускали бревна, но не могли отстоять Осу. Пригород был захвачен пугачевцами с боя. Остальная часть города капитулировала, и жители, и гарнизон, раскрыв крепостные ворота, под звон колоколов, вышли встречать победителей. Повесив гарнизонных начальников и сжегши город, Пугачев переправился у Осы через Каму и двинулся дальше.

...Ниже Осы начинаются осиновикие перекаты.

Кама мелеет, и близ пристани Частые делится на несколько рукавов. Посредине большой Частинский остров. Пароход огибает его справа по самому узкому, но глубокому рукаву. В горле рукава чуть не сталкивается с встречным пароходом. Проходим так близко от него, что, стоя на палубе, можно переговариваться с его пассажирами.

По среднему рукаву идет буксир, и отсюда кажется, что он плывет по бархатистой зелени острова, ныряя временами в кусты.

День уже кончился. Наступили сумерки. Ночью проплываем Елово, Ножевку, минуем целую серию больших и малых островов.

Ночью просыпаемся от какой-то суматохи на палубе. Оказывается сели на мель. И сели основательно. Вызванный из Сарапула буксир возится около нас уже два часа.

Зацепив нашу корму канатом, пытается сдернуть крепко засевший нос, пытит что есть сил, взмутил всю воду поднятым со дна илом, повернул пароход почти поперек реки, но наша „Волга“ и не думает слезать с мели.

Ушедший буксир утром притаскивает баржу. Баржа пришвартовывается к борту нашего парохода и на нее устремляется поток пассажиров с нижней палубы.

Затем буксир оттаскивает баржу и вновь впрягается в наш пароход. В этих попытках проходит часа четыре.

Наконец, около полудня измученному буксиру удается сдернуть пароход с проклятого места.

Но впереди еще целый ряд перекатов, пароход не рискует проходить их при полной нагрузке, тем более, что осадка „Волги“ значительная. Поэтому баржу пришвартовывают к борту, на нее перегружают кой-какие грузы и в таком „спаренном“ виде трогаемся дальше.

На барже уже объявился гармонист, и там идет шумное веселье.

К вечеру, с опозданием на 10 часов, доползаем до Сарапула. Здесь конец нашего путешествия по Каме.

* * *

На Каме больше тысячи производственных участков: затонов, пристаней, пароходов, баржей. 22 тысячи рабочих, из них 1300 коммунистов и 1050 комсомольцев. Они обслуживают 5340 километров освоенных судоходных путей. Мощные потоки леса, химических удобрений, металла, руды, нефти.

Таков профиль новой Камы.

Меняется облик живописной Камы, все ярче сверкают на ее берегах огни социалистических гигантов и бегут по многоводной реке новые советские пароходы и баржи.

Сотни ударников — знатных отличников выросли на пристанях, пароходах и в затолах. Они геройски борются за выполнение навигационного плана, успешно овладевают новой техникой речного транспорта.

РОЖДЕНИЕ КАМЫ

Очерк МЕЗОРД

...Я вышел на палубу. Встречный свежий ветер вырвал из моих рук каютную дверь и яростно прихлопнул ее.

— Река беспокойно билась могучими вспененными волнами в пароходные борты. На правом высоком берегу показались уже строения села Богородского.

И вдруг Волга начала терять свои очертания. Берега ее отодвинулись от пароходных бортов, ушли вдаль.

Перед нами было безбрежное море! Здесь Волга принимала в себя свой могучий приток. Здесь Кама впадала в Волгу...

— А я вам говорю, что Волга впадает в Каму!..

Я обернулся удивленный. На палубе никого не было. Голос долетел до меня из полузакрытого от солнца жалюзи каютного окна.

— Но, позвольте, — возразил второй голос, — как же так? Значит в Каспийское море впадает не Волга, а Кама? Значит врут учебники географии всего мира, лгут географы всех пяти стран света? Для всех нас непреложная истина что „Волга впадает в Каспийское море“.

— Кама впадает в Каспийское море! — энергично возразил первый. — А географы не врут, зачем так резко, но ошибаются. Если взять бассейн Камы, то он по площади и по количеству притоков превысит бассейн Волги. Объем воды

Камы с притоками также превышает объем вод Волги и ее притоков. Недавно говорят— „Кама многоводная“. Что же во что впадает?..

Этот, невольно подслушанный на палубе волжского парохода разговор, и многие последующие споры о том, что произошла „великая географическая ошибка“, что Волга впадает в Каму, а не наоборот, что величайшая река Европы— Кама, ярко припомнились мне, когда я, выйдя за деревню Карпушину, остановился на скате невысокого холма.

Четыре небольших ключа сбегая по наклонным деревянным желобам, падали в небольшой пруд, выложенный бревнами. Берега пруда густо заросли черемухой, рябиной, березами и липой. Здесь тень, прохлада и веселое журчание водяных струй, первых камских струй, ибо эти четыре ключа и есть начало великой северной реки— „Камы-многоводной“.

Из пруда Кама вытекает снова по длинному желобу и попадает в большую деревянную колоду. Здесь она впервые служит человеку. Из этой колоды поят скот и в ней же полощут белье. А когда полощальщиц из деревни Карпушиной соберется особенно много, то колоду, то есть Каму, затыкают деревянной пробкой.

Выбравшись из колоды, вспененная, взбаломученная, оскорбленная Кама течет мутным, жалким ручьем. Здесь в нее впадают многочисленные ключи, вытекающие из подножья все того же холма.

А через километр-полтора она теряет свой первоначальный облик ручья. Это уже небольшая речка, так называемая Кама-Карпушинская.

Я без разбега оттолкнулся ногой от одного берега и легко перепрыгнул на другой... Захотелось похвастать небывалым „рекордом“— прыжком через Каму.

В четырех километрах от деревни Карпушиной Кама-Карпушинская сливается со второй своей вершиной, называемой

Камой-Якунинской, по имени деревни Якуниной, лежащей на этом меньшем истоке Камы. Здесь, вскоре после слияния, Кама впервые по-настоящему „работает“ на человека. Здесь, около небольшой плотинки, приютилась первая „индустриальная точка“— Верхняя мельница.

Кто бывал в низовьях Камы и в среднем ее течении, кто видел яркие огни и слышал грохот расположенных на ее берегах центров социалистической промышленности— Березников, Бумкомбината, Перми, тот должен обязательно побывать и здесь, послушать здешнюю тишину, прерываемую лишь отдаленным стуком Верхней мельницы и еще более далекими свистками поездов Северной железной дороги.

Первое селение на настоящей соединенной Каме— деревня Верхний Лып, а за деревней Пиль-Камский. Здесь Кама уже „судоходная“ река, на ней появляются первые рыбацьи лодки..

Приняв затем слева свой первый настоящий приток, реку Лопью, Кама берет резкое направление на север, в беспредельные северные болота, откуда, сделав огромную дугу, появляется уже могучей рекой, про которую поэт ска-

Селений многочисленных, заводов, городов
Полица-кормилица за многие века,
Струится величаясь средь гор, долин, лесов,
Широкая, глубокая красавица-река...

Для того, чтобы повидать истоки Камы нужно доехать по Северной железной дороге (в направлении на Вятку) до станции Кузьма, около 160 километров за Пермью. Отсюда проселочной дорогой час-полтора ходу (15 километров) до деревни Карпушиной, где и расположены истоки Камы. Лошадей до деревни Карпушиной можно достать здесь же, на станции Кузьма, или в соседнем селе Юски.

ПРИРОДА

И ОХОТА

Разговоры с „Говорливым“

Однажды в своих скитаниях по Уралу я попал на реку Вишеру, в село Говорливовское. Мне хотелось пройти на камень Полюд¹, про который я слышал много занимательных рассказов.

Жил будто на том камне великан Полюд. Жил совершенно одиноко. Был тот Полюд разбойником. Останавливал он купцов, когда они шли по реке Вишере из Сибири в Россию и из России в Сибирь с разными богатствами и товарами. Отбирал Полюд у купцов богатства и прятал их в пещерах и расщелинах на своем камне.

Камень Полюд высок, видно с него на пятьдесят километров кругом, а в ясную погоду и того дальше, и великан Полюд не пропускал ни одного человека, который проходил недалеко от его камня.

Умер великан Полюд и оставил все свои богатства. С той поры многие разыскивают их, только найти никак не могут.

Камень Полюд хорошо виден из села Говорливовского. Стоит он, словно взвившись на дыбы, и нет по окружности ни одной горной вершины, которая бы сравнялась высотой с Полюдом.

Виден отовсюду Полюд, но дойти до него не просто: кругом леса, нет троп, и можно так заплутаться, что не выйдешь век.

Я знал это и в Говорливовском начал искать проводника. Меня послали к Трофиму Бодрых.

— Иди прямо к нему, к Трофиму, он сведет. Он у нас все тропы к Полюду знает, сотни раз хаживал.

Трофим выслушал меня и согласился:

— Это мы можем. Что касается Полюда, никого не спрашивай, кроме Трофима.

Мужик натянул пониток, вскинул на плечи ружьецо, взял краюху хлеба, и мы пошли. За селом Трофим спросил меня:

— На Полюд, говоришь, а зачем?

— Взглянуть хочу, какой он, и на Урал с Полюда посмотрю.

— Спроста, значит, поглядеть?— И бородатое лицо Трофима озарилось хитренькой улыбкой.

— Да, спроста.

— А я думал по делу, поискать что ни-есть... Рассказов про Полюд много ходит, только все зряшные.

— Что, клады там схоронены? Нет, я кладов не ищу.

Трофим усмехнулся откровенней. Он не поверил, что я не ищу кладов и сказал:

— Коль ради простого интересу идешь, не на Полюд надо, а к Говорливому камню. Слышал?

— Да разве он здесь? Я слышал, что Говорливый камень около города Верхотурья.

— Зачем около Верхотурья, — здесь, видишь, — Трофим показал на высокий берег Вишеры, где стояли голые темные утесы. — Завернуть, может, надо, полтинничек накинешь, сведу.

Я добавил Трофиму полтинничек. Часа полтора шли мы лесом, прыгали через валежник, пробирались в зарослях ельника и, наконец, выбрались к Вишере.

Здесь Коква сливается с Вишерой, и словно колоссальное озеро раскинулось на огромном просторе среди моря тростников, осок и болот. А над ним, на востоке, высоким обрывом высится Полюдов камень.

Ниже, на юг от Полюда, поднимается отвесно из воды высокая каменная стена Говорливого камня. Она идет по правому берегу Вишеры, вниз по реке, километра на два до села Говорливовского.

Трофим остановился, повернул лицо к голым утесам и сказал:

¹ Полюд-камень — утес на реке Вишере, высотой над уровнем моря около километра.

— Вот отсюда. Я говорить буду, а ты слушай. Э, какое чудо-то! — как-то радостно сказал Трофим.

И кто-то ясно повторил: „Э, какое чудо-то!“

Я слушал и удивлялся. Другой голос был точно таким же, как и Трофимов. Совершенно невозможно было отличить один от другого.

— Это все камень, за такие чудеса и прозвали его Говорливым.

Я никак не предполагал, что камень так отчетливо повторяет человеческие слова.

— Закурим, — предложил Трофим.

„Закурим!“ — повторил камень.

Мы курили и разговаривали, а камень в точности повторял наш разговор: кричал, когда кричал Трофим, на мой смех отвечал смехом¹.

— А с реки и того чудесней, там он разговаривает не одним голосом, а вроде как целой оравой. Ночью тебя взезет мой парень, потешься.

Мы повернулись к Говорливому, и я крикнул:

— Прощай!

Камень ответил моим голосом:

„Прощай!“

— Скоро увидимся, ночью!

„Скоро увидимся, ночью!“ — ухнул камень.

Голос камня был настолько человечески, что я невольно оглянулся и подумал: „Может быть, камень кивает мне головой?“ Но камень был неподвижен и хмур.

— Я камню этому, Говорливому, сколь раз спасибо говорил, — рассказывал на обратном пути Трофим. — Не будь его, не видать бы мне моего парня. Случилось это летом, когда я каждую ночь за кладом рыскал, и разговоров в дому только и было, что про клад. Наслушался этих разговоров мой парень и ушел тайком: ни мне, ни матери — ни гу-гу. Мы и подумали, что парень на Полюд пошел. Пообедали одни и вечерять собрались. Старуха и говорит:

— Где парень наш?

— На реке, верно, говорю. Весь день там занимались ребята с Говорливым. Они эту забаву любят. Крикнут: „дурак“, а камень в ответ им: „дурак“, ну и хохочут.

— Ребята с реки будто вернулись, — говорит старуха. — Видела я ребячью ораву.

Глянул я по избе и не вижу своей шомполки.

— Эх, говорю, это бесприменно парень унес ее!

Ну, знамо, забеспокоились мы, побегли спрашивать, искать. Никто не видел и не знает: на реке наш парень не был — с Говорливым не баловался.

Баба мне и говорит:

— Бесприменно он на Полюд ушел. Сбил ты мальчишку своими рассказами, своей дуростью, теперь ищи...

Я на Полюд, — и там никого, тихо-тихо, один месяц шарит по расщелинам. Крикнул я и раз, и два, и десять, — ответу ни-ни и нигде не чуется. Прибегаю домой, а время к утру. Баба моя ревет:

— Вот, говорит, твои-то клады дорого обойдутся, заплутается мальчишка, уйдет в леса в не нашу сторону и сгинет.

Сидеть тут было некогда, я и побег в другую сторону и все кричу:

— Ере-емка, где ты?

Баба за мной бежит с плачем.

Оказались мы близ Говорливого, и почудилось мне, что неладное, чудное творится с камнем — подвывает и хнычет он, да жалобно так, тоскливо.

Я говорю бабе:

— Перестань, Говорливый что-то сказывает...

А баба не унимается.

— Вот, говорит, и плачь теперь всю жизнь, парень-то у нас один, и того проворонили.

А утес-то и впрямь плачет, жалуется, тятку с мамкой зовет:

„Где, мол, вы? Почто меня бросили-и?“

И похоже, что плачет камень голосом моего парня, только плохо я помню его голос и кричу бабу:

— Иди, послушай, кто это зовет.

Ну, баба сразу определила:

— Он, Еремушка мой, побежим скорей к Говорливому!

— Да это не Еремушка, а камень, говорю. Еремка где-нибудь в другом месте, разыскать его надо.

Не знаем мы, в какой из четырех сторон наш Еремка. Стоим около Говорливого и думаем поймать еремкин голос: камень плачет, а самого парня не слышим.

— Вот, говорю, оказия, камень лучше человека слышит.

Догадались тут мы и начали ухать:

— Еремка, где ты? Откликнись, отзови-ися!

¹ Необыкновенное эхо Говорливого камня можно объяснить тем, что каменная стена расположена дугообразно по отношению к реке.

Я-то громко ухаю, а камень и того громче — орет на весь лес, чай на всю округу слышно:

„Откликнись, отзови-ися!“

Крикнули мы с камнем еще разок, и камень подает мне ответ:

— Зде-еся я, тятка, зде-еся. Заблудился...

— Да где? говорю. Сказывай толком!

— Не знаю, заблудился, — и в слезы.

— Где ты, за Вишерой али по сю сторону?

— За Ви-ишерой, — кричит Еремка через камень, и я его слышу.

На лодке на своей переехать бы — лодку не могу найти...

Отвязал я чужую лодку и поехал. Доплыл до середины реки, слышу по одну сторону кричит Говорливый, а по другую — мой парень. Ну, нашел в самой что ни-на есть глухой чащобе. Сидит на пенечке и воет. Рядом лежит моя шомполка.

Оказалась права старуха. Парень наслушался моих рассказов и пошел добывать клад. Взял он лодку и переехал за Вишеру. Полюд-камень на нашем берегу, а кажется, что он за Вишерой — река тут делает кривулину. Парень не знал этого, за рекой он попал в лес, пробродил весь день и не дошел до Полюда. Домой вернуться не знает как, села не видно из-за леса. Говорливый то мелькнет, то спрячется, а там ночь, и вовсе ничего не разглядишь. Измучился парень, сел на пенек и заплакал. Неизвестно что было бы поутру, куда бы кинулся парень, да спасибо Говорливому, услышал он еремкины слезы и передал отцу-матери.

...Ночью Еремка, смысленый подросток, немного кривоногий, вывез меня в дощанике на Вишеру. Он поставил дощаник к левому берегу и сказал:

— Теперь можешь разговаривать.

— Здорово живешь, Говорливый камень, — крикнул я.

Камень повторил мои слова несколько раз, а потом как бы весь лес заговорил:

„Здорово живешь, Говорливый камень“. Казалось, каждое дерево, каждый камень, каждая травинка повторяли: „Здорово живешь...“

Отголоски звучали со всех сторон, словно тысячи предметов ожили, получили дар человеческой речи и заговорили. Постепенно слабея, отголоски катились вдаль и там, обратившись в шопот, затихали.

Я заговорил быстро — и вся ночь наполнилась торопливыми словами. Тысячи людей вряд ли бы наделали столько шуму и звукового переполоху, сколько наделал Говорливый камень, повторив мои слова множество раз.

Еремка предложил мне сойти на берег и послушать. Я сидел на дереве, поваленном грозой. В тиши ночи плескалась одна Вишера. И вдруг камень со вздохом выкрикнул: „Эх!“

Затем протяжно и надрывно запел: ...Дуби-инушка, ухнем...

Полусловие „инушка“ долго летало над черными утесами, поднималось вверх, припадало к земле и под конец широким порывом ветра пробежало лесу. Многоголосое „ухнем“ напоминало ураган.

Когда умолкли последние звуки, камень сделал паузу, как бы переводя дух, и потом с новой силой запел:

„Эх, сама пойдет, поде-ернем, поде-ернем...“

Камень старательно выводил все пеливы песни.

Я разглядел дощаник и берегом подошел к нему. В дощанике сидел Еремка, похожий в сумерки на тень, и качал головой. Я знал, что Еремка поет, но слов его песни не было слышно, слышалась только песня камня. Она была подобна чудесному тысячеголосому хору.

Меня обуюло желание как можно дальше, до утра перекликаться с камнем. Я пел песни, читал стихи, просто ухал, а Говорливый камень мои песни, стихи и уханье, усилив во много раз, разносил далеко по лесам. Мне казалось, что я перекликаюсь со всем Уралом.

... Под утро мы возвращались в село Говорлиновское. Я дослушивал затихающую песню камня:

Сидел рыбак веселый на берегу реки,

И перед ним, качаясь шумели тростники...

А Еремка не громко говорил:

— Весной гонят лес люди еще далеко от нашего села, а мы их слышим, берем лодки и выезжаем с рыбой. Говорливый все рассказывает. Скажем, гром ударит, и камень гремит. Получается два грома: один катится небом, а другой лесом...

Утром я крикнул Говорливому камню: „Досвидания!“ и пошел в низ по Вишере в Чердынь. Камень ухнул мне в спину:

„Досвидания!“

УРАЛЬСКИЕ БЫЛИ

Мой первый прыжок

„Рассказывает для Уральского следопыта“
Тина САМАРИНА

Первый прыжок! У кого из будущих парашютистов не замирало сердце при мысли о первом прыжке?

Парашютистка

Тина Самарина. комиссию и начала ездить на аэро-

дром, наблюдать прыжки парашютистов.

2 июля я узнала, что сегодня будет мой „облет“.

Как ведет себя начинающий парашютист на самолете?

Как он чувствует себя во время самых сложных фигур высшего пилотажа?

Вот для чего устраивается „облет“ начинающих парашютистов.

Это, поистине, первое воздушное крещение новичков.

Летал со мной летчик Берендяев. Страха не было. Было восторженное, волнующее чувство полета. На борту самолета

я собственными глазами убедилась, что Урал, моя родина, не отвлеченное географическое понятие, что это действительно страна лесов и гор.

На горизонте проплывают и скрываются за хвостом самолета горные хребты и отдельные вершины, закутанные в густую шубу лесов.

Вдруг земля, горы, тайга стремительно бросились мне навстречу. Я растерялась но тотчас сообразила, что это „пике“ и даже улыбнулась своей секундной растерянности.

Когда мы приземлились, Берендяев сказал, что я во время полета не трусила и смело могу начать прыгать.

Я удивилась;

— Откуда вы это взяли? Ведь вы сидели ко мне спиной?

Он засмеялся и показал на маленькое зеркало сбоку пилотского сидения.

— Вот откуда знаю! В этом зеркале я видел, как ты улыбнулась в момент „пике“. А теперь лезь в самолет, будешь прыгать!

Прыгать? Сердце мое замерло. У кого из начинающих парашютистов оно не замирало перед первым прыжком?

Мы поднялись. Самолет начал набирать высоту. Но страх мой уже прошел.

На мой первый прыжок пришли смотреть ребята из руководимого мною физкультурколлектива Медицинского института. В воздухе я думала о том, как бы не осрамиться перед своими ребятами, и не заметила, как пилот убавил газ.

Я поняла, что это значит, и вылезла на плоскость.

Встречный ветер навалился на меня тяжелый, плотный, крепкий.

Я встала на скобу и вытащила из кармана кольцо. Тов. Берендяев командовал — „Прыгай!“ я отвалилась на левый бок, упала во внезапно разверзшуюся подо мной, шипящую, ошеломляющую пустоту, и тотчас же дернула кольцо.

Небольшой рывок. Покачиваясь на стропах парашюта, я поплыла буквально по воздуху. Это раскрылся мой парашют.

В моем „высоком положении“ я чувствовала себя прекрасно. Пьянила радостью удача первого прыжка и волновало непередаваемое чувство скольжения к земле. Хотелось петь, кричать или декламировать горделиво пушкинские стихи...

Но вот, как далекий привет земли долетел ко мне слабый паровозный гудок...

Пора было думать о приземлении. По неопытности, я не смогла сразу определить силу и направление ветра. Ветер был такой слабый, что мне казалось, будто я спускаюсь на аэродром отвесно, как гиря, сброшенная с самолета.

На самом же деле меня относило немного в сторону и я шла на приземление спиной по ветру, чего делать нельзя.

Но вот и земля!

Приземлилась я около какого-то склада вполне благополучно на ноги. Потом мягко скользнула на правый бок, а парашют лег тяжелыми упругими складками, как мне показалось, на колючую проволоку.

Вскоре приехала машина, ко мне подбежал начальник летной части т. Петров. Я вытянулась по-строевому и отрапортовала:

— Приземлилась благополучно, совершив свой первый прыжок с высоты семьсот метров.

А потом замялась и добавила;

— Боюсь только не порвался ли мой парашют.

— Ничего с парашютом не случилось,— успокоил меня т. Петров. Ты хорошо прыгнула. Молодец!

Через несколько минут мы вернулись на аэродром. Спустился наш „У-2“. Тов. Берендяев тоже подтвердил, что я прыгнула хорошо. Он предложил мне тренироваться дальше, и я, конечно, с радостью согласилась.

Через десять дней я прыгнула второй раз, а ко 2 августа у меня было сделано уже десять прыжков. Я научилась владеть парашютом в воздухе, рассчитывать место сбрасывания с самолета, делать разворот в воздухе и точно приземляться.

В начале августа я с другими свердловскими парашютистами уехала в Мо-

скву на первый всесоюзный слет парашютистов на Тушинском аэродроме.

Там произошла встреча нас, начинающих парашютистов, с мастерами парашютного дела, и я сделала в Тушине три прыжка, один на точность приземления и два затажных на пять и семь с половиной секунд.

Тов. Кабаков назвал меня „мастером парашютного дела“. Я приложу все свои знания, отдам все свои силы для того, чтобы оправдать такую высокую оценку.

Сейчас я тренируюсь на затажных прыжках. Они меня привлекают больше, чем высотные. В затажных прыжках ярче проявляется мужество и выдержка парашютиста.

Спортивный праздник манси

За 70-й параллелью, в поселке Тошенка Ивдельского района, среди манси (вогулов) был проведен спортивный праздник. Для манси это было большим событием. 32 манси на лошадях и пешком отправились за 80—100 километров в Тошенку. Впервые за всю историю существования этой, некогда вымиравшей народности, манси стреляли из мелкокалиберных винтовок, метали гранаты, играли в волейбол, соревновались в беге по пересеченной местности и т.д. Праздник прошел с исключительным оживлением.

5 мужчин и 18-летняя Соня Бахтиярова за отличную стрельбу на дистанцию 50 метров получили значки ворошиловского стрелка. Наибольшим успехом на празднике пользовалась игра в волейбол.

Подвижные, с натренированным глазомером, манси легко воспринимают спортивную технику. В метании гранат победителем вышел председатель туземного совета Владимир Бахтияров, бросивший гранату на 50 метров. В беге на 400 м. первым пришел к финишу Прокопий Бахтияров с временем—1 мин. Праздник закончился национальными плясками и пением.

Спортивный праздник будет теперь проводиться ежегодно. Кроме того, по решению общего собрания манси, 1 января 1936 г. состоится лыжный-праздник.

ПУТЕШЕСТВИЯ *по* книжкам и газетам

АРКТИЧЕСКИЙ ВЕЛОСЛЕДОПЫТ

Мы прошли Берингов пролив. Под азиатским берегом густо шел лед. В море киты выбрасывали фонтаны. Белый вельбот шел навстречу китам. Гребцы были одеты в белые балахоны. Вельбот походил на льдину. Это ловцы-чукчи подкрадывались к добыче. Из-за свирепых скал мыса Дежнева показались мачты радиостанции. На низком перешейке, отделяющем мыс Дежнева от материка, у самого Ледовитого моря, стояло несколько изб и чукотских яранг.

Селение называлось Уэллен.

Здесь находится один из районных центров Чукотского национального округа. Уэллен славится своими новыми советскими учреждениями и токарными мастерскими, где чукчи-художники вырезают изящные вещицы из моржовой кости.

Фактория мыса Дежнева, куда направлял свой путь наш пароход „Лейтенант Шмидт“, торгует торбазами, моржовой кожей, резными изделиями уэлленских мастеров и обычным ассортиментом севера: чай, сахар, табак, мука, мануфактура, ножи, топоры, пилы, оселки, оружие, патроны.

Сойдя на берег на мысе Дежнева у фактории, мы занялись выбором дорожных вещей.

Была туманная ночь, наполненная пасмурным серым светом. В деревянной сырой избе фактории с низкими маленькими окнами стоял сумрак. Заведующий факторией всю ночь отпуская товары. В факторию собирались все новые покупатели с нашего парохода. Расчет был общий. В ожидании конца торга, я пошел посмотреть склад. Везде валялись громадные бивни моржей, моржовые, лахтачи и нерпичьи шкуры, обувь из нерпы и камысов (шукрок с ног северного оленя).

Вдруг я заметил: в темном углу стоял обыкновенный дорожный велосипед. Здесь, на мысе Дежнева, такая находка была чрезвычайно странной.

Велосипед стоял в полной готовности, с откидной подставкой для вещей, с фуляром для инструментов. Шины были надуты. У него был такой вид, словно велосипедист только что поставил его, вернувшись с прогулки. Но кругом лежала страна, где велосипед был совершенно бесполезен. Ни по моховой влажной тундре, ни по крупной гальке узкой прибрежной полосы, не говоря о каменных горах, нельзя было проехать и десяти метров.

„Вероятно,— подумал я,— заведующий факторией привез с собой все свое городское имущество.— Вот чудак!“

На черной лакированной раме мелькнула маленькая дощечка из палевой кости. Я нагнулся. Уэлленские мастера вырезали на ней красными и синими штрихами белых медведей, моржей и нерп, в центре глобус, а внизу надпись:

*Путешественник вокруг света
на велосипеде Глеб Травин*

Смутное, как свет дежневской ночи, воспоминание мелькнуло у меня.

Я вспомнил ясно. Года полтора перед этим, в журнальчике ОПТЭ, на последней странице, ответной туристским чудачествам, я прочитал краткую радиogramму начальника радиостанции „Югорский Шар“.

„Зимней ночью, в пургу,— говорилось в радиogramме,— в дверь общежития радистов раздался сильный стук. Вошел человек в кожаной куртке, со сломанным велосипедом в руках. Он назвал себя кругосветным путешественником Глебом Травиным. У него была зеленая повязка и удостоверение какого-то захолустного отделения ОПТЭ“.

Я подивился не чудачеству, а тому, каким образом Травин добрался до Югорского Шара, вдобавок с велосипедом, который он нес на себе. И вот теперь этот знаменитый велосипед оказался здесь, на мысе Дежнева, на крайней восточной точке Советского союза!

Заведующий факторией рассказал, что путешественник приехал на нарте, с чукчами месяца три назад, сейчас живет у него и ждет разрешения выехать в Америку.

— Как-нибудь выхлопочите ему разрешение,— добавил заведующий.— Мне приходится кормить его за счет фактории, как у него написано в удостоверении. Денег у него с собой нет ни копейки.

Больше я не встречал Травина, так как в эту ночь он был в Уэллене, но впоследствии мне пришлось не раз слышать о нем от людей, видевших его в разных пунктах побережья Сибирского моря.

Однажды я поместил в газете маленький очерк о Травине. Очерк дошел до путешественника, „приземлившегося“, по его выражению, в Петропавловске-на-Камчатке. Он прислал мне свою биографию и фотографическую карточку с надписью.

„Физкультурник, турист вокруг света на велосипеде, Глеб Леонтьевич Травин — на производстве и физкультурном поприще. 1934 г.“

* *

Глеб Травин — сын крестьянина лесной деревушки Касьево, близ Пскова. Окончательно разорившись, старик Травин ушел в город и поступил дворником к тому самому купцу, у которого была в залоге его бедняцкая полоска. Часть заработка хозяин удерживал „на погашение нарастающих процентов“. Все же отец отдал старшего сына в школу.

Глеб Травин кончил школу уже при советской власти и поступил в университет. Учеба давалась ему легко. В каникулярное время он успел окончить вдобавок четырехмесячные педагогические курсы. Здесь он сблизился с одним учителем — естественником, изучавшим местную флору и фауну. С ружьем и фотокамерой Глеб Травин бродил по лесам и полям, учась находить среди знакомой природы новое и неизвестное для него.

Шел 1919 г. Все дальше откатывались белые армии. Глеб Травин вернулся в Псков и поступил

в губсовнархоз „организатором охотников Псковской губернии“. В свободное время он работал в слесарных мастерских в качестве „любителя подручного“ и, конечно, занимался спортом. В особенности он любил велосипед.

Он любил смотреть на дорожку, летевшую навстречу велосипедному колесу. Он был потомком лесных людей, которые таскали бревна, работали в страду по двадцать часов в сутки и годами стояли в окопах во время проклятой войны. Глеб Травин был силен и неутомим. Ему хотелось двигаться все дальше.

Земля, которую он увидел ребенком запертой четырьмя межами, державшая человека, как цепью, черным куском хлеба, вдруг стала своею, громадной и свободной. Тогда у Глеба Травина впервые родилась мысль о путешествии. Земля была отвоєвана у врагов, и новый хозяин хотел обозреть свои владения. Любовь к земле тянула крестьянина ковырять почву на своем клочке; теперь эта любовь увлекала юношу неизведанными просторами.

Старик Травин умер в 1920 г. в должности ночного сторожа и дворника одинокого потребительского общества. Смерть отца заставила Глеба Травина, старшего работника в семье, „приземлиться“ в Пскове. Пришлось из университета перейти в Псковский институт народного образования, чтобы совместить учебу с работой вблизи семьи.

Одного института для Травина было мало. В каникулярное время он кончает электротехнические курсы, подрабатывая в качестве электромонтера-практиканта.

Во время допризывной подготовки он стал еще больше заниматься спортом. Он все дальше уезжал на велосипеде, мечтая о непрерывном движении вперед, но все же возвращался к семье, пока его не призвали в ряды Красной армии.

В 1925 г. Глеб Травин поступил в школу командного состава. Он писал домой: „Познаю с гордостью военное дело, которое мне совсем легко дается“. На военной службе он продолжал систематически заниматься спортом и был переведен в специальное спортивное подразделение. Он хорошо развывался физически, работал слесарем в ремонтных военных мастерских, сдал экзамен на „хорошо“ и остался на сверхсрочную службу командиром взвода в той же школе.

После демобилизации, получив право бесплатного проезда на родину, Глеб Травин решил осуществить свою мечту о путешествии. Он назвал самый далекий от Пскова город в Советском союзе — Петропавловск-на-Камчатке. Приехав туда в качестве демобилизованного командира запаса, этот человек, получивший высшее образование, отверг все предложения заниматься комматным трудом, чтобы не потерять своей закалки. Он организовал артель из 9 человек бывших красноармейцев и пошел заготавливать дрова. Затем он обучил членов своей артели ремеслу электромонтеров, занявшись оборудованием осветительной сети, которой до этого в Петропавловске-на-Камчатке не было.

Здесь Травин впервые увидел огнедышащие вулканы, горы, нетронутые леса. В свободное время он исколесил окрестности Петропавловска, всюду таская с собой велосипед.

Скопив денег, он разработал маршрут путешествия на север к Берингову проливу и в Аляску. Но здесь он столкнулся с полным недоверием в возможность передвижения по Камчатке, да еще на велосипеде.

Тогда велосипедист изменил план путешествия. Он сел на первый пароход и отправился во Владивосток. Прежде чем совершить путешествие вокруг света, он решил объехать вокруг Совет-

ского союза, „чтобы подготовить организм ко всевозможным осложнениям“.

* * *

Из Владивостока Травин двинулся на своем велосипеде вдоль южной границы Сибири. „Несмотря на всевозможные природные и естественные препятствия,— рассказывает он,— переход совершаю ежедневный, не менее восьми часов в сутки. Питание строго по распорядку: в 6 часов утра и в 6 часов вечера. Запаса с собой нет, кроме неприкосновенного, заключающего в себе три фунта галет и килограмм шоколада. Одежда облегченная, без головного убора.

Путешественник, действительно, выглядел довольно странно. Представьте себе парня в легких полуботинках, шерстяных чулках, рейтузах, кожаной куртке с воротником, а на голове, вместо шапки, копна волос и на лбу лаковый козырек на ремешке, чтобы пряди не лезли в глаза.

Настала зима с крепкими морозами и глубоким снегом. Под веселый собачий лай велосипедист въезжал в большие сибирские села, еще чаще он тащил велосипед на себе.

Весной он достиг Новосибирска и стал спускаться к югу. Холод сменился жарой, снег — сыпучими песками. Травин ехал, пополнив свой „неприкосновенный запас“ флягой с водой, строго выдерживая установленный режим. Если селение встречалось раньше, чем по расписанию, он обходил его стороной. У него не было ни денег: ни оружия, и он чувствовал себя в безопасности, поживиться у него было нечем.

В крупных населенных пунктах путешественник аккуратно регистрировал свой документ, чтобы „зафиксировать действительность продвижения“. Отношение к нему здесь попрежнему было „ироническое“.

Очутившись в степях и пустынях, он испытывал большую потребность в точных приборах для ориентировки, так как кроме часов и примитивного компаса у него ничего не было, но никто не пошел ему навстречу.

Обогнув южную границу Советской Азии, Травин поднялся в Москву. Здесь в центральном совете ОПТЭ, по выражению Травина, отнеслись к нему с „презрением“, спутав, очевидно, инициативу с индивидуализмом, а „ВСФК“ „более доброжелательно“, снабдив его новыми велосипедными вкормышками.

Путешественник вокруг света решил, что делать ему в Москве нечего, так как прогулка Владивосток — Москва — сущие пустяки.

* * *

На второй день после приезда велосипедист выехал из Москвы, „держа курс на Псков, Ленинград и Карелию“. Стояла северная осень. По глинистым проселкам и лесным тропам, иногда вдоль железнодорожной линии, велосипедист упорно двигался к северу через грязь, дождь и горы. За полярным кругом наступили морозы. Путешественник заметил, что одетая мхом тундра замерзала медленно, а реки и озера быстро схватывались молодым льдом.

Ровный, только что образовавшийся лед, по словам Травина, заменял ему „асфальтовые мостовые центра“. Он еще в Сибири натренировался определять крепость молодого льда, пользуясь для велосипедной езды замерзшими реками.

— Провалишься! — возбужденно махали руками карельские рыбаки, видя необыкновенного велосипедиста на выгибающемся ледяном помосте

огромного озера. Но велосипедист ехал быстро и на этот раз ни разу не провалился.

С первым снегом он „заявился“ в Мурманск, зарегистрировал свой приезд в окрисполкоме и немедленно выехал дальше, на восток, через Архангельск. Здесь к нему впервые отнеслись „с некоторым уважением“ и выдали карты, компас и прочую мелочь.

Путешественник выглядел довольно странно.

Из Архангельска Травин отправился на Печору, держась притоков Северной Двины и Мезени. Здесь он встретил первое серьезное препятствие на своем пути — глубокий рыхлый снег. Ехать на велосипеде, по большей части, было невозможно. Травин шел на лыжах, таща за собой велосипед, также на „лыжной установке“. Дневные переходы с каждым днем сокращались. Поэтому достигнув Печоры, он решил итти к Югорскому Шару напрямик, морем, чтобы избавиться от снега.

Чем дальше от берега, тем меньше снега. Морские ветры уносят снег со льда или превращают его в твердый „убой“. Бросив ненужные лыжи, Травин поехал на велосипеде по льду. В первое время он делал в день „до 75 километров, выдерживая направление по компасу, несмотря на снегопад и плохую видимость“.

В последнем селении на этом пути, близ устья Печоры, Травин взял запас галет и немного сливочного масла, а свой велосипедный костюм заменил меховым комбинезоном и камышными торбазами. Он выдерживал дисциплину движения, как прежде, — восемь часов в сутки и дисциплину питания — в 6 часов утра и в 6 часов вечера.

Свирепые полярные ветры и метели задержали его в море, на льду часто выступала морская вода, поднятая северным ветром, скорость движения уменьшилась в несколько раз. При всей экономии продуктов, от галет и сахара и масла скоро ничего не осталось, так что „долгое время пришлось иметь скудное питание — полплитки шоко-

лада и неограниченное количество снега“. Голодный, он зарывался в снежный бугор, скопившийся у торося, где застигал его вечер.

Новый меховой костюм в первый же день показал свои отрицательные качества. Меховая одежда и обувь хороши тогда, когда их можно ежедневно просушивать. На пути Травина не было плавника. Днем, во время езды, он сильно потел в излишне теплой одежде, шерсть быстро выпревала и ключьями оставалась в берлогах его ночевок. Обувь так раскисла от пота, что ее нельзя было снять без риска разорвать окончательно. Во время ночного отдыха между портянкой и камысами намерзал слой льда.

Однажды во время одной из таких ночевок, на полпути от устья Печоры до Югорского края, из-под тяжелой льдины, рядом с которой спал Глеб Травин, зарывшись по обыкновению в сугроб, выступила вода и пропитала снег. Сильный мороз быстро превратил его в одно целое с торосям. Путешественник проснулся в ледяном склепе. Шерсть его комбинезона вмерзла в лед. К счастью, нож оказался на поясе под меховой одеждой. Благодаря исключительной изворотливости, Травину удалось освободиться от ледяной хватки, но вся шерсть его комбинезона осталась во льду.

На нем же осталась рваная облезлая шкура, в которой он походил на „морское чудовище“, а между комбинезоном, свитером и рейтузами образовался ледяной панцирь, что отчасти предохраняло от ветра.

Обувь пришла в полную негодность, подошва прорвалась у обоих носков. Травин шел, ступая на лед голыми пальцами, — снять и подвернуть что-либо не было возможности, ибо обопрелый камыс был настолько слаб, что распался при малейшем прикосновении.

„Как результат первой борьбы с северной стихией, — пишет Глеб Травин в своем сжатом, скупом и лишенном всякой рисовки письме, — получил обморожение ног и при первой встрече с людьми на острове (повидимому, на о. Долгом) в ненецком обиталище ампутировал сам себе оба больших пальца. Добродушный ненец предлагал мне поехать на оленях до стойбища в тундру, где бы я смог подкрепиться и немного залечить ноги, но я не согласился, стремясь скорее попасть на радиостанцию в Югорском Шар“.

Ненец дал путешественнику новые торбаза и короткую кухлянку. Смазав раны глицерином и забинтовав разорванным носовым платком, Травин двинулся дальше, неся на себе сломанный велосипед. В таком виде, в полярную ночь и пургу, он постучался в двери районной гидро-метеорологической станции у восточного края пролива — „Югорский Шар“.

* * *

Зимовщики отнесли к велосипедисту очень заботливо. Врач радиостанции оказал ему медицинскую помощь. С особенной же теплотой Травин вспоминает о механике радиостанции, который „принял всемерное старание в части ремонта“ сломанного велосипеда“...

Пока Глеб Травин чинил свой велосипед и замороженные ноги, наступила весна. Лето 1930 г. было безледным в южной части Карского моря. Травин увидел, что если ждать, пока оно замерзнет, пройдет половина зимы. Он явился на ледокол „Ленин“, возглавлявший Карскую экспедицию и попросил переправить себя через открытую воду.

Начальник морской части Карской экспедиции Н. И. Евгенов, узнав о намерении велосипедиста проехать вдоль полярного побережья Сибири до

мыса Дежнева, стал его отговаривать от этого отчаянного предприятия.

— Нет,— ответил Травин,— я решил пройти и ядрю.

Евгенов встал, пожимая плечами.

— Представляете ли вы опасности, которые вам предстоят?— закричал Евгений.

— Если вы не перевезете меня через Карское море, мне придется переезжать его на велосипеде, а это, действительно, опасно,— заметил Травин.

Начальник экспедиции махнул рукой. Он не привык попусту терять время. Видя бесполезность своих слов, он взял с велосипедиста подписку, что ему действительно „известны все затруднения с какими он может встретиться на пути“, и обещание не огигать Таймыра пустынным берегом моря, а итти напрямик с тем, чтобы выйти к поселку в устье Хатанги. Травин согласился, испугавшись, что в противном случае ему вообще не разрешат двигаться дальше.

Через несколько дней Евгений высадил Травина на берегу острова Диксона, близ радиостанции.

Авиатор Б. Чухновский, участвовавший в ледовой разведке той же Карской экспедиции 1930 года, показал мне впоследствии фотографию, снятую им самим, изображавшую Глеба Травина вместе с его велосипедом и кожаной курткой на фоне тундры и знакомых россыпей камней острова Диксона.

Последние корабли Карской экспедиции ушли по зеленому волнам моря, на которых в то лето не сверкало ни одной льдинки. Улетели аэропланы. Потемнели ночи. Мороз сковал узкий пролив, отделяющий остров Диксона от материка. Когда тонкий лед стал достаточно крепок, Травин простился с зимовщиками радиостанции и поехал на велосипеде вдоль берега Ледовитого моря.

Здесь, от мыса Северо-восточного до Пясины, берег тянется почти прямо на восток. „Вступив на Таймырскую землю“, Травин получил, по его словам, „боевое крещение“. Через Пясинскую дельту ему пришлось переходить по только что застывшему льду. Ехать на велосипеде из-за сильного ветра было невозможно. Он шел рядом с велосипедом, уложив на него большую часть груза и привязав к раме веревку, другим концом которой опоясал себя.

На середине рукава лед стал значительно тоньше. Травин шел, осторожно держа велосипед подальше от себя, чтобы занять возможно большую площадь своим весом. Несмотря на исключительную предосторожность, лед все-таки провалился, и велосипедист погрузился в воду.

„Течением тащит под лед. К счастью, упавший на бок велосипед остался на льду. Пользуясь предохранительной веревкой, стараюсь выбраться, но лед не держит и продолжает ломаться. Одежда быстро промокла. Силясь облегчить себя, я сбрасываю свои доспехи — фотоаппарат с принадлежностями и приборы для метеорологических наблюдений, которые были укреплены на одном ремне, через плечо. Все это падает не на лед, а в воду, так как руки начинают уже замерзать.

„Напрягая последние силы и, ухватившись за велосипедное колесо, вылезая на крошку льда. До обоих берегов рукава одинаково далеко, поэтому решил продвигаться вперед ползком, огигая поляны и отпустив велосипед на более длинный буксир.

„Я замерзал на ледяном ветру, выбравшись из воды, а когда добрался до противоположного берега, то жар преодолел холод и, упав на скопившийся под берегом снег, я прежде всего стал утлять им жажду.

„Отдохнув немного, я сбросил с себя одежду, чтобы выморозить ее, а сам закопался в снег, продолжая растирать конечности тела“.

Путь через Таймыр Глеб Травин изображает полным самых „приятных“ находок.. Недалеко от места своего „крещения“ он нашел груды освежеванных оленьих туш. Здесь же были сложены оленьи шкуры. Наевшись, он отлично провел ночь, на этот раз не в снегу, а в теплых „постелях“ и, с рассветом, „бодро двинулся дальше, придерживаясь русла рек“.

Првалились!— возбужденно махали руками карельские рыбаки, видя необыкновенного велосипедиста.

В зимнее время тундра высоких широт покрывается твердым покровом уплотненного ветрами снега — „убоем“. Этот снег отлично держал велосипедиста. По берегам всюду встречались „пасти“ — ловушки для песцов. Вскоре на свежем снегу стали попадаться следы оленей, которые привели путешественника к чумам народа тундры, еще не откочевавшего на юг.

„Ненцы на голову выше высококультурных людей в смысле гостеприимства“, пишет Травин, вспоминая, с каким трудом ему приходилось добывать себе пропитание в Сибири.— „Отношение ко мне было самое заботливое, где бы я ни появлялся среди этих людей“.

На пути Травин не раз встречал склады оленьих туш и шкур. Промысел на дикого оленя был удачным. Ненцы стреляют диких оленей осенью, при переправе их через реки. Когда снег начинает затвердевать, олени стадами уходят в тайгу, в поисках рыхлого снега, позволяющего откапывать ягель.

На каждого охотника приходилось по 200—250 штук. Захватив с собой столько, сколько они могли взять, охотники оставляли большую часть добычи про запас, а вернее, на корм полярным волкам и другим тундровым хищникам. Встречались и целые склады — караваны выставленных в ряд нагруженных нартов, оставленных близ мест летнего промысла и кочевков.

Здесь можно было найти все необходимое для жизни, начиная от шкур оленей и готовой одежды и кончая оружием с запасом патронов. Еще чаще встречались „ледовки“ — одиночные ненецкие погребения, со всем скарбом покойника. Словом, тундра оказалась вовсе не такой пустынной, какой она представлялась раньше.

* * *

Наступала полярная ночь. Солнце показалось на юге только в полдень, красное и холодное. Медленные сумерки снова сменялись темным небосводом, но полярная ночь была всегда насыщена мягким светом, собранным бескрайним зеркалом снежного покрова. Путь освещали необыкновенно яркие звезды, похожие у горизонта на далекие костры кочевий.

Почти непрерывные северные сияния развевали светлую игру, охватывая своими пламенными пологами, мечами и туманностями все небо.

На карте Глеба Травина его дальнейший путь изображен им вдоль берега Ледовитого моря. Маршрут идет от устья Хатанги к устьям Анабары и Оленека, затем круто поворачивает в море, огибает Сагастырь, сворачивает к Быкову протоку дельты Лены, где погиб де-Лонг с частью экипажа „Жанетты“, и мимо бухты Дикси, в то время необитаемой, проходит в Усть-Янск. От Яны до Игарки путь Глеба Травина пересекает тундру вдоль обычного оленного „тракта“.

Травин закричал на медведя, и тот ушел.

О всем этом огромном участке, длиной около 2000 километров, пройденном в самое темное время года, Травин ничего не написал. Повидимому, здесь с ним ничего не случилось, подобного купанию в Пясино или вмерзанию в торосы близ Нечоры. Он упоминает лишь, что в поселках, расположенных в устьях сибирских рек, ему везде „оказывали содействие“. Затем он опять уходил в море,

в одиночество... „И рад тому, что хоть след медведя найдешь, и еще больше обрадуешься, когда удасться убить полярного богатыря и насытиться вдоволь“.

В Верхоянске, в январе 1932 года, возвращаясь санным путем с зимовки „Лейтенанта Шмидта“ у мыса Певэк, в Чуанской губе, я встретил участников Индигирской экспедиции Наркомвода от которые рассказали мне, что Травин приехал в селение Русское Устье в начале 1931 г. (на оленях) и жил там месяца два.

В Русском Устье ему дали собак и нарту. Он двинулся сперва на Колыму „горой“, обычным путем индигирцев, но где-то, довольно далеко Русского Устья, кажется, у горы Северный Парнас, свалился с обрыва и сломал нарту. Его нашли промышленники и вернули в Русское Устье. Через несколько дней Травин снова выехал на восток, на этот раз морем.

Выехав в море, Травин направлял свою нарту на отдаленные мысы, поднимавшиеся в ледяной пустыне. Так он достиг Медвежьих островов. Не заезжая в Колыму, он взял курс прямо на восток, пока ему не открылся высокий мыс Шелагский.

„На пути к Чуанской губе, — рассказывает Травин, — я убил старую белую медведицу. Длина снятой шкуры — 6 шагов. Двух маленьких медвежат удалось взять живьем. В течение пяти дней медвежата были моими спутниками. Один из них, постарше, раньше начал брать мясо из рук и сосать палец. Но так как заниматься с обоими было довольно трудно, то, когда вышло все мясо, пришлось старшего убить, а младшего я притащил с собой на факторию мыса Певэк.“

Мне хотелось отправить медвежонка на материк, но шаманы сказали, что за медвежонком уйдут все медведи и промысла не будет. Поэтому заведующий факторией Семенов, который сначала обрадовался медвежонку, не захотел с ним возиться. Я же имел предположение двинуться на о. Врангеля и не мог взять медвежонка с собой. Пришлось его съесть.“

* * *

В чукотском селении, у мыса Шелагского, лежащего у восточного вход в Чуанскую губу, Травин видел учитель чукотской национальной школы т. Форштейн, с которым я встречался потом в Нижнеколымске и на пароходе „Колыма“.

В один из ослепительных дней в палатку учителя вбежало несколько чукчанок, крича, что к селению подъезжает „эпопелин“, то-есть поп. Они еще помнили миссионера, умершего несколько лет назад в соседнем селении, против острова Раутан.

Учитель вышел встречать приезжего. К нему подошел высокий, атлетического сложения, молодой человек, с длинными, как у попа волосами. „Беглый“, — подумал учитель, неприязненно глядя на гиганта, но тот мирно показал свой значок ОПТЭ и представился:

— Путешественник вокруг света на велосипеде Травин.

Велосипед лежал на нарте, так что путешественнику негде было сесть. Повидимому, он все время бежал вместе со своей индигирской упряжкой.

Учитель не решился пустить путешественника в свою палатку, так как он был грязен, и предложил пыжиковый спальный мешок. Путешественник был в легкой куланке поверх кожаной куртки.

Он с улыбкой согласился переночевать в пустой холодной яранге. По его мнению, он давно не пользовался таким комфортом.

Между Хатангой и Оленеком его застигла метель. Он шел пешком, таща за собой нарту, съедая в день по плитке шоколада. Поэтому метель свалила его. Он заснул и его занесло снегом, который от ветра стал твердым, как лед. Травин не знает, долго ли он спал так или был без сознания под снежной застругой. Помнит лишь, что он лежит на мягком песке, на берегу речки, заснул и вот солнце выглянуло из-за облаков и разбудило его. Он открыл глаза.

Белый медведь разгреб снег и сильно тянул воздух в черные ноздри, засунув голову в его ледяное убежище. Человек выскочил из своего разрытого снежного убежища, споткнулся и упал, но не растерялся, а закричал на медведя, и тот ушел. Травин отгрыл нарту со своим велосипедом и пошел дальше.

— Чем же вы занимались дорогой? — спросил учитель. — Я хочу сказать, вели вы какие-нибудь наблюдения, делали записи?

— У меня есть минимальный термометр, — ответил Травин. — Я записываю температуру. Мне сказали, что минимальный термометр имеет большое научное значение...

Переночевав, путешественник поехал дальше, к мысу Дежнева, единственный путь к которому от мыса Шелагского лежит вдоль Чукотского побережья Ледовитого моря...

* * *

Мои товарищи рассказывали о Глебе Травине с улыбкой. Были и такие, которые вовсе не верили в его путешествие вдоль полярного побережья Евразии. В большинстве случаев скептиками были известные полярники, испытавшие силу арктических пург. Но теперь сомневаться в реальности его подвига было нельзя. Травина видел в течение шести-семи месяцев в Югорском Шаре, на Диксоне, в Хатанге, Русском Устье, на мысе Шелагском, в Уэллене и никто не видел на Колыме, устье которой он объехал морем.

Другие считали, что велосипед служил ему всего лишь „бесплатным проездным билетом“, что на самом деле его везли нарты, эвенки, якуты и чукчи, а это не такое уж „достижение“.

На прямо поставленный вопрос Травин ответил письмом, в котором подтвердил, что от Яны до Индигирки он ехал на оленях, так как велосипед был испорчен.

„В Русском Устье, — писал он, — велосипед отремонтировал плохо, поэтому и решил взять с собой собак, рассчитывая на зимовку в любом месте. Выйдя в море, питался исключительно сырым мясом зверя, нерпы и рыбы, без соли и хлеба. Чай пил только тогда, когда был среди людей. В пути утолял жажду снегом и льдом. Распорядок дня всегда держал один и тот же: еда в 6 часов утра и в 6 часов вечера, собак же, как обычно, кормил раз в сутки, перед ночным отдыхом. Когда долго не удавалось найти зверя, то и сам, и собаки по несколько дней были голодны.“

„Впрочем, имея собак, очень часто ехал в море на велосипеде. Измученные собаки бежали бодрее, догоняя меня по гладкому ледяному полю. Но когда попадались сжатия льдов с нагроможденными ледяными дамбами, то здесь и мне и собакам попадало больше, чем можно представить. Карабкаешься на одно нагромождение, а за ним второе, и так десятки километров тянутся ледяные горные цепи. Шум и треск льда все время заставляет настораживаться и быть готовым очутиться в трещине, нередко замаскированной снегом. В более опасное место вожатый собак никогда не пойдет, а про-

двигаться необходимо, остановится — значит отказаться жить...“

Не трудно вообразить, каких трудов стоило Глебу Травину и его собакам передвигаться по льду, если вспомнить, что гряды торосов в море, между Колымой и мысом Шелагским, достигают высоты пятиэтажного дома.

Приходится пожалеть, что Травин не вел в пути необходимых научных наблюдений и что никто из встречавшихся с ним не побудил его к этому. Между тем он мог бы определить, по крайней мере, расположение ледяных хребтов, указывающее направление нажима, силу и направление течений в полыньях и т. п. Подобные наблюдения представляли бы несомненный интерес, так как район, где был Травин, никто не посещал зимой более ста лет.

* * *

На одном из Медвежьих островов, лежащих против устья Колымы, Травин видел остатки разрушенных строений, упоминаемых многими путешественниками и до него. Еще в 1720 г. промышленник Иван Вилегин нашел здесь „старые юрты и признаки, где прежде юрты стояли“. В 1924—1925 годах у острова Четырехстолбового, принадлежащего группе Медвежьих островов, зимовала экспедиция Амундсена на судне „Мод“. Участник ее, норвежский ученый Свердруп, обнаружил здесь курганы, каменные наконечники гарпунов и другие предметы первобытной культуры.

В декабре 1931 г., в Нижнеколымске, один промышленник рассказал мне, видимо, со слов жителей фактории мыса Певэк, где он был, что Травин „наехал далеко в море на следы нарты“. В этом не было бы ничего заслуживающего внимания, если бы не напоминало историю сержанта Андреева, посланного по приказу сибирского губернатора искать землю, лежащую, по рассказам чукок, к северу от их земли.

В 1763 и 1764 годах Андреев ездил в море по льду на поиски этой земли из Нижнеколымска. С Медвежьих островов Андреев будто бы увидел далеко в море землю и поехал к ней, но возвратился, наткнувшись на следы нарты и оленей, которые счел принадлежащими другому неведомому и страшному народу, „единственной пищей коим служит снег...“

Возможно, как полагает профессор Визе, что известие это было приписано Андрееву, но нет ничего невероятного в том, что он действительно видел „землю“ и тем более следы. На мокром, пропитанном морским рассолом, снегу отпечатки полозьев замерзают и сохраняются годами. Прибрежные льдины с такими следами может унести в море очень далеко.

* * *

Наступила арктическая весна. Солнце все выше поднималось над льдами. Солнечный свет радовал путника, но в то же время весна создавала и новые препятствия. Лед местами отошел от берега. Начала образовываться береговая прогалина.

„Во избежание частого купания“, выражаясь языком Травина, он в третий раз удалился в пустынные льды моря. Высокие торосы закрыли берег. Он не боялся ни великого их молчания, ни внезапного грохота. Пурга и солнце были одинаково враждебны. Он плутал в лабиринте льдов, ничего не видя в метушихся струях норд-веста, чтобы выбраться в сверканье и тишину непрерывных надледных озер, образовавшихся от тающего снега...

„Слой воды на льду, запыленный снегом, достигал местами 30—40 сантиметров, а дальше стал

доходить до одного-полутора метров глубиной. Здесь форменным образом приходилось переплывать, таща за собой груз. Выбравшись на сухой лед, раздеваюсь, проветриваю вымокшую одежду и двигаюсь дальше. От мыса Биллинга делаю попытку держать курс на остров Врангеля..“

Остров Врангеля издавна пользовался репутацией „легко видимого, но трудно достижимого“. Чукчи, рассказавшие Врангелю о существовании земли к северу от чукотского побережья, „утверждали, что сами видели ее в ясные летние дни с места, называемого Якань“. Чукотский старшина, Камакай, считал, что горы, видимые через пролив, принадлежат одному из выдающихся мысов этой земли, по его мнению обширной и обитаемой, так как в прежние времена оттуда приходили стада оленей, но Врангель не мог проверить его слов.

В таком виде он постучался в двери районной гидро-метеорологической станции.

Травин оставался несколько дней на краю льда, не желая сдаваться сразу, ибо туман и пурга мешали ему ориентироваться. Дождавшись хорошей видимости, он убедился, что противоположный край льда, едва заметный в подзорную трубу, недостижим для него, и повернул на восток, мечтая изобрести приспособление, с помощью которого можно было бы плавать на велосипеде по воде.

„Если, например, укрепить между рамой достаточной величины прорезиненный баллон, надуваемый при надобности, и приспособить к заднему

колесу гребные лопасти, то можно было бы справиться с полыньями..“

Треск льда прерывал его мечтания. Ледяное поле, по которому он двигался, отошло от берега и только ледовитый норд-вест, господствовавший в тот год, помог ему выбраться на сушу.

„Правда, не обошлось без холодной ванны“, лаконично заканчивает он свои записки.

Добравшись до Уэллена, Травин соорудил на мысе Дежнева каменный знак „в память северного перехода“, — единственная дань своему тщеславию. Там, под камнями, он положил отслужившие свой срок велосипедные покрышки и, в согласии с полярными традициями, краткую записку о своем пути.

Но он не думал почитать на лаврах.

Весь этот многотрудный и долгий путь, пройденный на велосипеде, он считал лишь началом путешествия... Как уже говорилось, в Уэллене он добивался разрешения на выезд в Америку. Он посылал телеграммы в Москву и в Петропавловск-на-Камчатке.

Для полного удовлетворения ему надо было проехать вдоль западного берега Америки, обогнуть Огненную Землю и Южную Америку, пересечь Сахару и Аравию, побывать в Индии и Китае, вернуться в Тибет и Монголию и тогда только, по Чуйскому тракту, вернуться в Сибирь.

Не знаю, дошли ли его московские телеграммы по назначению, но из Петропавловска ответ пришел скорый и решительный. Ему предложили сесть на первый пароход Чукотско-Анадырского рейса и вернуться к своей исходной точке — в Петропавловск-на-Камчатке.

„Путешественник вокруг света на велосипеде“ не вернулся на свою родину. Его одинокий подвиг никем не был прославлен. Травин остался у берега океана, однажды поманившего его в путь. Он остриг свои длинные волосы, снова отказался от разных должностей, которые ему предлагали, и поступил монтером в электростанцию. Он женился. Теперь в Петропавловске растет еще один маленький Травин.

Но неудачи, непризнание, семья, — все это только передышка.

„Утро морозное, — писал он мне с берега Авачинского залива, — днем прекрасная видимость. Бухта слегка волнуется. Взломанные береговые льды сгруппировались у ворот. Чикает лесонильный завод, выбрасывая строительный материал. Трактора, тарактя, подбирают перегруженные сани и напряженно тащат на стройку по обледенелому камчатскому шоссе. Воют нагруженные автомашины. Всюду кипит жизнь, все торопится воспользоваться солнцем.

„Но это ненадолго.

„В конце дня пурга и слякоть — предвестие передышки на несколько дней. Завывание ветра наводит на грустные размышления.

„Вспоминаю одиночество и трудности северного пути и невольно успокаиваюсь тем, что после наступления и в Арктике наступает иногда чудесная погода. Так и моя передышка должна прекратиться и я двинусь к экватору с тем, чтобы преодолеть еще несколько препятствий. Силы воли и настойчивости хватит, а желания еще больше, чем это было при первом выезде.“

Вот и все, что можно сказать о Глебе Травине — этом замечательном и оригинальном полярном путешественнике.

По очерку В. Итина. журн. „Сибирские огни“

на поверхность при помощи небольших резиновых понтонов. Эти „подводные воздушные шары“, раздуваясь, потянут за собой шпангоуты, богатую медную обшивку корабля и замечательные его украшения.

Много сюрпризов встретят водолазы в помещении векового фрегата. В частности работу советских подводников сильно затрудняют осьминоги. Головоногие чудовища нашли себе спокойный приют под старым кораблем. Опускаясь на дно, водолазы предварительно устраивают взрывы. Пугаясь грохота, отвратительные хищники уползают прочь.

К осени фрегат будет поднят.

Итак, спустя восемьдесят лет, наконец, раскроется тайна гибели „Паллады“.

С момента потопления фрегата царское правительство ни разу не задумывалось над вопросом — возможно ли спасение корабля. Дальневосточные соседи — японцы — пристально следили за событиями в Императорской бухте¹. Недавно удалось обнаружить любопытный документ, рассказывающий о том, какие серьезные намерения имели японцы насчет фрегата „Паллада“.

В конце 1912 года японцы хотели извлечь из воды прославленный российский военный корабль. В Японии организовалась комиссия по подъему фрегата во главе с морским чиновником Кудо, который в то время занимал пост начальника конторы по морским делам в городе Отару, на острове Хокайдо.

Японское правительство охотно согласилось на предложение Кудо, и компания обратилась к российскому послу в Японии за разрешением.

Царский посол изъявил согласие, но поставил одно наивное условие: если на поднятом судне окажутся ценные для истории российского флота вещи, то они должны быть переданы в распоряжение правительства России. Кудо с готовностью согласился и отправил свою экспедицию.

течение долгого времени нские водолазы шныряли по гарскому проливу. Глава компании Кудо опубликовал единственное сообщение, доказывающее, что его водолазы нашли фрегат. Кудо заявил:

„По словам водолазов, опускаясь на морское дно и осматривающих затонувшее судно, остов судна испорчен незначительно; с палубы же сняты или может быть, смыты многие

части, но зато внутренность фрегата осталась в полной неприкосновенности, нетронутой. Я не ожидаю, что поднятие старинного русского судна принесет мне большую прибыль. Должен заметить, что, взявшись за поднятие этого старинного судна, я руководился не одними лишь материальными выгодами. Нет, в моих планах было и нечто другое. Я уверен в том, что моя затея принесет некоторую пользу нашему судостроению и, кроме того, даст Японии ценный памятник старинного военного судостроения“.

Не оставляет никакого сомнения, что в планах японской экспедиции, помимо подъема фрегата „было и нечто другое“, ибо Кудо так и не поднял „Паллады“. Она осталась на дне.

В прошлом году советские подводники обнаружили фрегат, и теперь в два месяца корабль по частям будет перевезен во Владивосток.

Исторические справки о фрегате „Паллада“

В журн. „Морской сборник“ за 1856 г., № 1, в статье о плавании фрегата „Паллада“ в 1852—1854 гг. сказано, что фрегат 22 мая 1854 года достиг бухты, назначенной адмиралом Путятиным для его зимовки“.

В статье В. К. Истомина „Адмирал И. С. Унковский — рассказы из его жизни“ в журнале „Русский архив“ за 1887 г., т. 2, стр. 128—129, говорится:

„Отслужившую „Палладу“ решено было затопить, дабы она не попала в руки неприятеля, а командира и команду сухим путем отпустить в Европейскую Россию. Старую „Палладу“ сначала думали затопить на Амуре, но за мелководьем это оказалось невозможным. Тогда ее ввели в Императорскую гавань, разоружили и затопили.

„Так, по словам И. А. Гончарова, „Паллада“ и кончила свое существование в этой бухте. От нее оставалось одно днище, которое вероятно пригодились нашим людям, содержавшим там пост“. „Добавлю от себя, пишет дальше Истомин, что бывший командир клипера „Наездник“ Л. К. Кологерас, в 1885 году вернувшийся из кругосветного плавания, в моем присутствии рассказывал И. С. Унковскому, что он еще видел это днище, но посетивший в 1886 году порта Дальнего востока управляющий морским министерством И. А. Шестаков уже не нашел следов некогда воспетой Гончаровым „Паллады“.

„Пушки с „Паллады“ были перевезены на берег и послужили

для устройства береговых батарей. Все это происходило в сентябре 1854 года“.

Охота за китами

От берегов Камчатки до Северного Ледовитого океана, от Кроноцкого залива до мыса Сердце-Камень промысляет советская китобойная флотилия. В составе флотилии — пловучий завод для обработки китов „Алеут“ и три судна-китобойца.

Флотилия движется по Великому океану, мимо Командорских островов и бухты Провидения в Арктику. Три китобойца расходятся в разные стороны. На передней мачте в бочке, высоко над палубой, сидит боцман Кузнецов — он следит за горизонтом, ищет китов.

Китобойцы выходят на охоту, когда волнуется море. Охотники за китами, пожалуй, единственные люди, которые встречают штормовые дни с радостью. Океан в это время становится черным и зловещим. Белые фонтаны китов видны за несколько миль. Кузнецов видит кита издали. Он кричит:

— Справа по носу!

Тогда капитан китобойца Зарва дает команду: „Полный, вперед!“ Китобоец идет в догонку за китом.

Кит не подозревает опасности, безмятежно играет с волной. Он ныряет и вновь всплывает на поверхность, похлопывая хвостом по волне.

Замедляя ход, осторожно подкрадывается китобоец. Гарпунер стоит у гарпунной пушки — широкого короткоствольного оружия. Он прицеливается, выжидает и вновь прицеливается. Все на китобойце замирают. Судно подходит ближе, и гарпунер стреляет: острый гарпун вонзается в огромное тело кита.

Вместе с водяными пенястыми фонтанами из раны вырывается коралловый кровавый поток. Жирные кровавые пятна распливаются по волнуемому морю. Кит начинает захлебываться своей кровью, биться в агонии. Гарпун, парализуя кита, привязан к борту китобойца. Кит смертельно раненый, пытается уйти.

Сейчас нельзя отставать от кита. Капитан Зарва стоит на мостике и командует: „За китом полный вперед!“ Но предсмертный бег кита продолжается недолго. Измученный, обескровленный, с разорванным нутром, он еще пытается бороться со смертью. Он набирает воду, но не может освободиться от нее. Он бьет широким хвостом по

(Продолжение см. на 4 стр. обложки).

¹ Так называлась до революции Советская бухта.

волне, но это уже еле заметный, совсем слабый удар. Через несколько минут кит останавливается, вздрагивая всем телом, словно от холода.

Китовую тушу подтягивают к борту судна. Специальным компрессором накачивают в тушу кита воздух — возвращают ему пловучесть. Потом укрепляют над китом красный флажок и оставляют огромную тушу пока в океане.

Китобоец идет за новой добычей.

Набив двух-трех китов, их туши перебрасывают мощными подъемными кранами в носовую часть судна.

С а л о. Оно идет огромными тубами в горловины жиротопного завода. Жир промывается, варится, очищается, сортируется и сливается в баки.

М я с о кита идет в посольный и консервный заводы, где оно консервируется и упаковывается в банки.

Г о л о в а. Машинки подают ее в котлы. Голова кашалота¹ дает высококачественный спермацетовый жир, идущий на производство духов и одеколона. Голова кашалота зовется здесь „парфюмерией“. Все используется, ничто не пропадает. Кости идут в котлы, они также дают жир.

К и т о в ы й у с. Он срезается, моется, очищается укладывается в пакки и упаковывается. Весь китовый ус экспортируется за границу на корсетные фабрики.

К а ш а л о т о в ы й з у б. Из огромной челюсти кашалотов зубы вырывают щипцами, затем обмывают, чистят и упаковывают в ящики. Из них делают прекрасные костяные изделия.

Борьба с грозными „силиями“

Ежегодно в июне-июле население столицы Казакстана — цветущего города Алма-Аты — находится под угрозой „силы“ т. е. грязекаменного потока с Ала-Тау.

Такой поток в 1921 г. прошел через город и разрушил до 500 домов, при чем погибло около 500 чел. По количеству жертв это самая большая катастрофа в известной геологам истории „силей“.

Подобная же катастрофа произошла и в 1931 г. Однако, на этот раз, „сила“ дошел только до дома отдыха Медео, в 15 километрах от города.

Громадные валуны, в роде ледниковых, до сих пор разбросаны по городу в тех местах,

где проходил „сила“. Теперь они используются для мощения улиц.

Как возникает „сила“? Как защищать и предупреждать город от грязе-каменных наводнений? Для этого нужно обстоятельно изучить протекающую через город реку — Малую Алма-Атинку, научиться предвидеть ее паводки и обследовать гидро-метеорологические условия за линией вечных снегов Ала-Тау, где у истоков Малой Алма-Атинки залегает мощный ледник Туок-Су. Вдоль долины этой реки и спускаются с гор грязе-каменные потоки.

Для этой цели на леднике Туок-Су приступают к постройке высокогорной станции.

Нынешнее лето оказалось необыкновенно благоприятным для обследований, так как снеговой покров в альпийской зоне сошел очень рано и остался лежать только у границ ледника. Экспедиция наметила место для будущей высокогорной станции в будку.

В конце июля к леднику Туок-Су была направлена новая экспедиция. Она установила на выбранном месте у ледника метеорологическую будку и построила землянку. С 1 августа начались наблюдения. Сделаны метки на скалах возле ледника, положены камни с метками по створу на самом леднике. Это даст возможность через некоторое время судить о характере движения ледника.

Так приступает к борьбе с грозными „силиями“ советская наука.

Новая география нашей страны

Географический ландшафт рассматривается обычно, как нечто, данное природой, нечто такое, что накладывает печать на всю культуру и деятельность человека.

В нашей стране географический ландшафт терпит невиданные изменения. Картографы вынуждены наносить на карту новые озера и указывать новые направления рек на местах, где раньше значились болота и непроходимые леса, где рождаются новые города.

Построена Днепровская гидроэлектростанция. Выше плотины Днепр разлился в огромное озеро, под водами которого скрылись пороги. На левом берегу Днепра вырос новый прекрасный город.

Беломорско-Балтийский канал, соединивший два моря, во многих местах существенно изменил картину края. Подпруда вод затопила большие пространства (например котловину Выгозера, теперь превратившуюся в необозримый водный бассейн).

Замечательные перемены произошли за последние годы в глухих Хибинских горах, куда раньше лишь изредка заглядывали кочевники-лопары. На берегу древнеледникового озера вырос город.

Светлеет вековая тайга в Сибири. Экскаваторы сносят мощные слои грунтов, засыпаются и осушаются болота.

И на юге мы видим крупные перемены. В бесплодные пустынные степи пошла вода, там возникают поселки, вырастают сады, зеленеют посевы. Оживают Муганская и Голодная степи и пустынное Приаралье.

Громадные мелiorативные работы в низовьях Куры сделали этот район совершенно неузнаваемым.

Меняется лицо Черноморского побережья от Туапсе до Батума, где с каждым годом растет сеть железнодорожных и шоссе дорог, множатся плантации цитрусовых и чая.

Когда будет осуществлен проект Большой Волги, вся приволжская часть СССР настолько изменит свой облик, что нужно будет говорить о возникновении нового географического ландшафта.

Эти немногие примеры показывают, как народы СССР в процессе творческого осуществления задач социалистического строительства изменяют географический ландшафт своей великой родины.

Расцвет новой жизни на Беломорско-Балтийском канале

2-го августа исполнилось два года со дня открытия Беломорско-Балтийского канала имени Сталина. За два года эксплуатации канал, построенный в невиданно короткие сроки, доказал блестящее качество своих гидротехнических сооружений. Сотни тысяч тонн грузов, десятки тысяч пассажиров перевезены за эти годы по шлюзам великого водного пути, соединяющего Белое море с Балтийским.

За 2 года вдоль берегов канала выросла сеть предприятий Беломорско-Балтийского комбината. Ко второй годовщине комбинат организовал новый самый крупный в Карелии совхоз „Падма“.

В районах, прилегающих к каналу, выросло 18 благоустроенных культурных поселков. Сейчас комбинат вступает в полосу новых, еще более грандиозных сооружений.

В разгаре строительства морского порта в Сорюке. Здесь сейчас заканчивается стройка лесоэкспортных причалов и нефтяной гавани.

¹ Кашалот — разновидность кита